

А.К. Саакян, Э.К. Багандова

С.О.Искаджян

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ
ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ ОТСУТСТВИИ МЕЖДУ НИМИ
ОТНОШЕНИЙ ПОДЧИНЕННОСТИ

Ереван 2021

МОНОГРАФИЯ

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ
ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ ОТСУТСТВИИ МЕЖДУ НИМИ
ОТНОШЕНИЙ ПОДЧИНЕННОСТИ**

**А.К. Саакян
Э.К. Багандова
С.О.Искаджян**

Ереван 2021

УДК 316.4 (07)

ББК 60.5я7

Авторы:

А.К. Саакян, Э.К. Багандова, С.О.Искаджян

Рецензенты:

Р.М. Акутаев - заведующий кафедрой уголовного права филиала ВГУЮ РПА Минюста России, доктор юридических наук, профессор, заместитель Председателя Конституционного Суда РД, Заслуженный юрист РФ и РД

С.Б. Быстряцев – д.с.н., профессор, заведующий социологической лабораторией Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

Саакян А.К., Багандова Э.К., С.О.Искаджян Уголовно-правовой и криминологический анализ нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности: Монография/ Под ред. И.А. Савченко. — ЕВН: Издательство «МЕКНАРК», 2021, 202 стр. .

Монография посвящена исследованию вопросов уголовно-правового анализа нарушений правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, криминологическому анализу преступлений данной категории, а также вопросам предупреждения нарушений правил уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности. Значительное место в монографии занимает исследование материалов конкретных судебных дел по преступлениям, совершенным военнослужащими.

Исследование адресовано правоведам, социологам, психологам и работникам правоохранительных органов, непосредственно работающим в военной сфере, а также всем интересующимся вопросами укрепления дисциплины и правопорядка в Вооруженных Силах России.

УДК 316.4(07)

ББК 60.5я7

ISBN 978-8846-0-1836

©Саакян А.К., Багандова Э.К., С.О.Искаджян

©Издательство «МЕКНАРК»

ВВЕДЕНИЕ

В поддержании высокого уровня боеготовности и боеспособности российских войск и сил флота особое место занимает морально-психологическое обеспечение. Его важнейшим компонентом является военно-социальная работа: она призвана обеспечить социально-правовой режим деятельности Вооруженных Сил. Укрепление правопорядка и законности в Вооруженных Силах РФ в настоящее время с учетом быстро происходящих в обществе социально-экономических и политических изменений приобретает особую важность. Приоритетным направлением здесь выступают укрепление боевой готовности, единоначалия, защита прав, чести и достоинства личности военнослужащих, их жизни и здоровья. В этих условиях одной из неотложных задач государства является обеспечение эффективной борьбы с преступностью против воинских уставных взаимоотношений и профилактика ее проявлений.

Искажение идеалов прошлого, обострение общественных противоречий негативно влияют на военнослужащих, особенно молодых солдат с их еще неустоявшимся мировоззрением. Устранение прежних социальных институтов в Вооруженных Силах, углубление дифференциации общества способствует распространению и упрочению в среде военнослужащих нигилистских, деструктивных настроений, выражающихся в совершении преступлений против воинских уставных взаимоотношений. Безусловно, они содействуют росту количества уголовно наказуемых деяний со стороны военнослужащих, и причины таких преступлений детерминируются конкретными условиями развития данной общественно-политической и экономической формации.

Вооруженные силы есть составная часть государства, а военнослужащие – часть народа. Они воплощают в себе черты, свойства и особенности, присущие всему обществу, его национальным, социальным, демографическим группам и слоям. Поэтому все позитивные и негативные поведенческие тенденции, индивидуальная личностная мотивация военнослужащих и, прежде всего, система их ценностных ориентаций определяются средой и ближайшим окружением. Однако Вооруженные Силы – специфическая часть общества с

отличительными социально-экономическими, организационно-управленческими и правовыми особенностями. Все они позитивно или негативно отражаются и на причинах, и на содержании преступности военнослужащих. Ее общественная опасность обуславливается посягательством не только на состояние правопорядка в целом, но и отрицательным влиянием на воинскую дисциплину, боеготовность армии и флота.

Именно поэтому военнослужащие дополнительно несут уголовную ответственность за непосредственные посягательства на воинский правопорядок, именуемые воинскими преступлениями. В структуру последних входят деяния, направленные против воинских уставных взаимоотношений и причиняющие существенный вред порядку несения военной службы. В широком смысле эти преступления могут выражаться в любых отступлениях от требований Уставов. Исследуется предусмотренное УК РФ воинское преступление, которое наносит ущерб уставным правилам взаимоотношений между военнослужащими, воинскому правопорядку, сопряженное с насилием, унижением чести и достоинства военнослужащих, предусмотренное ст. 335 УК.

Указанное преступление как негативное социальное явление воинского быта имеет глубокие исторические, социально-экономические и психологические корни. Оно представляет и в ближайшей перспективе будет представлять собой весьма серьезную проблему криминального характера в армии и на флоте.

Для оптимизации соответствующей превентивной деятельности в реформируемых Вооруженных Силах требуется максимальное использование современных достижений науки и техники, предусматривающее постоянное обновление средств и способов профилактики воинских преступлений, в том числе и деяний, нарушающих уставные взаимоотношения.

Это означает, что существует острая потребность совершенствования как практикуемых, так и разработка новых методик, основанных на криминологическом анализе предупреждения и пресечения исследуемых нами преступлений, что убедительно доказывают труды таких ученых, как Ю.М. Антонян, Х.М. Ахметшин, Ф.С. Бражник, В.М. Борисенко, В.В. Букреев,

А.П. Васнецов, А.Е. Волков, А.Ю. Девятко, О.К. Зателепин, А.В. Ищенко, Н.Н. Карпов, М.К. Кислицин, Б.А. Кожемякин, В.Н. Кудрявцев, К.С. Лиховидов, В.В. Лунеев, С.Л. Мазура, И.М. Мацкевич, С.Ф. Милюков, Е.А. Моргуленко, Н.А. Петухов, Д.Д. Пожидаев, М.Ю. Птицын, А.С. Самойлов, А.С. Седракян, С.А. Семенов, А.Л. Смердов, А.А. Толкаченко, А.И. Шилов, Н.А. Шулепов, В.П. Щупленков, В.Е. Эминов и др. Заметим здесь, что методики расследования и профилактики преступлений в достаточной мере не разработаны.

Относительно решения проблемы неуставных отношений следует особое внимание обратить на создание военной полиции, крайне необходимой на сегодняшний день для усиления контроля за соблюдением законности в Вооруженных Силах, а также улучшения всей воспитательной работы в армии.

Весной 2010 г. в России планировалось введение института военной полиции, которая, как предполагалось, должна была находиться в ведении Минобороны России. Однако бывший глава Минобороны РФ А. Сердюков на коллегии ведомства заявил, что военная полиция начнет функционировать в российской армии в 2012 г., после завершения аттестации офицеров военных комендатур и разработки необходимой нормативно-правовой базы, регламентирующей ее (полиции) деятельность. Однако даже в 2013 г., несмотря на большие перемены в Министерстве обороны России, военная полиция пока еще стояла на пороге внедрения.

Повышению эффективности борьбы с рассматриваемым преступлением могла бы способствовать криминологическая подготовка офицеров, прапорщиков, военных прокуроров, судей, следователей и дознавателей. Это необходимо, поскольку в реальной практике потерпевшие от указанных выше преступлений военнослужащие оказываются лишенными должной социальной и правовой защиты. Во многих воинских частях и подразделениях субъекты криминогенных настроений и поступков своевременно не выявляются, причины образования негативной микросреды не исследуются. Такие упущения нередко проявляются в «диктаторской» педагогике и «карательной» профилактике, применяемых без

диагностики личности военнослужащих, уяснения природы и истоков их отклоняющегося поведения.

Количество преступлений в Российской армии, в том числе связанных с «дедовщиной», остается на прежнем высоком уровне, и, даже несмотря на сокращение как численности армии, так и сроков военной службы по призыву, ситуация не изменилась в лучшую сторону.

Это означает, что предпринятое в рамках военной реформы сокращение числа офицеров и контрактников не привело к снижению уровня преступности в вооруженных силах. Поэтому практически назрела необходимость более детального совершенствования уголовного, уголовно-исполнительного законодательства отвечающего современным требованиям борьбы с преступностью, а также в разработке единого комплекса уголовных, уголовно-исполнительных и дисциплинарных мер предупреждения преступности военнослужащих с учетом формирования профессиональной армии и в целом реформирования Вооруженных Сил РФ.

Целью исследования является разработка теоретических положений и практических рекомендаций, в контексте криминологического и уголовно-правового анализа преступлений против правил уставных взаимоотношений, выработка на этой основе предложений по совершенствованию судебной практики и применению уголовного законодательства, разработка криминологической методики предупреждения данного преступления, призванной способствовать повышению эффективности борьбы с преступлением.

Достижение поставленной цели связано с решением следующих теоретических и научно-практических задач:

- комплексно проанализировать развитие уголовного законодательства об ответственности за преступные нарушения уставных правил взаимоотношений и основные признаки, характеризующие состав данного преступления;
- изучить основные причины и условия, которые способствуют совершению воинских преступлений в целом и рассматриваемого преступления в частности;
- выявить и раскрыть уровень соответствия правоприменительной деятельности

законодательным положениям о преступлениях против воинских правил уставных взаимоотношений в уголовно-правовой доктрине на основе исследованной судебной практики;

- определить место неуставных взаимоотношений в системе воинских преступлений и предложить наиболее эффективные формы и методы как общей, так и индивидуальной профилактики рассматриваемого деликта на основе статистических данных, конкретных примеров и теоретико-практического анализа совершаемых в нашей армии преступлений и других правонарушений;
- представить практические рекомендации по совершенствованию уголовно-правовой практики, касающейся важных вопросов данной проблемы, а также предложения по модернизации законодательного урегулирования вопросов, предусматривающих ответственность за анализируемое преступление;
- сформулировать обоснованные предложения совершенствованию правового регулирования в сферах профилактики и применения мер ответственности за преступления, связанные с неуставными взаимоотношениями.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступных нарушений правил уставных отношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, как антисоциальное явление, непосредственно посягающее на боевую готовность войск.

Предмет исследования – ранее действовавшее и современное законодательство о преступлениях против воинских правил уставных взаимоотношений, теоретические положения уголовно-правовой и криминологической науки, статистические данные, материалы уголовных дел о данной категории преступлений.

Методологическую базу исследования составляют общенаучный диалектический метод познания явлений и процессов социальной реальности, рассматривающий их в постоянном изменении, развитии, тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Частнонаучные методы исследования: системный,

сравнительно-правовой, исторический, системно-структурный, социологический, анкетирование, логико-юридический, статистический и др.

Нормативную базу исследования составили памятники российского уголовного законодательства, действующее уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное и военное законодательство, а также ведомственные нормативные акты.

Теоретической базой исследования послужили научные труды и статьи по уголовному и уголовно-исполнительному праву, криминологии, социальной психологии, психологии личности, истории и теории военного законодательства таких ученых-юристов, как З.А. Астемиров, Р.М. Акутаев, Х.М. Ахметшин, И.Х. Баграмян, Д.Н. Бахрах, Ф.С. Бражник, В.Н. Бурлаков, Г.И. Бушуев, В.В. Гачинский, О.К. Зателепин, Г.А. Золотухин, С.М. Иншаков, А.Н. Красиков, А.В. Кудашкин, Б.А. Кожемякин, С.П. Кочешев, В.Н. Кудрявцев, В.Д. Кузьмин-Караваяев, Н.И. Кузнецов, А.А. Куцев, В.В. Лебедев, В.В. Лунеев, В.М. Манохин, И.М. Мацкевич, Е.А. Моргуленко, С.В. Михеенко, А.В. Наумов, Г.П. Новоселов, Д.Ф. Огнев, А.А. Осипов, Н.А. Петухов, Т.Б. Рамазанов, А.С. Самойлов, С.А. Семенов, В.В. Сидорин, А.Л. Смердов, В.Н. Смирнов, Н.С. Таганцев, А.М. Уколов, И.А. Фаргиев, С.Г. Федоров, В.Н. Хропанюк, В.М. Чхиквадзе, М.А. Шнейдер, Н.А. Шулепов, В.П. Щупленков и ряда других авторов.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили:

- материалы судебной практики применительно к преступлениям против воинских правил уставных взаимоотношений в различных ее аспектах (квалификация преступления, вина, соучастие; дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация наказания и т.п.);
- результаты анализа судебной практики и исследований других авторов, которые мы учли при проведении нашего исследования;
- постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обзоры, информационные справки Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, материалы Махачкалинского гарнизонного военного суда, военной прокуратуры Махачкалинского гарнизона, военных комиссариатов и военных

частей, а также материалы координационных совещаний Северо-Кавказского окружного военного суда (с 2011 г. ЮВО);

- официальные статистические данные о состоянии и динамике нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности в Вооруженных Силах РФ и воинских формированиях с 2000 по 2010 год по СКВО, а за 2011 и 2013 гг. – по ЮВО;

- 237 уголовных дел и 200 копий приговоров, рассмотренных Махачкалинским гарнизонным военным судом и военной прокуратурой Махачкалинского гарнизона за период с 2000 по 2013 гг., а также уголовные дела, находящиеся в производстве следователей военной прокуратуры (гарнизона) и материалы опубликованной судебной практики по данной категории дел.

Автором в ходе исследования был проведен опрос 500 военнослужащих, проходящих службу в Кизлярской воинской части, следственных работников военной прокуратуры СКВО, военных судей, адвокатов, специализирующихся на преступлениях против военной службы, военнослужащих военных комиссариатов СКВО и ЮФО, призывников на сборных пунктах военкоматов.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в диссертации впервые с момента принятия УК РФ 1996 г. исследован комплекс актуальных проблем нарушения уставных правил взаимоотношений военнослужащих, не находящихся в подчинении друг у друга в масштабах Северо-Кавказского военного округа, с позиции уголовного права и криминологии.

Обобщен и проанализирован ряд теоретических трудов и практических работ, как отечественных, в частности, дореволюционных, советских и современных ученых, о различных аспектах исследуемой темы с позиции системного и комплексного подходов о проблеме нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчинённости; сформулирован и предложен ряд новых положений о совершенствовании уголовного, уголовно-исполнительного и военно-дисциплинарного законодательства, основанных на историческом и современном

опыте в области уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии. Выявлены и систематизированы характерные особенности личности преступника и потерпевшего, которые дают возможность осуществлять профилактику неуставных взаимоотношений.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нем выводы и предложения научно обоснованы и могут быть использованы специалистами. Сформулирован ряд предложений по совершенствованию ст. 335 УК РФ – преступление против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений, выявлены объективные связи между элементами криминологической характеристики, познание которых способствует совершенствованию форм и методов профилактики и предупреждению указанного преступления, обоснована необходимость повышения качества воспитательных мер с расширением участия специалистов в профилактической работе, освещены возможности повышения ее эффективности на основе использования криминологических данных.

Практическая значимость выводов о преступном нарушении правил уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, в частности, понятия и содержания криминологической сущности преступления могут быть использованы для создания учебных и практических пособий и рекомендаций и в процессе подготовки специалистов в области юриспруденции, укрепления воинской дисциплины, повышения боеготовности.

ГЛАВА I. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ ОТСУТСТВИИ МЕЖДУ НИМИ ОТНОШЕНИЙ ПОДЧИНЕННОСТИ

§1. Развитие российского законодательства в сфере нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности

Историки свидетельствуют, что проблема неуставных отношений в армии – отнюдь не порождение XX века. Существовала дедовщина и в Римских легионах, и в полках Пруссии. Лев Толстой в работе «Проекты реформирования армии» указывал на необходимость борьбы с неуставными отношениями в войсках русской армии.¹ Ведь армия – это не только техника, непрерывно совершенствующиеся танки, самолеты и автоматы, но и в основе своей – «живая сила». Это солдаты, готовые защищать свою страну, подготовленные к реальным военным действиям психологически.

Нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими (НУВ) являются специфической формой девиантного поведения, характерного именно и только для армейских коллективов.

Сравнительно-исторический анализ рассматриваемых явлений показывает, что неуставные взаимоотношения в той или иной степени интенсивности существовали и существуют почти во всех армиях мира, а проблема нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими возникла не в последние годы.

О криминальных проявлениях в этой сфере, как уже отмечалось, говорится в Соборном Уложении России 1649 г., в частности, о мерах наказания за насильственные действия в отношении воеводы и за оскорбление стрельцами друг

¹ Цит. по: Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. Т.16. – М.: Художественная литература, 1983. – Сс. 399-405.

друга. Об этих преступлениях говорилось в Уложении фельдмаршала Б. Шереметьева 1702 г. и в воинских артикулах Петра I от 1715 г.²

О подобных явлениях в 1855 г. писал Л.Н. Толстой: «У нас есть солдаты трех родов – есть угнетенные, угнетающие и отчаянные».³

Угнетенные – люди, сроднившиеся с мыслью, что они рождены для страдания, что одно качество, возможно и полезное для них, есть терпение, что в общественном быту нет существа ниже и несчастнее их.

Угнетающие солдаты – люди, перенесшие испытания и не упавшие, но ожесточившиеся духом. Их чувство справедливости принуждает заставлять страдать каждого столько же, сколько страдали они. Угнетающий солдат свыкся с мыслью, что он солдат, и даже гордится своим званием. Он старается и надеется улучшить свое положение угнетением и кражей. Он открыто презирает угнетенного солдата и решается проявлять иногда чувство ненависти и давать отпор начальнику. В нем есть сознания своего достоинства, но нет чувства чести: он не убьет в сражении своего начальника, но осрамит его. Он так же, как угнетенный, невежествен, но твердо убежден в своих понятиях.

Отчаянные солдаты – люди убежденные, что для них нет ничего незаконного и ничего не может быть худшего. О будущей жизни они не могут думать, потому что не думают. Для отчаянного солдата нет ничего невозможного, ничего святого: он украдет у товарища, ограбит церковь, убежит с поля, перебежит к врагу, убьет начальника и никогда не раскается.

Еще в 1905 г. князь С.А. Друцкой, занимавшийся проблемами военного строительства, говорил: «Войско, живущее среди граждан и соприкасающееся с ними всеми сторонами своего существования, не может быть чуждо влиянию тех процессов, которые происходят в гражданском обществе ... Но помимо этого есть основание предполагать, что преступность в армии зависит от факторов добавочных, не имеющих места в быту гражданском».⁴

² Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Х. Маньков. – М.: Юридическая литература, 1986. – Сс. 330-335.

³ Цит.: Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. Т.16. – М.: Художественная литература, 1983. – Сс. 399-405.

⁴ Мацкевич И.М. Общая характеристика военнослужащих // Российская юстиция. – 2000. – № 6. – Сс.34-37.

В царской армии начала XX века также имелись серьезные недостатки, связанные с фоновым криминальным проявлением «дедовщины», во многом схожие с недостатками, присущими современным Вооруженным Силам.

Не случайно в 1914 г. журнал «Разведчик» отмечал, что «мы должны освежить во всех отношениях казарму... Наша казарма – синоним скучного, нудного, тяжелого... что-то вроде тюрьмы или арестантских отделений».⁵

На рубеже 1900–1914 г.г. в царских юнкерских и кадетских корпусах широкое распространение получила специфическая военная система «воспитания», осуществляемая старшими по возрасту воспитанниками по отношению к их же товарищам. Например, юнкер Московского военного училища Дьяченко был осужден на 2 месяца заключения с содержанием в военной тюрьме за то, что нанес удар по лицу своему взводному после того, как последний сказал ему «С такими господами, как Дьяченко, не надо церемониться» и приказал ему встать.⁶ Подобные случаи рассматривались самими воспитанниками как утверждение боевого духа и испытание на прочность своих товарищей, т. е. как своеобразная форма армейской традиции, через которую обязаны были пройти все для того, чтобы «отсеять» слабых в физическом и моральном отношении будущих офицеров.

Из истории царской армии: знаменитый лейтенант Шмидт, до того как прославиться на крейсере «Очаков», во время обучения в военном училище создал и возглавил восстание против гнета старшекурсников, будущих офицеров, издевавшихся над младшими курсантами в физическом и моральном отношении.

Вместе с тем в самой армии подобные случаи издевательства со стороны офицеров, унтер-офицеров или старослужащих солдат над более молодыми не имели сколько-нибудь серьезного распространения.

Архивные материалы царской армии времен Николая II констатируют, что подобной проблемы, волнующей сегодня современную общественность, не существовало. Не только солдаты не допускали между собой подобного рода издевательств, но и офицеры чаще всего обращались с нижними чинами в рамках

⁵ Смирнов С.П. Самоубийство в армии // Разведчик. – 1914. – № 1218. – С.153.

⁶ Унижение человеческого достоинства по традиции // Братская помощь. – 1909. – № 4. – С.2.

закона: «Что же касается гуманного отношения офицера к солдату, то мы стоим в этом отношении едва ли не выше соседей».⁷

При этом следует отметить, что царская армия на 90 % состояла из крестьян. Только в результате скрупулезного поиска в архивах можно найти похожие эпизоды. Так, в материалах военного трибунала говорится об неуставных отношениях бойцов 3-й роты 1-го полка 30-й дивизии Красной Армии, основанных не на старшинстве в звании, а на продолжительности времени, проведенного на службе (1919 г). Тремя «дедушками» был до смерти забит красноармеец Куприянов Ю.И., 1901 г. рожд., уроженец Балаковского уезда Саратовской губернии, за отказ выполнять их приказания. Приговор трибунала в соответствии с законами военного времени был суров: расстрел.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. была закреплена норма об ответственности за оскорбление подчиненным военным служащим своего начальника при исполнении последним служебных обязанностей: если оскорбление нанесено насильственным действием, виновный карался лишением свободы на срок не менее одного года со строгой изоляцией. Если же оскорбление было нанесено только на словах или ненасильственным действием – лишением свободы на срок не менее шести месяцев, при смягчающих же вину обстоятельствах – по правилам устава дисциплинарного. Те же деяния, учиненные при тех же условиях начальником в отношении подчиненного ему военным служащего, карались тем же наказанием (ст. 201).

Впервые предусматривалась ответственность за превышение начальником власти. Превышение военным начальником пределов своей власти или бездействие его, совершенное без злого умысла, не повлекшее за собой дезорганизации вверенных ему вооруженных сил и материальных средств или других особо важных последствий, карается лишением свободы на срок до трех лет со строгой изоляцией. Превышение военным начальником пределов своей власти или бездействие его без злого умысла, но повлекшее за собой общую дезорганизацию вверенных ему вооруженных сил и материальных средств или

⁷ Смирнов С.П. Самоубийства в армии // Разведчик. – 1914. – № 1218. – С.153.

военный бунт, или отсутствие надлежащего снабжения, или гибель этих сил и средств, или разглашение тайн, стратегических планов, или другие особо важные последствия, карается лишением свободы на срок до пяти лет со строгой изоляцией. Превышение военным начальником своей власти или бездействие его, совершенное со злым умыслом, из корыстных или иных целей, независимо от того, повлекло ли оно или не повлекло последствий, указанных в настоящей статье, карается лишением свободы на срок не ниже пяти лет (ст. 209).⁸

В период становления Красной Армии в ней также имели место случаи избиения военнослужащих.⁹ Способствовал этому также ускоренный выпуск офицеров военного времени. Вместе с тем в 1924 г. за оскорбление одним военнослужащим другого при отсутствии между ними отношений подчиненности были осуждены 2, 5 % всех правонарушителей- военнослужащих, а в 1925 г. – 4 %. В первые годы существования Красной Армии уровень преступлений против воинской чести был высоким.¹⁰

Военная Коллегия Верховного Суда в циркуляре № 2 от 1924 г. указала на опасность и необходимость искоренения пережитков старой царской армии – денщикества и «солдатских присяг». Учитывая опасность пережитков, связанных, как правило, с противоправными действиями в отношении подчиненных и молодых солдат, первый общесоюзный военно-уголовный закон – Положение о воинских преступлениях от 1924 г. – наряду с оскорблением военнослужащего (ст. 4) установил и такие составы преступлений, как превышение власти (ст.12), противозаконное использование начальником подчиненного (ст.19).¹¹

Положение о воинских преступлениях от 1927 г. было дополнено нормами, предусматривающими ответственность за оказание сопротивления лицу, исполняющему обязанности по военной службе, и принуждение лица к нарушению этих обязанностей. Были внесены и другие изменения. Если прежнее законодательство устанавливало ответственность только за оскорбление подчиненным начальника или начальником подчиненного, то новое Положение

⁸ СУ РСФСР. – 1917. – № 15. – Ст. 153.

⁹ Малышицкий М.И. Психология нашего солдата // Военное дело. – 1919. – № 17-18. – С. 59.

¹⁰ Лунеев В.В. Советская криминология. – М., 1978. – С. 170.

¹¹ СЗ СССР. – 1924. – № 21. – Ст. 205.

закрепило также ответственность на равных основаниях за оскорбление младшим старшего или старшим младшего по воинскому званию (ст. 5) и за оскорбление военнослужащих, не состоящих с виновным в отношениях подчиненности либо старшинства (ст. 6). Для военнослужащих всех категорий была предусмотрена ответственность за оскорбление не только насильственным действием, но и на словах или ненасильственным действием.

Таким образом, в Положении от 1927 г. содержалось уже шесть статей о преступных неуставных действиях; сохранены две нормы о незаконных действиях начальников над подчиненными, а также введены четыре статьи о воинском оскорблении, устанавливающие ответственность различных категорий военнослужащих за разные виды оскорблений.¹²

Однако как социально-негативного массового явления неуставных отношений ни в царской армии, ни позже – в Красной Армии – до 30-х годов не было. В военные годы указанные противоправные деяния не имели распространения в войсках, носили эпизодический характер и больше вытекали из личных отношений, чем из уставных. Нередко наблюдалось, что представители старшего поколения, служившие в армии до начала 50-х годов, категорически отказывались верить в существование «дедовщины»¹³, что не является следствием закономерного развития, а свидетельствует об особенностях мышления обычного человека.

В 50-е гг. ситуацию усугубил массовый призыв осужденных, амнистированных в 1953, 1955 и 1957 гг. Именно в этот период нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими приобрели новые качества, напоминающие уголовные традиции и лагерные нравы. Резкое сокращение армии в 60-е гг., омоложение личного состава и послевоенные демографические проблемы открыли для этих отрицательных явлений широкую дорогу в казармы.

С принятием Закона от 25 декабря 1958 (ред. от 15.12.1983) «Об уголовной ответственности за воинские преступления» система деликтов против уставного

¹² СЗ СССР. – 1927. – № 15. – Ст. 159.

¹³ Беницкий Л.С., Николаев К.Н. Дедовщина // Армия. – 1996. – № 7. – С. 2.

порядка воинских взаимоотношений стала более совершенной. Была усилена правовая охрана порядка воинской подчиненности. В этом Законе содержалось два новых состава преступления: насильственные действия в отношении начальника (ст. 6) и угроза начальнику (ст. 5). В то же время была исключена ответственность военнослужащих за оскорбление на словах или ненасильственным действием при отсутствии между виновным и потерпевшим отношений подчиненности. Преступления подчиненных в отношении начальников на почве антиуставных взаимоотношений включили в себя, помимо вышеназванных преступлений, сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей (ст.ст. 4-7 Закона).

Неуставные насильственные действия начальников в отношении подчиненных могли квалифицироваться: как превышение власти, сопряженное с насилием (ст. ст. 4-7 Закона); как оскорбление подчиненного (ст. 7); как сопротивление иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности по военной службе или принуждение его к нарушениям этих обязанностей (ст. 4.). Такие нарушения уставного порядка взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, как сопротивление или принуждение, охватывались ст. 4 Закона, а оскорбления насильственным действием квалифицировалось по ст. 8.¹⁴

Закон не предусматривал ответственность за насильственные действия в отношении военнослужащих, не состоящих с виновными в отношениях подчиненности. Поэтому на практике подобные неуставные действия квалифицировались по нормам общеуголовного законодательства как хулиганство либо как преступления против личности. В специальной литературе обоснованно отмечалось, что такая квалификация не отражает того обстоятельства, что указанные преступления причиняют ущерб порядку несения военной службы и должны предусматриваться в Законе об уголовной ответственности за воинские преступления. Кроме того, не был решен вопрос о квалификации оскорбления насильственным действием, совершенного в связи, но

¹⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 10.

не при непосредственном исполнении обязанностей по военной службе.

Истоки «дедовщины» лежат в негативных проявлениях общественной жизни начала 60-х годов, когда в армию стали призывать лиц, ранее судимых. Апогей развития данных явлений пришелся на 70–80-е гг., когда особенно пышно стали проявляться аномалии духовно-нравственной сферы.

Первые уголовные дела по НУВ появились в 1963–1965 гг. – это были единичные факты. Но уже в 70-е гг. происходит постепенное превращение единичных случаев НУВ в социально-негативные проявления.

Для подавляющего большинства современной молодежи армейская дедовщина – явление характерное для Советской Армии с момента ее образования. Однако по сведениям представителей старшего поколения, появление неуставных взаимоотношений датируется примерно 70-ми гг. прошлого века.¹⁵

Указ Президиума Верховного Совета от 15 декабря 1983 г. внес существенные изменения и дополнения в нормы военно-уголовного законодательства. Это дало возможность более четко определить круг преступлений против уставного порядка воинских взаимоотношений, их место в общей системе воинских преступлений, полнее раскрыть их специфические признаки и классифицировать. В Законе об уголовной ответственности за воинские преступления появилась неизвестная ранее ст. 8 в новой редакции, названная «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности».¹⁶ Согласно этой статье, в настоящее время оскорбление одним военнослужащим другого при наличии указанного условия не образует самостоятельного воинского преступления.

Диспозиция ст. 7 Закона в новой редакции стала существенно отличаться от прежней. Из нее исключено и перестало признаваться воинским преступлением оскорбление одним военнослужащим другого на словах и ненасильственным действием. Из круга субъектов оскорбления насильственным

¹⁵ Кашин С.Т., Дроздов К.С. Неуставные отношения// Комсомольская правда. – 1999. – № 4. – С. 5.

¹⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1983. – № 51. – Ст. 784.

действием исключены старшие и младшие по воинскому званию. Эта норма не содержит в действующей редакции и указания на то, что необходимым признаком оскорбления как воинского преступления, является его нанесение при исполнении потерпевшим либо виновным обязанностей по военной службе. Исключение данного признака теперь позволяет квалифицировать как воинские те отдельные преступные неуставные действия, которые ранее признавались в качестве общеуголовных.

Из ст. 24 Закона исключен пункт, предусматривавший применение права Дисциплинарного устава за совершение деяния при наличии смягчающих обстоятельств. Пункт «б» этой статьи в новой редакции устанавливает ответственность за превышение власти или служебных полномочий наряду с злоупотреблением властью и бездействием власти при отягчающих обстоятельствах.

Таким образом, дополнение Закона новой ст. 8 и существенное изменение редакций ст. ст. 7 и 24 позволяют квалифицировать в качестве воинских различные насильственные действия подчиненных в отношении командиров, начальников над подчиненными, а также над военнослужащими, с которыми виновные не состоят в отношениях подчиненности. В результате же образовалась более или менее стройная система уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушение уставного порядка взаимоотношений между всеми категориями военнослужащих.

Основным нарушением уставного порядка воинских взаимоотношений выступает насилие над личностью потерпевшего, выполняющего важную социальную функцию и свой конституционный долг по защите Родины. Конкретно эти преступления могут выступать в виде различных действий, подпадающих под признаки ст. ст. 4-8 и ст. 24 рассматриваемого Закона в части превышения начальником власти, соединенном с насилием над подчиненным.¹⁷

Запущенность проблемы нарушений уставных взаимоотношений в армии

¹⁷ Там же: 1983. – № 51. – Ст. 784.

в последние советские десятилетия привела к тому, что в силовых структурах СССР девиантное поведение вышло за рамки просто аморальных поступков отдельных военнослужащих и стало представлять собой серьезную проблему для общества. Рассматриваемые в этот период исследования военно-уголовных проблем пополнили теоретические идеи военно-уголовного права и практически стали их основой в последующем развитии. Сложно объяснить определенные позиции законов Советской власти с учетом их объективных и субъективных свойств, но, тем не менее, разработанная теория военно-уголовного законодательства в период Советской власти сохранилась и преумножилась.

Конфликтные ситуации, возникающие на почве личной неприязни, обид, несдержанности имеют меньшую социальную опасность (и могут разрешаться), нежели посягательства, происходящие на межгрупповом или личностно-групповом уровне. Такие конфликты представляют серьезную опасность для нормального функционирования не только отдельно взятого подразделения, но и всей воинской организации как целостного социального организма, так как в основе подобных инцидентов лежит неформальное разделение военнослужащих (в отличие от формального, предусмотренного законами и воинскими уставами (по должности, воинскому званию и т. д.)

В воинских подразделениях по определенному признаку (признакам) образуются противостоящие друг другу социальные группы, стремящиеся к утверждению своего доминирующего положения. Формы утверждения социального статуса (положения) той или иной группы в воинском коллективе приобретают характер создания для доминирующей группы негласных «привилегий» и «обязанностей» по отношению к ней остальных групп, закрепленных системой морально-психологического и физического насилия. Иными словами, складывается система организованного физического и психического насилия, пронизывающего все стороны жизнедеятельности воинских подразделений, некая система «упорядоченного беспорядка», на основе которой функционируют отдельные воинские подразделения, своеобразный тип социальной организации.

На научно-практической конференции «Нарушение уставных отношений в Советской Армии (криминологические, социально-психологические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты)», состоявшейся в Москве в 1990 г., отмечалось, что рассматриваемые явления возникли на переходном этапе, когда срок службы в армии сократился с 3 до 2 лет, и лица, прослужившие более двух лет, почувствовали себя социально обманутыми. Сегодняшний солдат, конечно, несопоставим с солдатом прошлого века. Уклад жизни XX столетия наложил свой отпечаток на современного военнослужащего, но и сегодня соответствующая проблема стоит не менее остро, причем не только в наших Вооруженных Силах.¹⁸

Среди исследователей проблем неуставных взаимоотношений нет единого мнения об истоках рассматриваемых правонарушений. Кроме термина «дедовщина» довольно часто употребляется другой – «неуставные (или антиуставные) отношения». Этот термин нашел свое закрепление в ст. 8 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления. До включения в него специальной нормы «Об ответственности за неуставные отношения между военнослужащими» деяния такого рода квалифицировались по ст. 206 УК РФ и трактовались как «казарменное хулиганство».

Ни один из перечисленных терминов не может претендовать на точное научно-правовое определение исследуемых криминальных проявлений, которое хотя бы лингвистически было оправдано. По сути, их следует называть правонарушениями в сфере межличностных отношений в войсках, а более конкретно – рассматривать как глумление, издевательство и насилие над военнослужащими. Вместе с тем в целях упрощения излагаемого материала нами допускается употребление условного, собирательного термина «дедовщина», с оговоркой на то, что на самом деле при этом имеется в виду.

Рассматриваемые преступные деяния отражают, в конечном счете, социальные проявления нашей жизни и связаны с ними тысячами мельчайших нитей общественного бытия. Такими проявлениями, например, могут быть:

¹⁸ Хохлов А.И., Дмитриев К.Л. Сегодняшний солдат... // Военная мысль. – 1999. – № 3. – Сс.10-11.

расслоение по демографическим и другим критериям, зависимость (почти абсолютная) подчиненных от непосредственных начальников, физический приоритет старших над младшими и т. д.

Подобные проявления служат как бы фоном для армейской действительности, но они постоянно оказывают влияние на повседневную жизнь человека. Военная же служба часто есть тот водораздел, по которому происходит расслоение людей.

Большое криминогенное влияние оказывает здесь и негативная традиция. Большая часть исследователей видит в ней мощный фактор, способствующий правонарушениям в сфере межличностных отношений. На то же указывают и другие исследователи, полагающие, что укоренившиеся отрицательные традиции «превращают эту область человеческого бытия в зону особого режима насилия над личностью».¹⁹

По мнению В.Н. Кудрявцева, насильственное агрессивное поведение часто представляет собой не средство достижения каких-либо рациональных целей, а в известном смысле «самоцель». Данная точка зрения поддерживается некоторыми исследователями, которые утверждают, что насилие, как одна из форм проявления рассматриваемых правонарушений, доходит в своем развитии до абсурда и иногда применяется ради самого факта избиения, убийства.

Однако это положение верно лишь отчасти. Во многих случаях имеют место и корыстные, и иные мотивы поведения виновных в совершении указанных правонарушений. Так, их действия нередко направлены на завладение новым обмундированием вновь прибывших солдат, их деньгами, посылками и т. п. Весьма часто они заставляют молодых солдат выполнять вместо себя наиболее тяжелые, грязные и непрестижные виды работы. Основной и наиболее действенный метод принуждения в случае отказа – угроза применить насилие. Нередко старослужащие подкрепляют свою угрозу нанесением побоев или иным насилием.

¹⁹ Капустин А.Н., Азарнов Н.Н. Правонарушения в сфере межличностных отношений // Армия. – 1996. – №.10. – Сс. 2-3.

Как отмечают исследователи, корыстный мотив – узколичностный. Он доминирует и по-разному проявляется у человека, который действует в ущерб интересам и потребностям других лиц или общества в целом. Правонарушители, совершающие рассматриваемые противоправные деяния, стараются сразу обратить на себя внимание отличием в одежде, поведении. Это своеобразный наглядный показатель их социального положения в армейской среде и одновременно форма психологического давления на молодых солдат. Следовательно, корыстный мотив даже в подобных действиях так называемых «дедов» присутствует, хотя четко не проявляется.

Исходя из изложенного, правонарушениями в сфере межличностных отношений в войсках следует признать такие деяния, которые: 1) имеют широкое распространение и носят характер социально-негативных криминальных проявлений; 2) основаны на отрицательных традициях армейской действительности, уходящих в историческое прошлое; 3) связаны с глумлением, издевательствами и насилием одних военнослужащих над другими; 4) имеют целью подчинить военнослужащих влиянию других военнослужащих, с тем чтобы получать незаконные преимущества по службе, облегчить тяготы в повседневном воинском быту. Представляется, что перечисленные признаки отражают внутреннюю природу исследуемых правонарушений, их сущность.

Отсюда под преступлениями в сфере межличностных отношений в армии следует понимать устойчивые социально негативные проявления криминального характера, которые основаны на отрицательных традициях армейской действительности, связанных с глумлением, издевательствами и насилием одних военнослужащих над другими, с целью подчинить их своему влиянию, с тем чтобы облегчить себе тяготы и лишения воинской службы.

§2. Понятия, основные и квалифицирующие (особо квалифицирующие) признаки состава нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними подчиненности

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 59), защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации, который несет военную службу в соответствии с федеральным законом.

Федеральными законами, содержащими систему основополагающих положений в сфере организации военной службы, являются законы: от 31 мая 1996 № 61 – ФЗ «Об обороне» (в ред. от 5 апреля 2011 года № 46-ФЗ)²⁰; от 21 июля 1998 г. № 117 – ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (в ред. от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ)²¹; от 27 мая 1998 г. № 76 – ФЗ «О статусе военнослужащих» (в ред. от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ).²²

Отношения в рассматриваемой сфере регламентируются также общевоинскими уставами Вооруженных Сил РФ и другими нормативными актами (например, Положением о порядке прохождения военной службы, утв. Указом Президента РФ от 16.09.99 № 1237, с изм. на 21.03.2011)²³, Положением о призыве на военную службу граждан Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 11.11.2006 № 663 и др.²⁴

Ответственность за преступления против военной службы установлена гл. 33 Раздела XI Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. В ст. 331 УК РФ сформулировано понятие преступления против военной службы. Преступлениями против военной службы признаются предусмотренные гл. 33 УК преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву или по контракту в Вооруженных Силах РФ, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Часть вторая ст. 331 УК РФ утратила силу.

²⁰ СЗ РФ. – 1996. – № 23. – Ст. 2750.

²¹ СЗ РФ. – 1998. – № –13. Ст. 1475.

²² СЗ РФ. – 1998. – № 22. – Ст. 7331.

²³ Указом Президента РФ от 16 сентября 1999 № 1237, с изм. на 21 марта 2011 г.

²⁴ Постановлением Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. № 663.

Положения об ответственности, содержащиеся в гл. 33 УК, распространяются только на мирное время. Уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени.

Родовой объект преступлений против военной службы совпадает с видовым объектом, поскольку Раздел XI «Преступления против военной службы» содержит всего одну главу с тем же наименованием. Родовым (видовым) объектом преступлений против военной службы является установленный порядок несения и прохождения военной службы военнослужащими, обеспечивающий нормальную деятельность Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и иных государственных органов, где предусмотрено прохождение военной службы.

Если военнослужащими совершаются преступления, предусмотренные другими разделами и главами Особенной части УК (убийство – ст. 105, кражи – ст. 158, хулиганство – ст. 213, разглашение государственной тайны – ст. 283 и др.), не посягающие на порядок прохождения военной службы, то ответственность наступает по статьям соответствующих глав на общих основаниях.

Непосредственными объектами преступлений против военной службы являются общественные отношения, образующие отдельные элементы порядка несения и прохождения военной службы.

Некоторые авторы предлагают различные классификации, основанные на непосредственном объекте воинских преступлений. Так, Т.А. Лесниевски–Костарева выделяет, исходя из непосредственного объекта, общие и специальные виды воинских преступлений.

Общие преступления:

- 1) против порядка подчиненности и воинских взаимоотношений (ст. ст. 332-336 УК);
- 2) против порядка пребывания на военной службе (ст. ст. 337-339 УК) и порядка пользования военным имуществом (ст. ст. 345-348 УК).

Специальные преступления:

- 1) против порядка несения специальных (охранных) видов военной службы (ст. ст. 340-344 УК);
- 2) против порядка использования опасных в эксплуатации военно-технических средств (ст. ст. 349-352 УК)²⁵.

Преступления против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений между военнослужащими – первая группа преступлений.

В Уставе внутренней службы Вооруженных Сил РФ, а также других общевоинских уставах определяются правила взаимоотношений военнослужащих. При этом указывается, что военнослужащие должны быть примером высокой культуры, скромности, их взаимоотношения должны строиться на основе взаимного уважения. Уголовная ответственность за нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности была введена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1983 г. До этого Указа насильственные действия в отношении военнослужащих, не состоящих между собой в отношениях подчиненности, квалифицировались как хулиганство или как преступление против личности. Специфика противоправности нарушения уставных правил состоит в том, что оно нарушает не только тот или иной уголовно-правовой запрет, но и правила военной службы, закрепленные в воинских уставах, других законах и иных нормативных правовых актах.

Для правильной квалификации противоправного деяния как нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности необходимо правильно установить состав этого преступления.

Объектом преступления, по общему правилу, признаются те интересы (блага), которым причиняется или может быть причинен вред в результате преступного посягательства и которые охраняются уголовным законом от этих посягательств.

²⁵ Лесниевски-Костарева Т.А Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998.

Преступления против уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности направлены против закрепленного в воинских уставах порядка взаимоотношений военнослужащих, не состоящих в отношениях подчиненности, а также против личности военнослужащих, их здоровья, чести и достоинства.

Исполнение обязанностей военной службы осуществляется с соблюдением определенных правил, установленных воинскими уставами, приказами и иными нормативными правовыми актами. Несоблюдение установленного порядка прохождения военной службы ведет к ее дезорганизации, срыву поставленных задач, причинению физического вреда и материального ущерба. Посягательство на порядок уставных взаимоотношений осуществляется путем непосредственного противоправного воздействия на одного или нескольких военнослужащих – участников этих отношений. Поэтому преступлением причиняется ущерб как порядку уставных взаимоотношений между военнослужащими, так и личности потерпевших. Более того, степень общественной опасности совершенного преступления зависит, прежде всего, от вреда, нанесенного потерпевшему.

Общий порядок воинских отношений урегулирован преимущественно «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации» в ред. Указов Президента РФ от 29.04.2011 № 561), утвержденными Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 29.04.2011) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» и специальными нормативными правовыми актами и отдельными приказами²⁶.

Специальный характер объекта преступления против уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, каковым является установленный порядок прохождения военной службы, определяет специфику деяния, посягающего на

²⁶ Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 (ред. от 29 апреля 2011 г.) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», "Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»)

этот порядок. Оно выражается в нарушении тех или иных закрепленных воинскими уставами и иными нормативно-правовыми актами правил исполнения служебных обязанностей. В каждом конкретном случае совершения данного воинского преступления необходимо четко определять нормативные источники, в которых предусмотрены нарушенные преступлением требования.

Дополнительным объектом преступления могут быть честь, достоинство, жизнь и здоровье потерпевших.

Объективную сторону любого преступления образуют признаки, характеризующие его с внешней стороны. К ним относятся: общественно опасное деяние (действие или бездействие), общественно опасные последствия, причинная связь между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями, способ, орудия и средства, место, время и обстановка совершения преступления.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. расширил объективную сторону рассматриваемого преступления. Если по прежнему закону (УК РСФСР 1960 г.) преступными признавались лишь нарушения, выражающиеся в побоях или ином насилии над потерпевшими, то теперь УК РФ признает уголовно наказуемыми и нарушения, связанные с унижением чести и достоинства потерпевшего, издевательствами над ним и нарушения, связанные с насилием.

Общие обязанности военнослужащих закреплены Уставом Внутренней службы Вооруженных Сил РФ, которым установлено, что военнослужащие обязаны «уважать честь и личное достоинство каждого, не допускать в отношении себя и других военнослужащих грубости и издевательств», а также «свято блюсти воинскую честь, защищать свое достоинство и уважать достоинство других».²⁷ Воинская дисциплина обязывает каждого военнослужащего «оказывать уважение друг другу».²⁸

Как видно из вышеизложенного, эти обязанности военнослужащих по отношению друг к другу не соблюдаются и, таким образом, происходит нарушение уставных правил. Под нарушением уставных правил

²⁷ Устав Внутренней службы Вооруженных Сил РФ, ст. 19. Гл.1.

²⁸ Дисциплинарный Устав Вооруженных Сил РФ, ст. 1. Гл.1.

взаимоотношений понимаются различные виды насилия одних военнослужащих над другими, принуждение потерпевших совершать действия, унижающие их личное достоинство, оказывать личные услуги старослужащим, выполнять за них те или иные обязанности военной службы, добиваться обеспечения себе облегченных условий службы, привилегированного положения в коллективе, а равно из других, в том числе хулиганских, побуждений. Насилие может состоять в нанесении побоев, причинении вреда здоровью различной тяжести, иных насильственных действиях, связанных с причинением физической боли потерпевшему либо ограничением его свободы. Понятием насилия охватывается также угроза применения различных видов насилия.

Побои состоят в нанесении множества (двух или более) ударов, сопряженных с причинением физической боли. Под иным насилием следует понимать различные виды физического воздействия на потерпевшего, которые не являются побоями и не связаны с причинением вреда здоровью.

Состав рассматриваемого преступления образует нанесение побоев или применение иного насилия одним военнослужащим в отношении другого, когда оно имело место в связи с исполнением потерпевшим и виновным обязанностей военной службы, т.е. на почве служебной деятельности военнослужащих. По ст. 335 УК РФ должны быть квалифицированы все насильственные и другие действия, совершенные в отношении потерпевшего, как находящегося при исполнении служебных обязанностей, так и не находящегося при исполнении служебных обязанностей, но в связи с его служебной деятельностью, когда при исполнении служебных обязанностей находился виновный, а также в случаях, когда потерпевший и виновный не находились при исполнении служебных обязанностей, но преступление сопровождалось проявлением явного неуважения к воинскому коллективу, нарушением установленного воинского правопорядка.

Развернутое понятие исполнения военнослужащим обязанностей военной службы дано в ст. 37 Закона РФ «О воинской обязанности и военной службы»²⁹ и в ст. 7 Устава внутренней службы Вооруженных Сил РФ.³⁰

²⁹ О воинской обязанности и военной службе см. Федеральный закон от 6 марта 1998 // СЗ РФ. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.

Под исполнением обязанностей военной службы понимается, в частности, исполнение должностных обязанностей, установленных воинскими уставами, несение боевого дежурства и других специальных служб, выполнение приказа, распоряжения или задачи, отданных или поставленных командиром (начальником), нахождение на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени.

Действия, квалифицируемые ст. 335 УК РФ, могут быть совершены на почве недовольства виновного служебной деятельностью потерпевшего, имевшей место в прошлом, либо в связи с его конкретными действиями, совершаемыми в данный момент.

Правильно были квалифицированы Махачкалинским гарнизонным военным судом по ч. 1 ст. 335 УК РФ действия рядового Э., проходившего военную службу по контракту, не находившегося в отношении подчиненности рядового Е., который с целью показать свое превосходство, унизив честь и достоинство последнего, нарушил уставные правила взаимоотношения подчиненности. В состоянии алкогольного опьянения он вошел в комнату бытового обслуживания казармы и потребовал у Е., гладившего свое обмундирование, передать ему утюг, также для глажки. Когда Е. отказался выполнить данное неправомерное требование, Э. в нарушение требований ст. ст. 13, 14, 16 и 64 Устава внутренней службы ВС РФ и ст. ст. 1, 2, 3 Дисциплинарного Устава ВС РФ нанес телесные повреждения Е., повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья, т. е. легкий вред.³¹

В указанных ситуациях применение насилия одним военнослужащим по отношению к другому представляет собой посягательство на закрепленный уставами порядок взаимоотношений между военнослужащими и по своему характеру является воинским правонарушением.

Однако не всякое насилие одного военнослужащего над другим образует воинское преступление. В период состояния на действительной военной службе

³⁰ Устав Внутренней службы Вооруженных Сил РФ // Общевоинские уставы Вооруженных Сил РФ. – СПб., 1996. – С. 106.

³¹ Уголовное дело № 14/07/0010-01 в отношении сержанта О. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2007 г.

военнослужащие вступают не только в военно-служебные отношения, регулируемые и охраняемые нормами военного законодательства. На почве осуществления имущественных, брачно-семейных и иных личных прав и обязанностей между ними могут возникать личные отношения. В конкретных случаях они могут сопровождаться общественно опасным нарушением общегражданских прав и свобод участвующих в них военнослужащих, в том числе с применением насилия. Поскольку подобные правонарушения не посягают на воинский правопорядок, ответственность за них должна наступать с применением соответствующих норм общеуголовного законодательства.

Так, не образует воинского преступления насилие одного военнослужащего над другим, совершенное, например, по личным мотивам, когда военнослужащие находились на семейном торжестве, в кругу знакомых, вне пределов воинской части и т.п. В зависимости от обстоятельств такое насилие может быть признано преступлением против личности или хулиганством. В большинстве случаев насилие одного военнослужащего над другим, совершенное в расположении воинской части, будет признаваться нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. Однако в отдельных конкретных случаях такое насилие может не содержать признаков воинского преступления.

Если, к примеру, два солдата, уединившись в помещении для хранения личных вещей, выясняют личные отношения и при этом один другому наносит побои или причиняет вред здоровью из ревности, мести и т.п., то содеянное не может быть квалифицировано по ст. 335 УК РФ.

Рассматриваемое преступление может быть совершено в расположении воинской части или вне ее пределов, в служебное время или во время отдыха, проведения культурно-массовых мероприятий, при нахождении в командировке, в лечебном учреждении и т. п.

В соответствии со ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», военнослужащий не все время нахождения на территории воинской части считается исполняющим обязанности военной службы или находящимся при исполнении этих обязанностей, а только в течение

установленного распорядком дня служебного времени.³² В ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» определено, что военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, ежедневно предоставляется не менее восьми часов для сна и двух часов личного времени.³³ Поэтому не всякое насилие одного военнослужащего над другим в расположении воинской части может быть признано совершенным во время исполнения обязанностей военной службы и на этом основании признаваться нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.

Унижение чести и достоинства, как одна из форм нарушения уставных правил взаимоотношений, по своим объективным признакам сходно с оскорблением (ст. 336 УК РФ).

Различие состоит в субъективной стороне, а именно в направленности умысла виновного. При оскорблении стремление унижить честь и человеческое достоинство потерпевшего является конечной целью противоправных действий. При этом сами такие действия не связаны с предъявлением к потерпевшему тех или иных требований, принуждением к нарушению обязанностей военной службы и т. д.

При нарушении уставных правил взаимоотношений унижение чести и достоинства потерпевших является средством (способом) достижения иных целей, в частности, обеспечения себе облегченных условий службы, привилегированного положения в коллективе, подчинения своей воле сослуживцев и т. д.

Под издевательством применительно к ст. 335 УК РФ понимаются различного рода глумления над военнослужащими, принуждение потерпевших совершать действия, унижающие их личное достоинство (отжимание от пола, выполнение других физических упражнений, различных неправомерных команд), оказывать услуги старослужащим, выполнять за них те или иные обязанности

³² О воинской обязанности и военной службе см.: Федеральный закон от 6 марта 1998 г.

³³ О статусе военнослужащих см.: Федеральный закон от 22 января 1993 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации 1993. – № 6. – Ст. 344.

военной службы и т. п. Издевательство может выражаться также в совершении различного рода действий, направленных на причинение физической боли, страданий потерпевшему.

По ч. 1 ст. 335 УК РФ, подлежат квалификации нарушения уставных правил взаимоотношений, связанные с унижением чести и достоинства или издевательством над потерпевшим, а также сопряженные с различными видами физического насилия, объем которого ограничен причинением потерпевшему легкого вреда здоровью. Угроза применения любого насилия также охватывается ч. 1 ст. 335 УК РФ.

Так, правильно квалифицированы по ч. 1 ст. 335 УК РФ военным судом действия рядового А., который, унижая честь и личное достоинство военнослужащего более позднего призыва рядового Б., нанес тому 6 ударов пряжкой солдатского ремня по обнаженным ягодицам, причинив физическую боль.³⁴

Субъект – один из элементов состава преступления. Он характеризуется признаками, наличие которых обязательно для установления в деянии состава преступления.

Рассматриваемое нарушение относится к числу воинских преступлений, т.е. мы имеем дело с преступлением со специальным субъектом – военнослужащим. Как отмечено выше, субъектами нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности могут быть только военнослужащие, проходящие военную службу по призыву и по контракту, и граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. К военнослужащим, проходящим военную службу по призыву и по контракту, относятся солдаты и матросы, сержанты и старшины, прапорщики и мичманы, а также лица офицерского состава Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований Российской Федерации.

³⁴ Обзор Военной коллегии Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими за 2005. – М. – С. 12.

На общих основаниях субъектами рассматриваемого преступления могут быть граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Определяющим признаком субъекта рассматриваемого преступления является пребывание лица в момент совершения противоправного деяния на военной службе.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 6 марта 1998 г. с изм. от 28.12.2010 № 404-ФЗ), гражданин, проходящий военную службу, является военнослужащим и имеет статус, устанавливаемый Федеральным законом.³⁵

Диспозиция ст. 335 УК РФ в качестве обязательного признака субъекта данного преступления указывает на отсутствие отношений подчиненности.

Военнослужащие, проходя военную службу, имеют различные воинские звания и должностное положение. По этим признакам они являются начальниками и подчиненными по должности и старшими и младшими по воинскому званию. Таким образом, субъектом нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими могут быть военнослужащие, проходящие военную службу по призыву и по контракту. Это солдаты и матросы, сержанты и старшины, прапорщики и мичманы, а также лица офицерского состава Вооруженных Сил Российской Федерации, которые не состоят в отношениях подчиненности с потерпевшими, т.е. не являются их начальниками или подчиненными по службе и по воинскому званию. Они могут быть равными с потерпевшими по служебному положению и воинскому званию, старшими или младшими по воинскому званию.

Субъективная сторона состава преступления – это характеристика внутреннего содержания преступления, т.е. вина, заключающаяся в особом психическом отношении субъекта к совершаемому им запрещенному уголовным законом деянию и его последствиям в форме умысла и неосторожности, а также мотив и цель преступления.

³⁵ Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 6 марта 1998 г. ст. 2 (в ред. от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ).

Содержание вины отражает воинскую природу совершаемого нарушения уставных правил. Виновный определенным образом (в зависимости от формы вины) относится не просто к общественно опасному деянию и наступившим последствиям, а к деянию, образующему нарушение порядка прохождения военной службы, и к последствиям, выражающимся в причинении вреда боевой способности воинского подразделения, безопасности государства.

С субъективной стороны рассматриваемое нарушение совершается умышленно, с прямым умыслом. Виновный осознает, что своими действиями, связанными с унижением чести и достоинства, издевательством или сопряженными с насилием в отношении военнослужащего, равного с ним по службе и воинскому званию либо старшего или младшего по воинскому званию, нарушает закрепленный в воинских уставах порядок взаимоотношений между военнослужащими и желает этого.

Так, например, рядовой Г. избил в присутствии сослуживцев рядового К. за отказ выполнить для него просьбу личного характера. Данное преступление было совершено с прямым умыслом, поскольку действовал Г., осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность и неизбежность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления.³⁶

Отношение виновного к последствиям деяния, указанным в п. «д» ч. 2 и ч. 3 ст. 335 УК РФ, возможно не только в виде умысла, но и по неосторожности.

Мотивы нарушения уставных правил взаимоотношений могут быть разными: недовольство отношением потерпевшего к выполнению обязанностей военной службы, личная неприязнь к потерпевшему, желание подчеркнуть свое мнимое превосходство над молодыми солдатами и т.п.

Так, рядовой П. в присутствии сослуживцев нанес четыре удара кулаком в область живота рядовому Ц., солдату позднего срока призыва, с целью подчинить его своей воле, что повлекло за собой причинение потерпевшему телесного повреждения. Действия П. были квалифицированы по ст. 335 УК РФ.³⁷

³⁶ Уголовное дело № 14/07/007-01 в отношении рядового Г. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2005 г.

³⁷ Уголовное дело № 14/07/0079-01 в отношении сержанта П. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2008 г.

В отдельных случаях преступление может быть совершено военнослужащими более раннего срока призыва в отношении своего сослуживца на почве недовольства тем, что последний не участвует в притеснениях солдат более поздних сроков призыва. Нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности иногда совершаются по мотивам национальной или расовой вражды или розни, сопровождаются унижением национальных чувств военнослужащих.

Также часто причиной нарушения уставных правил взаимоотношений становится желание показать свое мнимое превосходство. Например, рядовой С. за отказ готовить ему еду и ежедневно приносить в казарму нанес К. один удар по ноге и два удара кулаком в плечо, оскорбляя последнего матом. Махачкалинским гарнизонным военным судом действия сержанта С. были квалифицированы по п. «а» и «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ.³⁸

В преступлениях против порядка подчиненности и уставных отношений законодатель включил в некоторые нормы в качестве конструктивного признака мотив, определяемый различными по содержанию побуждениями и объединенными в комплексное понятие «в связи с исполнением потерпевшим обязанностей по военной службе». Предполагаются такие мотивы, как месть, ненависть, стремление избежать каких-либо неблагоприятных последствий, желание скрыть совершенное правонарушение, боязнь разоблачения безнравственных действий, страх, несогласие, недовольство. Единственным критерием отнесения того или иного побуждения к понятию «в связи» является сознание виновного, что его субъективное устремление причинно обусловлено таким объективным фактором, как исполнение потерпевшим конкретных обязанностей по военной службе.

Мотив, в свою очередь, обуславливает постановку определенных целей и выбор путей их достижения.

Цель – это желаемый конечный результат, которого лицо стремится достичь при совершении определенного действия (при нарушении уставных правил).

³⁸ Уголовное дело № 14/07/0907-01 в отношении рядового С. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2008 г.

Содержание мотива и цели имеет значение для характеристики личности преступника и определения сущности преступления. Максимальным наказанием за совершение перечисленных преступлений является лишение свободы на срок до десяти лет.

Необходимо пересмотреть всю систему противодействия нарушения уставных правил и качественно изменить, разработав новую систему уголовной ответственности, который подлежит военнослужащий, совершивший преступление.

В ч. 2 ст. 335 УК РФ названы квалифицированные виды данного преступления: а) в отношении двух или более лиц; б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в) с применением оружия; г) с причинением средней тяжести вреда здоровью.

Преступление в отношении двух или более лиц может быть совершено одновременно или в разное время. В случае установления при совершении нарушения уставных правил взаимоотношений единства умысла, действия виновного должны быть квалифицированы как «в отношении двух или более лиц». Так, Махачкалинским гарнизонным военным судом как нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, не находившимися с виновным в отношении подчиненности, совершенное в отношении двух или более лиц, правильно расценены действия матроса Е., который с целью унижения чести и достоинства, подчинения своей воле сослуживцев младшего призыва, применил насилие в отношении матросов Ш., К., Б. и А., нанес им побои и причинил физическую боль. В данном случае действия матроса Е. были квалифицированы военным судом по п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ.³⁹

Квалификация неуставных действий виновных по предусмотренному п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ «в отношении двух или более лиц» особой сложности не представляет, и суды в основном правильно разрешают дела такой категории. Однако встречаются отдельные ошибки в квалификации содеянного.⁴⁰ Так,

³⁹ Уголовное дело № 14/07/0076-01 в отношении матроса Е. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2005 г.

⁴⁰ Преступления против военной службы. Учебник для вузов / Под ред. к.ю.н., Н.А. Петухова. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА), 2002. – С. 39.

например, рядовой Г. из ложно понятых интересов военной службы избил рядового Л., через несколько дней – рядового К., а несколько дней спустя – еще пятерых сослуживцев.

Органами предварительного следствия первый случай неуставных действий Г. в отношении Л. квалифицировался по ч. 1 ст. 335 УК РФ, а остальные – по п. «б» ч. 2 той же статьи УК РФ. Такая квалификация является неверной, в данном случае следовало квалифицировать содеянное Г. только по п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ⁴¹. Нарушение уставных правил взаимоотношений, совершенное в отношении одного и того же лица в разное время, не дает основания для квалификации преступления по п. «б» ст. 335 УК РФ.⁴²

Пунктом «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ установлена ответственность за нарушение уставных правил взаимоотношений, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой. Отличия указанных форм соучастия совершения преступления определены в ст. 35 УК РФ.

Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора.

В данном соучастии предполагается согласованность действий участников группы, когда каждый осознает, что он действует согласованно с другим, хотя предварительного сговора между ними не было.

Для рассматриваемой формы соучастия свойственна минимальная степень согласованности, что обусловлено невозможностью сговора до момента начала нарушения уставных правил. Эта форма соучастия предполагает возможность сговора между участниками лишь во время совершения рассматриваемого преступления, после начала выполнения объективной стороны преступления.

⁴¹ Уголовное дело № 14/07/0085-02 в отношении рядового Г. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2009 г.

⁴² Преступления против военной службы. Учебник для вузов / Под ред. к.ю.н., заслуженного юриста РФ, председателя Военной коллегии Верховного суда РФ Н.А. Петухова. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА), 2002. – С. 39.

В данном случае обычно происходит присоединение участников к исполнителю, уже начавшему выполнять объективную сторону нарушения уставных правил взаимоотношений. Другие участники также «успевают» полностью или частично выполнить объективную сторону рассматриваемых неуставных действий.

Так, например, рядовой С., желая показать свое превосходство над рядовым Ф. и подчинить его своему влиянию, заставил последнего выпить 50 г одеколона, а затем нанес ему несколько ударов по лицу. Ф. нанес ему ответный удар. Рядовой Б., увидев у С. разбитую губу, вмешался по своей личной инициативе в инцидент и несколько раз ударил Ф., причинив ему легкие телесные повреждения. Гарнизонный военный суд расценил действия С. и Б. как нарушение уставных правил, совершенное группой лиц. Военная коллегия ВС РФ пришла к выводу, что при указанных обстоятельствах нет оснований считать, что С. и Б. действовали в группе лиц и объединены общностью умысла, в связи с чем приговор изменила, исключив признак совершения преступления группой лиц.⁴³

Нарушение уставных правил взаимоотношений признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении вышеназванного преступления.

Под предварительным соглашением понимается сговор до начала выполнения действий, составляющих объективную сторону преступления, т.е. до начала выполнения деяний, предусмотренных ст. 335 УК, хотя бы одним лицом.

Обычно такой сговор происходит относительно места, времени или способа совершения преступления. Эта форма соучастия может сочетаться как с соисполнительством, так и с соучастием в тесном смысле, т.е. с разделением ролей, однако в последнем случае должно быть не менее двух соисполнителей.

Так, например, рядовой А. был избит рядовым другой части, после чего призвал сослуживцев отомстить за него, возглавил группу и привел в часть, где служили его обидчики, а после избиения большого числа военнослужащих части,

⁴³ Определение Военной коллегии по уголовному делу в отношении С. и Б. 2006 г.

в котором он сам не принимал участие, увел сослуживцев назад.⁴⁴ Поскольку нарушение уставных правил было совершено группой лиц по предварительному сговору и, следовательно, действия А. должны быть квалифицированы по ч. 3 ст. 33 и п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ, так как в данном случае названное лицо является организатором неуставных действий. В то же время, если бы А. принял участие в насильственных действиях над военными строителями, то его действия следовало бы квалифицировать лишь по п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ.

При наличии нескольких отягчающих обстоятельств, равных по тяжести, квалифицировать следует по совокупности всех этих обстоятельств. Например, если нарушение уставных правил совершено группой лиц в отношении двух или более потерпевших, то действия виновных следует квалифицировать по п. «б» и «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ. Махачкалинским гарнизонным военным судом содеянное рядовыми Б. и Ю., которые, действуя в группе, заранее договорившись, избili нескольких сослуживцев на почве неуставных взаимоотношений, было квалифицировано по п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ и п. «в» той же части и той же статьи УК,⁴⁵ а именно как нарушение, совершенное в группе лиц по предварительному сговору и в отношении двух или более лиц.

Неуставные действия должны рассматриваться как совершенные в группе лиц по предварительному сговору, независимо от того, привлечены ли к уголовной ответственности все участники преступления или же к таковой привлечен лишь один из них, а в отношении других уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям.

Правильно, например, по п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ за неуставные действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору, осужден Махачкалинским гарнизонным военным судом рядовой В., который совместно с рядовыми А., М. и Р. избил позже них призванных на военную службу трех солдат с целью подчинить их своему влиянию. При этом В. осужден по делу один, а в отношении других лиц дело было прекращено: в отношении А. – за смертью

⁴⁴ Уголовное дело № 14/07/0070-02 в отношении рядового А. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2009 г.

⁴⁵ Уголовно дело № 14/07/ 0081 -02 в отношении рядовых Б. и Ю. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2009 г.

виновного, а в отношении М и Р. – по основаниям, предусмотренным ст. 6 УПК РСФСР, т. е. вследствие изменения обстановки.⁴⁶

Эпизоды неуставных действий, совершенных в группе лиц по предварительному сговору и единолично, должны рассматриваться как реальная совокупность преступлений и получить самостоятельную юридическую оценку. Реальная совокупность предполагает совершение двух или более преступных деяний, предусмотренных различными статьями и частями статей Особенной части УК. Обязательным условием реальной совокупности является то, что лицо, совершившее преступление, не было осуждено ни за одно из этих преступных деяний.

Правильно поступил Махачкалинский гарнизонный военный суд, внося изменения в обвинение по делу рядовых Ж. и Г.⁴⁷ Ж. и Г., будучи в нетрезвом состоянии, по договоренности между собой избили сослуживцев более поздних сроков призыва, демонстрируя свое превосходство над ними. Кроме того, каждый из них на этой же почве, но в разное время избил рядового А. Органами следствия все содеянное Ж. и Г. было квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ. Военным судом были обоснованно переквалифицированы действия подсудимых, связанные с избиением А., на ч. 1 ст. 335 УК РФ.

Вместе с тем это положение не всегда понимается правильно, что приводит к ошибкам в квалификации. Так, рядовые Д. и М. на почве неуставных взаимоотношений в столовой воинской части совместно избили равных им по служебному положению нескольких сослуживцев. Кроме того, перед этим рядовой Д. самостоятельно на этой же почве избил нескольких сослуживцев.

Действия Д., совершенные самостоятельно, подлежали квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ как неуставные действия, совершенные в отношении двух или более лиц, а совершенные в группе с М. – по п. «в» той же статьи. Именно так и было квалифицировано содеянное Д. органами предварительного следствия.

⁴⁶ Уголовное дело № 14/07/008-01 в отношении рядового В. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2005 г.

⁴⁷ Уголовное дело № 14/07/ 0077-01 в отношении рядовых Ж. и Г. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2007 г.

Однако военный суд ошибочно пришел к выводу, что все содеянное Д. охватывается п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ.⁴⁸

Для признания нарушения уставных правил взаимоотношений совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору необходимо, чтобы все участники группы выступали соисполнителями преступления, т. е. принимали участие в выполнении объективной стороны состава этого преступления.

Нарушение уставных правил взаимоотношений признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Данная форма соучастия отличается от предыдущей признаком устойчивости. Этот признак обычно предполагает умысел соучастников на совершение не одного, а нескольких нарушений уставных правил взаимоотношений. Однако устойчивость может выражаться и в тщательности подготовки одного преступления.

Пленум Верховного Суда РСФСР в своем постановлении «О судебной практике по делам о вымогательстве» от 4 мая 1990 г. № 3 (в ред. от 25 октября 1996 г.) указал: «Под организованной группой, предусмотренной в качестве квалифицирующего признака, следует понимать устойчивую группу из 2 или более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких преступлений. Как правило, такая группа тщательно готовит, планирует преступление и распределяет роли между участниками и т. д.».⁴⁹

Встает вопрос о том, как должно квалифицироваться содеянное соучастниками неуставных действий, один из которых является военнослужащим, а второй – гражданским лицом.

Особенности соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами, распространяются на преступления против военной службы, предусмотренные главой 33 УК РФ, совершенные в соучастии с лицами, не

⁴⁸ Уголовное дело № 14/07/0074-02 в отношении рядовых Д. и М. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2009 г.

⁴⁹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1990. – № 7. – Сс. 10-11.

состоящими на военной службе. Преступления против военной службы относятся к числу преступлений со специальным субъектом. Поэтому исполнителями и соисполнителями этих преступлений могут быть лишь лица, проходящие военную службу по призыву либо по контракту в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов, т. е. все указанные лица в соответствии со ст. 1 и 2 Федерального Закона РФ «О статусе военнослужащих» от 28 марта 1998 г. № 53 (изм. от 28 декабря 2010 г. № 404).

Гражданские лица, участвуя совместно с военнослужащими в совершении преступлений против военной службы, могут выступать в качестве организаторов, подстрекателей или пособников преступлений.

В ч. 4 ст. 34 УК РФ формулируется правило квалификации действия соучастника в преступлении, которое в соответствии с указанием статьи Особенной части, предусматривающей ответственность за это преступление, может быть совершено лишь специальным субъектом. В этом случае ответственность за такое преступление соучастники могут нести лишь в качестве организатора, подстрекателя, пособника. Исполнителем в рассматриваемом нарушении уставных правил может быть только военнослужащий как специальный субъект преступления.

Исключение не военнослужащих из числа соисполнителей преступления против военной службы исключает и возможность признания данного преступления, совершенного группой лиц.

Возможна и такая ситуация, когда физическим исполнителем деяния, образующего объективную сторону состава преступления против военной службы, выступает лицо, не состоящее на военной службе, а роль военнослужащего внешне выражается в подстрекательстве к совершению преступления. В подобных ситуациях имеет место одно из проявлений так называемого посредственного исполнения преступления, при котором исполнителем признается специальный субъект, а лицо, не являющееся специальным субъектом, становится пособником совершенного преступления.

В специальной литературе правильно отмечается, что в тех случаях, когда «состав соответствующего преступления требует в качестве исполнителя специального субъекта, свойствами которого не обладает лицо, выполняющее его объективную сторону и которые имеются у лица, склонившего к совершению общественно опасных действий или способствовавшего его совершению», имеет место посредственное исполнение.⁵⁰ Если, например, военнослужащий склоняет своих знакомых гражданских лиц к насилию над другим военнослужащим, а последние, выполняя его просьбу, совершили такое насилие совместно с ним, то военнослужащий подлежит ответственности по ст. 335 УК РФ как исполнитель преступления, а гражданские лица, учинившие насилие, – по ст. 33 ч. 5 и ст. 335 УК РФ как пособники. В Вооруженных Силах по-прежнему сохраняется достаточно сложная обстановка. Многие преступления в армии невозможно совершить в одиночку в силу специфики военной службы. Неудивительно, что особенное распространение получили преступления, совершаемые в группе лиц, организованным преступным сообществом. Более того, большинство наиболее опасных преступлений стали возможными при весьма распространенной коррумпированности среди командного состава, что самым ярким образом демонстрирует взаимосвязь организованной преступности и коррупции.

Организованная преступность разрушает любую социальную среду, но для армии подобное разрушающее воздействие может иметь самые катастрофические последствия. Военнослужащие, попав под влияние организованной преступности, становятся опасны в силу той особенности, что таким образом преступление совершается «изнутри».

Под совершением преступления с применением оружия, в целях оказания на потерпевшего физического или психического воздействия по п. «г» ч. 2 ст. 335 УК РФ, следует понимать совершения преступления с помощью предметов, специально предназначенных для поражения цели: это штатное армейское оружие (автомат, пистолет, винтовка, штык, кортик и т.п.), а также огнестрельное, холодное, метательное, пневматическое и газовое оружие, как заводского

⁵⁰ Ахметшин Х.М. Преступления против военной службы. – М., 1999. – С. 90.

производства, так и самодельное (охотничье ружье, финский нож, кастет и др.). Использование при нарушении уставных правил всякого рода предметов хозяйственного или иного назначения (например, перочинный нож, топор, камень и т. д.) не может служить основанием для квалификации действий виновного по п. «г» ч. 2 ст. 335 УК РФ.

Так, по делу рядового У. суд правильно не признал оружием перочинный нож, с применением которого он пытался завладеть сапогами рядового Г. и причинил ему легкий вред здоровью.⁵¹

Применение оружия означает фактическое его использование для физического (причинения повреждений) или психического воздействия, когда виновный путем угрозы оружием заставляет потерпевшего выполнять за него отдельные обязанности по военной службе, оказывать ему различные услуги, совершать действия, унижающие его человеческое достоинство.

Например, как нарушение уставных правил взаимоотношений с применением оружия были расценены действия младшего сержанта Б., который в состоянии алкогольного опьянения из хулиганских побуждений нанес имевшимся у него штык-ножом удар в руку младшему сержанту Г., причинив его здоровью легкий вред.⁵²

Угроза обнаженным оружием, размахивание им и т. п. должны признаваться применением оружия. Этими действиями оказывается психическое воздействие на военнослужащего, парализуется его воля, и таким образом виновный облегчает достижение своих целей и осуществление преступных замыслов.⁵³

Нельзя, однако, считать применением оружия один лишь факт наличия его у виновного в момент оказания сопротивления или принуждения, когда виновный при этом не угрожает им и не использует его. Не может также считаться применением оружия одна лишь словесная угроза, не сопровождаемая конкретными действиями с оружием.

⁵¹ Уголовное дело № 14/07/0067-01 в отношении рядового У. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2006 г.

⁵² Уголовное дело № 14/07/ 0087-02 в отношении сержанта Б. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2008 г.

⁵³ Обзор судебной практики военных трибуналов по применению ст.ст. 7, 8 и 24 Закона «Об уголовной ответственности за воинские преступления».

Не могут рассматриваться как применение оружия случаи использования не его поражающих свойств, обусловленных конструкцией и назначением, а лишь в качестве предмета для нанесения ударов.

Не содержали, например, признаков применения оружия действия рядового С., который избил дневального по роте рядового К. В процессе избияния С. рукояткой отнятого у К. штык-ножа нанес потерпевшему удар по голове, причинив легкий вред здоровью. Квалификация Махачкалинского гарнизонного военного суда действия С. по п. «г» ч. 2 ст. 335 УК РФ является ошибочной.⁵⁴

Нарушение уставных правил взаимоотношений, совершенное с причинением средней тяжести вреда здоровью, предусмотрено п. «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ и не требует дополнительной квалификации содеянного по статьям УК о преступлениях против здоровья.

Причинение средней тяжести вреда здоровью считается окончанным в момент наступления вышеназванных последствий. Вина по отношению к последствиям может быть в форме неосторожности и косвенного умысла, хотя в целом преступление совершается умышленно.

Например, действия рядового Ч. были квалифицированы Махачкалинским гарнизонным военным судом по п. «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ как нарушение уставных правил, совершенное с причинением средней тяжести вреда здоровью, так как Ч., недовольный тем, что рядовой Г., находясь дневальным по столовой, не выполнил его требования личного характера, избил его.⁵⁵ При этом в результате избияния Г. был причинен средней тяжести вред здоровью в виде закрытого перелома нижней челюсти справа на уровне 8 зуба, в связи с чем он находился на стационарном лечении свыше трех недель.

Особо квалифицированный состав преступления предусмотрен ч. 3 ст. 335. Речь идет о деяниях, предусмотренных частями первой или второй настоящей статьи, повлекших тяжкие последствия. К тяжким последствиям,

⁵⁴ Уголовное дело № 14/0/0060-01 в отношении рядового С. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2006 г.

⁵⁵ Уголовное дело № 14/07/0066-02 в отношении рядового Ч. //Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2008 г.

следует отнести причинение по неосторожности смерти, тяжкого вреда здоровью военнослужащего, самоубийство потерпевшего и др.⁵⁶

При наличии вышеназванных квалифицирующих видов нарушения уставных правил взаимоотношений следует более строгое наказание (лишение свободы до 5 лет, до 10 лет), нежели предусмотрено ч. 1 ст. 335 УК РФ (лишение свободы до 3 лет). Связано это с тем, что совершение рассматриваемого деяния при наличии хотя бы одного из названных квалифицирующих обстоятельств является опасным для потерпевшего и общества в целом и влечет последствия, которые могут привести не только к человеческим жертвам, но и к срыву выполнения боевых задач, выводу из строя боевой техники.⁵⁷

Как тяжкое последствие должно расцениваться и покушение потерпевшего на самоубийство в результате совершенных в отношении него неуставных насильственных действий. При этом не имеет значения, повлекло ли это покушение за собой какой-либо вред здоровью потерпевшего или вредных последствий не наступило. В данном случае попытка самоубийства сама по себе свидетельствует о том, что неуставными насильственными действиями потерпевший был доведен до крайней степени отчаяния и вынужден прибегнуть к такой мере, как лишение себя жизни.

Рядовой Г. дважды по надуманным поводам избил позже него призванного на службу рядового М., а затем систематически избивал его за доклад командованию о незаконных действиях Г. Не выдержав издевательств, М. с целью самоубийства выстрелил из автомата себе в живот, причинив тяжкий вред здоровью, в связи с чем был признан негодным к военной службе с исключением с воинского учета.⁵⁸

Доведение до самоубийства потерпевшего в результате применения к нему неуставных форм воздействия полностью охватывается ч. 3 ст. 335 УК РФ и отдельной квалификации по ст. 110 УК (доведение до самоубийства) не требует.

⁵⁶ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. проф. Л.В. Иногамовой и проф. А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА – М: КОНТРАКТ, 2004. – С. 679.

⁵⁷ Ахметшин Х.М. Преступления против военной службы. – М., 1999. – С. 78.

⁵⁸ Уголовное дело № 14/07/1019-03 в отношении рядового Г. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2009 г.

Махачкалинский гарнизонный военный суд признал рядового К. виновным в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, повлекшим тяжкие последствия – самоубийство потерпевшего – и квалифицировал его действия по ч. 3 ст. 335 и по ст. 110 УК РФ.⁵⁹ Рассмотрев дело по жалобам осужденного и его адвоката, суд кассационной инстанции приговор изменил: исключил из него указание об осуждении К. по ст. 110 УК РФ как излишне вмененную, поскольку доведение до самоубийства признается тяжким последствием и охватывается ч. 3 ст. 335 УК РФ и отдельной квалификации по ст. 110 УК РФ не требует.

Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими в некоторых случаях (например, в карауле, на боевом дежурстве) может привести не только к человеческим жертвам, но и к срыву выполнения боевой задачи, выводу из строя боевой техники и другим тяжким последствиям. Эти последствия также могут служить основанием для квалификации преступления по ч. 3 ст. 335 УК РФ. Когда в процессе неуставных насильственных действий в отношении нескольких потерпевших причиняется вред, предусмотренный различными пунктами ст. 335 УК РФ, то содеянное надлежит квалифицировать по пункту, предусматривающему ответственность за причинение более тяжких последствий, а остальные должны найти отражение в обвинении, в том числе быть указаны в описательной части приговора.

Например, в случае избиения на почве неуставных отношений трех потерпевших, одному из которых нанесены побои, второму причинен легкий, а третьему – тяжкий вред здоровью, действия виновного подлежат квалификации лишь по ч. 3 ст. 335 УК РФ.

Рядовой П., находившийся в состоянии алкогольного опьянения, на КПП части избил сослуживцев рядовых Х. и К. за отказ дать ему сигарету, а когда рядовой М. сделал ему по этому поводу замечание, П. ударил его ножом в живот, причинив тяжкий вред здоровью.

⁵⁹ Уголовное дело № 14/07/0053-01 в отношении рядового К. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2006 г.

Органы следствия квалифицировали содеянное П. в отношении Х. и К. по п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ, а в отношении М. – по п. «г» ч. 2 ст. 335 и по ч. 3 ст. 335 УК РФ. Поскольку все содеянное представляет собой единую цель неуставных насильственных действий, последние подлежат в отношении М. квалификации по ч. 3 ст. 335 УК РФ.⁶⁰

Аналогичным образом следует квалифицировать случаи причинения вреда здоровью различной тяжести одному и тому же потерпевшему, но в разное время.

Когда неуставные насильственные действия сопровождаются причинением вреда здоровью различной тяжести и представляют собой самостоятельные деяния, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Причинение смерти по неосторожности при нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими полностью охватывается понятием тяжких последствий, предусмотренных в ч. 3 ст. 335 УК РФ и дополнительной квалификации по УК РФ о преступлениях против жизни и здоровья не требует.

Рядовой К. признан виновным военным судом в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего, и осужден по ч. 3 ст. 335 и ч. 4 ст. 111 УК.⁶¹

Председатель Военной коллегии в протесте поставил вопрос об исключении из судебного решения обвинения по ч. 4 ст. 111 УК РФ, так как действия К. квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ излишне, поскольку причинение смерти по неосторожности полностью охватывается понятием тяжких последствий, предусмотренных ч. 3 ст. 335 УК РФ. Военная коллегия удовлетворила протест и исключила из обвинения К. ч. 4 ст. 111 УК РФ.

В то же время, если нарушение уставных правил было сопряжено с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего приотягчающих обстоятельствах, указанных в ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ, то оно должно быть квалифицировано, кроме ч. 3 ст. 335 УК РФ, по соответствующим статьям главы 16 УК РФ.

⁶⁰ Уголовное дело № 14/07/0030-01 в отношении рядового П. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2007 г.

⁶¹ Уголовное дело № 14/07/0061-02 в отношении рядового К. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2008 г.

Убийство как результат нарушения уставных правил взаимоотношений квалифицируется по совокупности ст. ст. 105 и 335 УК РФ. Согласно ч. 1 ст. 335 УК РФ, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанное с унижением чести и достоинства или издевательством над потерпевшим либо сопряженное с насилием, наказывается содержанием в дисциплинарной части сроком до двух лет или лишением свободы на срок до трех лет.

В соответствии с ч. 2 ст. 335 УК РФ то же деяние, совершенное в отношении двух и более лиц; группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; с применением оружия; с причинением средней тяжести вреда здоровью, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 335 УК РФ, повлекшие тяжкие последствия (ч. 3 ст. 335 УК), наказываются лишением свободы на срок до 10 лет.

Отечественная уголовно-правовая наука опирается на тезис о самостоятельности ответственности каждого участника за содеянное преступление и отрицает учение о так называемой акцессорной природе соучастия, распространенное в западной науке уголовного права. Советский ученый М.И. Ковалев определяет сущность этой теории по-своему: «без исполнителя нет и соучастия, особые условия и формы ответственности соучастников возможны только в том случае, если исполнитель выполнил задуманный соучастниками состав преступления или, по крайней мере, начал его выполнение». По мнению этого ученого, стержнем преступления является только исполнитель, если его нет, нет и самого соучастия.

Именно эта позиция на природу соучастия определяет его неприемлемость для отечественного уголовного права, т. к. по существу означает требование вменять в ответственность подстрекателям, организаторам и пособникам то, что не совершено каждым из них лично. Эту позицию поддерживал М.А. Шнейдер; «... основание ответственности каждого из соучастников лежит не в действиях

исполнителя, а в характере действий, совершенных им лично для достижения при помощи соучастия определенных результатов».

Решение вопроса о том, акцессорное соучастие или нет, должно определяться не условиями и формами ответственности, а напротив, сами условия и формы ответственности следует определять, исходя из правильного понимания сущности, назначения и природы соучастия в Российском уголовном праве.

В теории большинство авторов предлагает рассматривать безуспешное подстрекательство и пособничество как приготовление к совершению соответствующего преступления, однако из этого вовсе не следует, что это и есть проявление теории акцессорности.

Наоборот, такая позиция исключает акцессорность и доказывает, что и в этом случае соучастник совершает именно то преступление, за которое он наряду с исполнителем несет ответственность после доведения преступления до логического завершения.

Таким образом, в теории российского уголовного права, несмотря на всю сложность и противоречивость всей проблемы соучастия в преступлении, установлено, что соучастники несут уголовную ответственность не за участие в чужом деянии (И.П. Малахов считает, что соучастие является одним из видов преступной деятельности человека – субъекта преступления, уменьшенным участием одного лица в преступном деянии другого) и не за то, что в результате их воздействия или содействия исполнитель совершает преступление, а за то, что, привнося свой вклад в совместную преступную деятельность, каждый из них самостоятельно посягает на охраняемые уголовным законом общественные отношения⁶².

⁶² Зайцев Ф.А. Соучастие в преступлениях против военной службы // Военное право. – 2007. – Сс.11-13.

§3. Отграничение состава нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними подчиненности от смежных составов преступлений

Важным обстоятельством для реализации принципов уголовного права (ст. 3-7 УК РФ) является правильная квалификация преступления, т. е. установление в совершенном деянии признаков соответствующего состава преступления.

В нарушении уставных правил взаимоотношений необходима правильная оценка обстоятельств, которые бы отграничивали его от общеуголовных преступлений. Отграничение по признакам специального субъекта одновременно является отграничением их по непосредственному объекту. Непосредственный объект – это установленный порядок взаимоотношений между военнослужащими, не связанными отношениями подчиненности.

Преступления со специальным субъектом выделены в большинстве случаев именно по характеру тех общественных отношений, которые ограждаются от преступных посягательств. В.С. Орлов отмечает, что выделение преступлений со специальным субъектом связано с «определенной деятельностью людей ... выполнением возложенных на них определенных обязанностей».⁶³

Отличительным критерием отграничения нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности от общеуголовных преступлений является, как указывалось ранее, его объект. Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 335 УК РФ, является установленный порядок воинских уставных взаимоотношений между военнослужащими, не находящимися в подчиненности. Дополнительный объект – честь, достоинство, здоровье личности. Неправильное установление объекта посягательства влечет за собой ошибки в квалификации деяния.

Диспозиция комментируемой статьи существенно отличается от диспозиции ст. 244 УК РСФСР. Основное отличие состоит в том, что унижение

⁶³ Орлов В.С. Субъект преступления. – М., 1998. – С. 94.

чести и достоинства военнослужащего или издевательство над ним либо применение к нему насилия является формой проявления, способом реализации различных видов нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности. Указанные нарушения правил взаимоотношений между военнослужащими сопровождаются предъявлением к потерпевшим определенных противозаконных требований, принуждением их к тем или иным действиям в интересах виновных, подчинением своей воле сослуживцев и т. п. Диспозиция комментируемой статьи в отличие от диспозиции ст. 244 УК РСФСР охватывает практически все формы и способы различных видов нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности.⁶⁴

Так, Махачкалинским гарнизонным военным судом содеянное Е. было переквалифицировано на ч. 1 ст. 112 УК РФ, поскольку в соответствии со ст. 331 УК РФ воинскими преступлениями могут быть признаны лишь преступные деяния, посягающие на порядок прохождения военной службы. Применительно к ст. 335 УК РФ, применение физического насилия одним военнослужащим к другому может быть признано нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности лишь в том случае, если оно совершено в связи с исполнением потерпевшим обязанностей по военной службе либо при исполнении хотя бы одним из них этих обязанностей, либо, когда применение насилия, хотя непосредственно и не связано с исполнением обязанностей по военной службе, но было сопряжено с очевидным для виновного нарушением порядка воинских отношений и выражало явное неуважение к воинскому коллективу. Судом же было установлено, что причиной применения осужденным насилия к Б. явилась не служебная деятельность потерпевшего, а обоснованные претензии Е. к нему по поводу пропажи личных вещей. В период конфликта Е. и Б. каких-либо служебных обязанностей не выполняли, а обстоятельства, при которых насилие было

⁶⁴ Бюллетень Управления военных судов и Военной коллегии Верховного Суда РФ. — 1999. — № 4 (172). — Сс. 55 - 56.

применено, не свидетельствовали о явном неуважении к воинскому коллективу. В связи с изложенным гарнизонный военный суд обоснованно пришел к выводу о том, что содеянное Е. является не воинским, а общеуголовным преступлением.⁶⁵

Под исполнением обязанностей военной службы в уголовно-правовом контексте иногда понимается все время нахождения военнослужащего на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени. В обоснование этого делается ссылка на положения п.п. «е» п. 1 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и ст. 7 Устава внутренней службы Вооруженных Сил РФ.

Между тем такая точка зрения не может быть признана правильной. Целью приведения в законе перечня обстоятельств, при которых лицо считается исполняющим обязанности военной службы, является подтверждение в тех или иных ситуациях его правового статуса как военнослужащего, определения возложенных на него обязанностей и предоставляемых в связи с этим законом льгот и преимуществ.

В уголовном же праве термин «исполнение обязанностей военной службы» уже и в отличие от военно-административного законодательства несет другую смысловую нагрузку. Данный термин определяет время и содержание допущенных лицом нарушений как основания для привлечения к уголовной ответственности. Поэтому теория и судебная практика выработали иное толкование этого понятия, суть которого состоит в фактическом исполнении военнослужащим конкретных служебных обязанностей (общих или специальных), возложенных на него законом, воинскими уставами или приказами командиров (начальников).

В каждом конкретном случае при рассмотрении уголовных дел необходимо проверять, находился ли виновный (потерпевший) при исполнении конкретных нормативно-определенных служебных обязанностей, и в зависимости от этого решать вопрос о его ответственности. При этом следует исходить из положений ст. 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ст. 21 названного

⁶⁵ Обзор Военной коллегии Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных, совершаемых военнослужащими. – 2006. – М. – С. 4.

Устава, регламентирующих должностные и специальные обязанности, которые могут быть возложены на военнослужащего.⁶⁶

Правильно был решен этот вопрос по уголовным делам в отношении рядового Ф. и младшего сержанта Р. С целью подчинить своему влиянию и добиться беспрекословного повиновения от сослуживца более позднего срока призыва рядового Д., Ф. нанес последнему множественные удары ногами и руками по различным частям тела, причинив здоровью потерпевшего легкий вред.

Установив, что насилие к Д. было применено во время исполнения им обязанностей дневального по роте и направлено на нарушение установленного порядка взаимоотношений лиц, не состоящих в отношениях подчиненности, военный суд Махачкалинского гарнизона обоснованно квалифицировал действия Ф. по ч. 1 ст. 335 УК РФ.

Органами предварительного следствия Р. обвинялся в том, что в помещении казармы нанес младшему сержанту С. один удар кулаком в лицо, причинив перелом нижней челюсти, т. е. вред здоровью средней тяжести. Эти его действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 335 УК РФ. В судебном заседании военным судом Махачкалинского гарнизона было установлено, что насилие Р. применено на почве личных взаимоотношений, не связанных с военной службой, в связи с подозрением С. в краже принадлежавших подсудимому вещей. При этом ни подсудимый, ни потерпевший какие-либо конкретные обязанности военной службы фактически не исполняли, а конфликт между ними произошел хотя и в установленное расписанием дня служебное время, но в уединенном месте и нарушением внутреннего порядка в подразделении не сопровождался.

Поскольку перечисленные обстоятельства свидетельствовали об отсутствии в действиях Р. признаков преступления против военной службы, суд с учетом причиненного личности потерпевшего вреда правильно переквалифицировал деяние на ч. 1 ст. 112 УК РФ. С учетом изложенного представляется ошибочным вывод 3-го окружного военного суда об исполнении рядовым И. во время совершения преступления обязанностей военной службы. Махачкалинским

⁶⁶ Обзор Военной коллегии Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими. – 2001. – М. – С. 5.

гарнизонным военным судом И. осужден на основании ч. 3 ст. 335 УК РФ за то, что, будучи недовольным отказом рядового Г. выполнить свое неправомерное требование (принести воды), нанес последнему два удара кулаком в грудь и живот, в результате чего потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью в виде разрыва селезенки.

Мотивируя обоснованность юридической оценки судом гарнизона действий осужденного как воинского преступления, военный окружной суд в кассационном определении указал, что И. применил к Г. физическое насилие во время нахождения обоих на стационарном излечении в военном госпитале, т. е. при исполнении обязанностей военной службы. В обоснование этого вывода суд округа сослался на положения ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», согласно которой в случае нахождения на лечении военнослужащих считается исполняющим такие обязанности. Между тем из кассационного определения по делу не видно, какие конкретно обязанности военной службы (общие или специальные) исполняли во время конфликта И. и Г. Что же касается нахождения на стационарном излечении названных лиц, то данное обстоятельство, как об этом указано выше, не свидетельствует об исполнении ими обязанностей военной службы применительно к уголовно-правовому толкованию этого понятия. Следует отметить, что квалификация действий И. по ст. 335 УК РФ в связи с наличием других признаков воинского преступления (применение насилия к сослуживцу в присутствии других военнослужащих, что сопряжено с очевидным для виновного нарушением порядка воинских взаимоотношений) является правильной. В то же время ссылка окружного военного суда на ст. 37 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в данном случае правомерной признана быть не может.⁶⁷

Примером ошибочного вывода об отсутствии признаков воинского преступления может служить уголовное дело в отношении матроса Ш. Органами предварительного следствия Ш. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 335 УК РФ и выразившегося в нанесении одного удара

⁶⁷ Там же.

сослуживцу Л., в результате которого последнему был причинен вред здоровью средней тяжести. Переквалифицируя содеянное Ш. на ч. 1 ст. 112 УК РФ, военный суд Махачкалинского гарнизона в приговоре указал, что подсудимый не желал нарушить воинский порядок, а применил насилие к потерпевшему на личной почве, за толчок и оскорбление нецензурной бранью. Между тем из приговора видно, что инцидент между Ш. и Л. произошел во время выполнения названными лицами хозяйственных работ в подразделении и лишь после того, как подсудимый выказал недовольство отношением потерпевшего к уборке помещения. При этом каких-либо претензий личного характера ни Ш. к Л., ни Л. к Ш. не предъявляли. Таким образом, содеянное Ш. не только было связано с исполнением потерпевшим обязанностей военной службы, но и совершено во время исполнения обоими этих обязанностей, что свидетельствует об очевидном для виновного фактическом нарушении порядка воинских отношений.

Поэтому вывод суда об отсутствии у виновного прямого умысла на нарушение воинского порядка, а, следовательно, и признаков воинского преступления в данном случае не может быть признан правильным. При рассмотрении подобных дел следует иметь в виду, что, хотя конечной целью виновного является расправа над потерпевшим, для достижения этой цели он был вынужден умышленно нарушить воинский порядок (причем с прямым умыслом, поскольку лицо сознает неизбежность такого нарушения и желает этого). Таким образом, с субъективной стороны указанные преступления, за исключением неисполнения приказа, совершаются только с прямым умыслом на нарушение порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений.

Примером верной оценки содеянного как преступления против военной службы является уголовное дело в отношении рядового А., который в унижительной форме потребовал от военнослужащего Д. до увольнения в запас исполнять свои распоряжения и оказывать личные услуги, а за отказ избил его.

Установив, что указанные действия совершены А. с целью утверждения своего превосходства над младшим по сроку службы солдатом, с которым он в

отношениях подчиненности не состоял, и были направлены на нарушение предусмотренных уставами правил взаимоотношений между военнослужащими, гарнизонный военный суд обоснованно квалифицировал их по ч. 1 ст. 335 УК РФ.

При отсутствии умысла на нарушение порядка подчиненности и уставных правил воинских взаимоотношений суды обоснованно квалифицировали содеянное по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за смежные общеуголовные преступления. Так, органами предварительного следствия рядовой М. обвинялся в том, что нанес по одному удару сослуживцам В. и С, причинив С. вред здоровью средней тяжести. Эти его действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 335 УК РФ.

Рассмотрев данное дело, Махачкалинский гарнизонный военный суд установил, что подсудимый и потерпевшие являлись военнослужащими одного призыва и состояли в дружеских отношениях. Конфликт между ними произошел после совместного употребления спиртного на личной почве, из-за обиды, нанесенной М. потерпевшими. При этом насильственные действия были совершены подсудимым в процессе ссоры, перешедшей в обоюдную драку, в ночное время и в уединенном месте, вследствие чего покой и отдых личного состава нарушены не были. При исполнении служебных обязанностей ни подсудимый, ни потерпевшие не находились. Правильно констатировав, что отношения военной службы данный конфликт не затрагивал, военный суд пришел к верному выводу об отсутствии в действиях М. состава воинского преступления и обоснованно переквалифицировал содеянное им на ст. 112 УК РФ (уголовное дело в части нанесения подсудимым одного удара В. за отсутствием жалобы потерпевшего судом прекращено).⁶⁸

Нарушения уставных правил взаимоотношений могут сопровождаться изъятием у потерпевших продуктов питания, предметов обмундирования и других материальных ценностей. Если при этом у потерпевшего изымаются предметы, являющиеся его личной собственностью, то действия виновного наряду со ст. 335 УК РФ подлежат квалификации по соответствующим статьям УК РФ,

⁶⁸ Там же. – С. 7.

предусматривающим ответственность за преступления против собственности (например, грабеж, вымогательство – ст. ст. 161, 163 УК РФ.).

Применение насилия или угроза его применения при изъятии отдельных предметов обмундирования, выдаваемых военнослужащему, как один из способов нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, охватывается ст. 335 УК РФ.

Нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими могут сопровождаться также совершением насильственного мужеложства или иных действий сексуального характера. В подобных случаях действия виновных образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. ст. 335 и 132 УК РФ.

На военнослужащих, как и на других граждан, распространяется законодательство, обеспечивающее право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств. В случае превышения ее пределов действия виновного подлежат квалификации по существующим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления против личности, но не за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.

Рядовой А. систематически избивал сослуживцев и отбирал у них деньги, в том числе потребовал деньги от рядового Г., о чем последний доложил командиру части. Узнав об этом, А. отвел Г. в безлюдное место, где выразил свое недовольство поведением Г. и пытался избить. Защищаясь, Г. ударил А. ножом в живот, причинив тяжкий вред здоровью. Махачкалинским гарнизонным военным судом действия Г. были квалифицированы по ч. 3 ст. 335 и по ч. 1 ст. 111 УК РФ. С учетом мотива и характера совершенных Г. действий Ростовский окружной военный суд, рассмотревший дело по протесту прокурора, обоснованно признал, что в сложившейся ситуации Г. находился в состоянии необходимой обороны, но превысил ее пределы, применив способ защиты, явно не соответствующий характеру и опасности нападения. В связи с изложенным, содеянное Г. было переквалифицировано на ч. 1 ст. 114 УК РФ.

Из вышеизложенного видно, что отграничение нарушений правил уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними

отношений подчиненности от общеуголовных преступлений по субъекту особой сложности не вызывает. Однако очевидно возникновение сложностей в квалификации из-за способа нарушения уставных правил (насилия), совершаемого с унижением чести и достоинства потерпевшего и издевательством над ним, а также из-за неправильной оценки обстоятельств, при которых виновные прибегали к насилию в отношении потерпевших.

Так, субъектом и нарушения уставных правил, и преступлений против порядка подчиненности является военнослужащий. Разница состоит в том, что при отсутствии отношений подчиненности все преступления против порядка подчиненности квалифицируются по ст. 335 УК РФ. В том случае, если присутствуют отношения подчиненности, то действия виновного подлежат квалификации по ст. ст. 332-334, 336 УК РФ.

Рассмотрим отграничение нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности от насильственных действий в отношении начальника (ст. 334 УК РФ) и от оскорбления (ст. 336 УК РФ).

При разграничении преступлений, предусмотренных ст. 333-336 УК РФ, в ряде случаев судами допускались ошибки, поскольку эти преступления по своим признакам зачастую выражаются в сходных действиях. В связи с этим необходимо отметить, что одним из критериев разграничения названных преступлений является характер взаимоотношений по службе субъекта преступления и потерпевшего. Субъектами преступлений, предусмотренных ст. 335 и 336 УК РФ, являются только военнослужащие, не состоящие с потерпевшими в отношениях подчиненности (равные по служебному положению, старшие и младшие по воинскому званию).

К уголовной ответственности по ст. 333 УК РФ наряду с названной категорией лиц могут быть привлечены также подчиненные и начальники, оказавшие сопротивление тем или иным лицам, исполняющим обязанности военной службы, либо принудившие этих лиц к нарушению возложенных на них обязанностей.

Субъектами преступления, предусмотренного ст. 334 УК РФ, являются только подчиненные, совершившие насильственные действия в отношении начальников, а преступления, указанного в ч. 2 ст. 336 того же кодекса, – как подчиненные, оскорбившие начальника во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы, так и начальники, оскорбившие своих подчиненных.

Под насильственными действиями в отношении начальника понимается нанесение ему побоев или применение иного насилия в связи с его служебной деятельностью.⁶⁹ Одним из необходимых условий успешного осуществления командирами и начальниками возложенных на них задач по обеспечению высокой воинской дисциплины, уставного порядка является всемерная охрана от преступных посягательств их жизни и здоровья. Насильственные действия в отношении командира (начальника), будучи направленными против основ воинской подчиненности, представляют большую общественную опасность, они затрудняют, а иногда делают невозможным выполнение командиром (начальником) своих уставных обязанностей. Кроме того, подобные действия непосредственно причиняют ущерб их жизни и здоровью.

Посягая на личность начальника, подчиненный грубо нарушает отношения подчиненности, закрепленные в воинских уставах.

Ст. 334 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за насильственные действия в отношении начальника по служебному положению или по воинскому званию. Подобные действия в отношении старших, младших и равных по воинскому званию при отсутствии между ними отношений подчиненности могут быть квалифицированы по ст. 335 УК РФ.

Как видно, отграничение ст. 335 УК РФ от ст. 334 того же УК происходит лишь в случае отсутствия отношений подчиненности при нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.

По совокупности ст. 335 и ст. 334 УК РФ следует квалифицировать нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, если

⁶⁹ Ахметшин Х.М. Преступления против военной службы. – М., 1999. – С. 93.

они сопряжены с совершением насильственных действий в отношении начальника в связи с исполнением им обязанностей военной службы.

Такая совокупность возможна в случаях, когда, например, командир (начальник), обнаружив в казарме нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, принимает меры к его прекращению, в связи с этим подчиненные учиняют в отношении его насильственные действия.

Отграничение нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, если эти нарушения совершены в форме унижения чести и достоинства потерпевшего (ч. 1 ст. 335 УК РФ) и оскорбления одним военнослужащим другого также при отсутствии между ними отношений подчиненности (ч. 1 ст. 336 УК РФ) может быть затруднено, так как оба эти преступления являются воинскими и их субъектами выступают военнослужащие, равные с потерпевшими по воинскому званию и должностному положению, старшими или младшими по званию.

По мнению А.В. Наумова, отграничение в данном случае возможно по объективной и субъективной сторонам.⁷⁰

Унижение чести и достоинства потерпевшего при нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими объективно, как правило, совершается в насильственной форме, а субъективно – в целях самоутверждения, доминирования субъектов преступлений, подчинения своей воле сослуживцев, изменения их отношения к службе, а также для обеспечения себе особых условий службы, получения личных льгот, привилегированного положения в группе или из хулиганских побуждений. Оскорбление военнослужащих (ч. 1 ст. 336 УК РФ) совершается с прямой и непосредственной целью унижения чести и достоинства потерпевшего. Оно реализуется в словесной форме, ненасильственным действием или действиями, носящими демонстративно унижающий характер. При этом отграничение вышеназванных преступлений возможно по субъективной стороне.

Оскорбление, предусмотренное ст. 336 УК РФ, выражается в отрицательном отношении виновного к личности потерпевшего, унижении его чести и

⁷⁰ Комментарий к Уголовному кодексу РФ. / Под ред. А.В. Наумова. – М., 2000. – С. 670.

достоинства, но не связано с предъявлением ему тех или иных требований, принуждением к нарушению обязанностей военной службы, стремлением виновного добиться для себя привилегированного положения в воинском коллективе. При нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими унижение чести и достоинства потерпевших, наряду с другими формами противоправных действий, совершается в целях обеспечения в воинском коллективе такой обстановки, когда отдельные военнослужащие более раннего срока призыва заставляют молодых воинов выполнять за них наиболее трудные обязанности военной службы, оказывать им личные услуги, создавать для них облегченные условия службы. В то же время необходимо иметь в виду, что в ч. 1 ст. 336 УК РФ указано на оскорбление одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы, тогда как в ст. 335 УК РФ такой прямой связи нет, поскольку в ней речь идет о дискриминации военнослужащих в зависимости от срока их службы, а не от выполняемых ими служебных обязанностей. Определенную сложность для квалификации представляют случаи совместного совершения насильственных действий лицами, находящимися и не находящимися в отношениях подчиненности. Это характерно, когда к неуставным действиям, совершаемым военнослужащим, подключается другой военнослужащий, являющийся начальником для потерпевшего.

Как уже отмечалось, начальники различаются по служебному (должностному) положению и воинскому званию (ст. 32 и 33 Устава внутренней службы). Действия исполнителя нарушения уставных правил взаимоотношений по общему правилу должны квалифицироваться по ст. 335 УК РФ. В то же время по квалификации начальника, который подключается к действиям исполнителя, существует несколько точек зрения.

Органы предварительного следствия расценили действия сержанта Л., который поддержал неуставные действия рядового С, выразившиеся в применении насилия и угрозе применения такового, к потерпевшему Б. как превышение должностных полномочий, квалифицировав их по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ

(превышение должностных полномочий, совершенное с применением насилия или угрозой его применения), исходя из того, что подсудимый являлся для потерпевшего начальником по воинскому званию.⁷¹ Между тем, согласно Уголовному закону, обязательным признаком состава превышения должностных полномочий является совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий. При этом, согласно с внесенными изменениями прим. 1 к ст. 285 УК РФ, настоящий законопроект принимается в целях повышения эффективности практики уголовно-правовой борьбы со злоупотреблениями должностных лиц вне зависимости от характера социальных ценностей, на которые такие деяния посягают, исключения случаев необоснованного освобождения от уголовной ответственности должностных лиц, «затягивания» расследования по уголовным делам о преступлениях должностных лиц, либо необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях. Понятие должностного лица как лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющего функции представителя власти либо выполняющего организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, определено законодателем в примечании первом к ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» Уголовного кодекса РФ. В том же примечании прямо указано на то, что данное определение распространяется только на статьи главы 30 «Преступления против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления» данного Кодекса. Махачкалинским гарнизонным военным судом было установлено, что Л. являлся для Б. начальником по воинскому званию, а не по должностному положению и каких-либо функций, перечисленных в вышеупомянутом законе, в данном случае не выполнял, т. е. не являлся

⁷¹ Уголовное дело № 14/07/1008-01 по отношению сержанта Л. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2007 г.

должностным лицом, а следовательно, и субъектом должностного преступления. Поэтому действия Л. были квалифицированы по ст. 33 и ст. 335 УК РФ. Исходя из изложенного следует, что если военнослужащий является начальником по должностному положению, то его действия должны быть квалифицированы по ст. 286 УК, если же начальником по воинскому званию – по ст. ст. 33 и 335 того же УК.

Х.М. Ахметшин также придерживается мнения, что действия исполнителя подлежат квалификации по ст. 335, действия начальника – по ст. 33 и ст. 335 УК РФ⁷². Вместе с тем при определенных условиях действия начальника, не принявшего мер к прекращению насилия над его подчиненным и тем самым грубо нарушившего свои должностные обязанности, наряду с соучастием в преступлении, предусмотренном ст. 335, могут содержать признаки должностное преступления (ст. ст. 285, 286, 293 УК). Это возможно в случае, когда к насильственным действиям военнослужащего подключается начальник, являющийся таковым и для виновного, и для потерпевшего. В том же случае, когда в совершении преступления вместе с военнослужащим, не состоящим с потерпевшим в отношениях подчиненности, участвует подчиненный потерпевшего, то действия исполнителя подлежат квалификации по ст. 335 УК РФ, а действия подчиненного потерпевшего – по ст. 33 и ст. 335 УК РФ.

При этом преступление не может считаться совершенным группой лиц или по предварительному сговору, так как начальник и подчиненный не могут быть ни его исполнителями, ни его соисполнителями, они могут выступать лишь в качестве подстрекателей и пособников. В том же случае, когда к неуставным действиям, совершаемым начальником в отношении равных ему по служебному положению военнослужащих, присоединяется лицо, находящееся в подчиненности, как у виновного, так и у потерпевшего, действия начальника следует квалифицировать по ч. 1 ст. 335 УК РФ, а действия подчиненного – как соучастие в этом преступлении по ст. 33 и ст. 335 УК РФ, поскольку в данной

⁷² Ахметшин Х.М. Преступления против военной службы. – М., 1999. – С. 103.

ситуации подчиненный не является субъектом и не может быть признан соисполнителем названного преступления.

Обоснованно были квалифицированы Махачкалинским гарнизонным военным судом действия младшего сержанта Д. и рядового Р. Как установлено по делу, Д. с целью подчинить своему влиянию позже него призванного на службу младшего сержанта Т. подверг последнего избиению. Р., оказывая Д. содействие, также применил к Т. насилие. Действия Д. были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ, а Р. – по ст. 33 и п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ. Кроме того, действия Р. были квалифицированы также по ч. 1 ст. 334 УК РФ, т. е. как насильственные действия в отношении начальника.⁷³ Сложность для правильной квалификации нарушения уставных правил взаимоотношений вызывает его отграничение от некоторых воинских преступлений против порядка подчиненности. Квалификация предполагает вывод о том, какая норма должна применяться в конкретном случае. При квалификации мы сопоставляем деяние и признаки состава преступления, зафиксированные законодателем в уголовно-правовой норме.⁷⁴

Мотив и цель выполняют важную роль для разграничения различных преступлений против военной службы друг от друга.

⁷³ Уголовное дело № 14/07/1003-01 сержанта Д. и рядового Р. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2007 г.

⁷⁴ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2002. – С. 201.

ГЛАВА II. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

Преступность – побочный продукт цивилизации. Чтобы объяснить преступность, необходимо составить общее представление как о самом поведении человека, так и о силах, поддерживающих порядок в обществе.

В течение длительного времени многие представители социальных наук полагали, что преступность – это нормальная функция общества. Например, Фрэнк Танненбаум писал в 1943 г.: «Преступность вечна так же, как и общество... Чем сложнее оно становится, тем труднее в нем индивиду и тем более частыми бывают его срывы. Огромное число санкций и законов, которые надо соблюдать, только усугубляют зло».⁷⁵

§1. Состояние и динамика преступности, связанной с нарушением правил уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.

Актуальной проблемой криминологии, которой не придают должного значения представители этой науки, является динамика преступности, прежде всего, цикличность ее процесса.⁷⁶

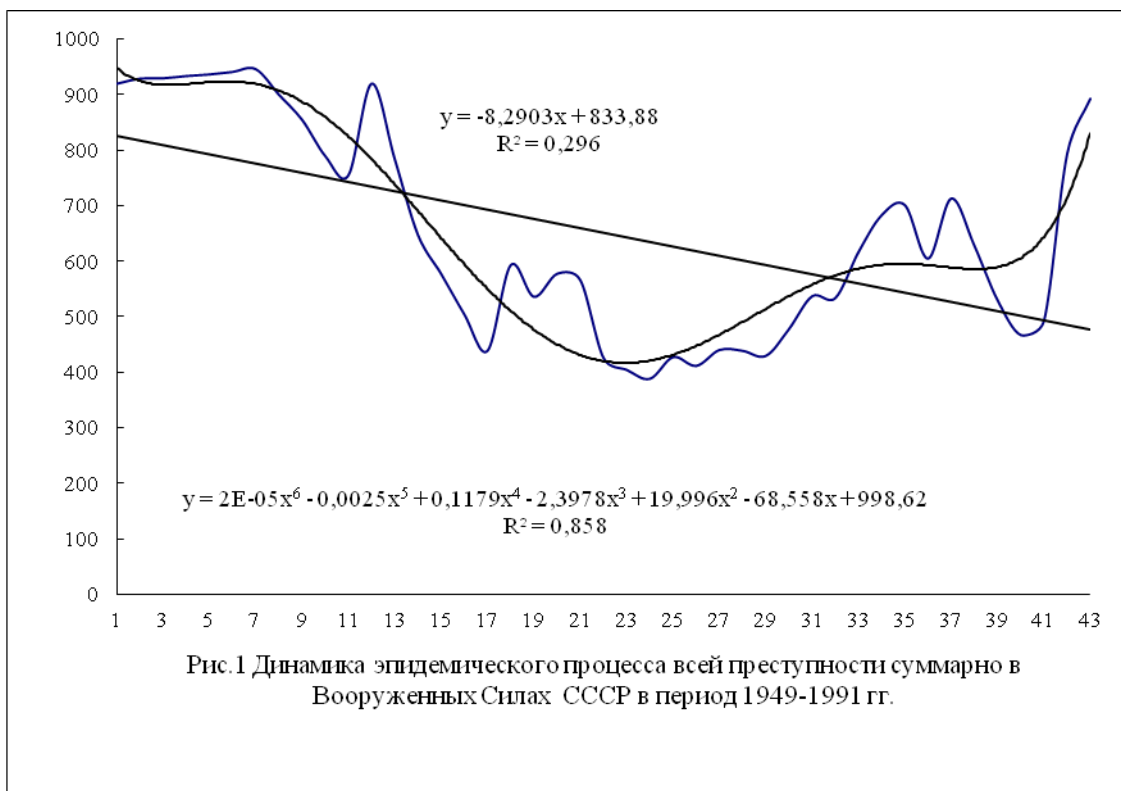
В монографии В.В. Лунеева,⁷⁷ наиболее полно отражающей мировую, союзную и российскую криминальную статистику, нет специального раздела, посвященного динамике преступности, ее цикличности, периодичности, математическому моделированию ее динамики, моделирования и прогнозирования, учитывающих цикличность преступности.

⁷⁵ Танненбаум Ф.К в книге: Barnes H.E., Teeters N.K/ New Horizons in Criminology, first ed. Englewood Cliffs, New Jersey, 1943 – С.19.

⁷⁶ Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. Общество любителей православной литературы. Издательство имени святителя Льва, папы Римского. - Киев. 2002.

⁷⁷ Лунеев В.В Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Издание 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005.

Между тем проблема цикличности эпидемического процесса преступности актуальна и в наши дни. Достаточно напомнить, например, что в 1960 г. преступность в Вооруженных Силах СССР (920, 63 %) возвратилась к уровню 1955 г. (946, 73 %) и в 1, 2 раза превысила показатель смежного 1959 года. После этого в 1966 г. показатель преступности достиг очередного максимума (592, 93 %), превысив показатель смежного года (438, 33 %) в 1, 4 раза. Все это происходило при одинаковой степени контакта военнослужащих между собою и с гражданским населением в указанные годы в условиях однородной уголовной политики в отношении преступности в Советской Армии (рис. 1).

Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что данные подъемы могли быть связаны с характерными особенностями именно этих лет. Не исключено, что эти условия по-разному сказываются в различных группах населения и при разных видах преступности. Так, в конце 80-х гг. и особенно в 1991 г. – после длительного затишья – вновь произошло серьезное увеличение показателей преступности в Вооруженных Силах СССР перед самым распадом

Советского Союза.⁷⁸

Изучение этого вопроса при отдельных видах преступности имеет и научный, и практический интерес, как основа для рационального планирования эффективных мероприятий по профилактике и борьбе с преступностью.

Данный вывод подтверждается неблагоприятной динамикой преступности военнослужащих последнего десятилетия. Так, например, уровень нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих (ст. 335 УК РФ), традиционно занимающих в структуре преступности в сфере военной службы около 40 %, за последнее десятилетие характеризуется устойчивым повышением. Ежегодный прирост этих преступлений с 1994 г. составил: 1995 г. + 9, 5 %; 1996 г. + 12, 6 %; 1997 г. + 9, 7 %; 1998 г. + 11, 9 %; 2000 г. + 47 %; 2001 г. + 13, 5 %; 2003 г. + 18, 8 %; 2004 г. + 12 %. Намечившееся некоторое снижение уровня этих преступлений в 1999 и 2001 гг., свидетельствующее лишь о временных «успехах» борьбы с воинской преступностью, не смогло в условиях вышеуказанных политико-экономических процессов изменить неблагоприятную (особенно на фоне общего сокращения Вооруженных Сил) тенденцию к росту насильственной преступности в армии и на флоте.

Уровень преступности в войсках по коэффициенту в расчете на 100 тыс. человек личного состава обычно вдвое выше коэффициента преступности в гражданском обществе. Это обусловлено рядом специфически воинских криминогенных обстоятельств.

Проводимое в последние годы реформирование армии, улучшение ее финансирования привели и к некоторым положительным результатам, в частности, к сокращению объема преступности военнослужащих. В последние годы стабилизировался и ее уровень, который в настоящее время в 2-2, 5 раза ниже, чем в целом по стране (около 700 преступлений на 100 тыс. военнослужащих).

При оценке характеристики преступности военнослужащих надо иметь в виду криминологически значимые половозрастные демографические данные

⁷⁸ Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Издание 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С.759.

личного состава армии, специфику учета преступлений, своеобразные условия жизни, быта и деятельности военнослужащих, наличие опасных ситуаций, которые предъявляют особые требования к физическому и психическому здоровью военнослужащих. В то же время отмеченные тенденции стабилизации преступности военнослужащих не в полной мере отражают ее реальное состояние в связи с достаточно высокой латентностью.⁷⁹

Помимо общих причин латентности преступности на сокрытие от регистрации преступлений военнослужащих негативно влияют высокая степень закрытости воинских формирований и объектов, а также строгая ответственность командного состава за противоправное поведение подчиненных, среди которых преобладают мужчины молодого возраста, отличающиеся повышенной криминальной активностью.⁸⁰

Особенностями обладает и структура преступности военнослужащих.⁸¹ Удельный вес специфических воинских преступлений колеблется в пределах 50-70 % от общего количества преступлений военнослужащих.⁸²

Среди них преобладают (и имеют тенденцию к росту) преступления против порядка прохождения военной службы: самовольное оставление части или места службы, дезертирство, членовредительство, преступления против порядка подчиненности и воинской чести (неисполнение приказа, сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы, насильственные действия в отношении начальника, оскорбление военнослужащего, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими).⁸³

Обратите внимание на цифры, представленные в данной ниже таблице.

⁷⁹ Информационное письмо о преступлениях, связанных с нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, осужденными Махачкалинским гарнизонным военным судом в 2001–2004 гг.

⁸⁰ Главная военная прокуратура: В армии резко растет преступность // Колокол. – М., 2004. – Сс. 5-6.

⁸¹ Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. – М., 1992. – С.104.

⁸² Обзор судебной практики гарнизонных военных судов Северо-Кавказского военно-судебного округа по уголовным делам за 2001–2004 гг.

⁸³ Там же.

Таблица № 1.

	Военными судами СКВо рассмотрено		В том числе с вынесением приговоров		
	уголовных дел	человек	уголовных дел	человек	в том числе оправдано
2000	3903	1983	1569	1952	33
2001	2276	1994	2176	2049	20
2002	2497	3128	2268	2890	21
2003	3396	3715	2418	2654	22
2004	3560	3788	3018	3292	15
2005	3738	4009	3267	3522	72
2006	4145	4295	4295	3912	18
2007	3675	3713	3256	3367	16
2008	1 186 (1 полугодие)	1 227 (1 полугодие)	1 087 (1 полугодие)	1 158 (1 полугодие)	8 (1 полугодие)
2009	2895	2994	2590	2764	28
2010	2474	2649	2204	2420	27
2011	1 924	2 112	1 726	1 883	19

Представленная таблица дает информацию за период практически в 11 лет (2000-2011 гг.) относительно уголовных дел, рассмотренных непосредственно Военными Судами Северо-Кавказского военно-судебного округа. И, несмотря на сокращение всей армии (а призывников срочной службы на сегодняшний день до 1 миллиона) и решение ввести в действие с января 2012 г. Военную полицию, к сожалению, преступность продолжает иметь место. Детальное рассмотрение преступлений отражено в данных ниже таблицах.

Таблица № 2. 2000 г.

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч.1	25
334 ч. 2 п. А	9
334 ч. 2 п. Б	3
334 ч. 2 п. В	10
335 ч.1	141
335 ч.2 п. А иск	52
335 ч.2 п. Б	107
335 ч.2 п. В	69
335 ч.2 п. Г	1
335 ч.2 п. Д	34
335 ч.3	56
336 ч.1	1
2000	508

Таблица № 3. 2001 г.

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч.1	51
334 ч.2 п. А	20
334 ч.2 п. Б	1
334 ч.2 п. В	13
335 ч.1	184
335 ч.2 п. А иск	88
335 ч.2 п. Б	100
335 ч.2 п. В	157
335 ч.2 п. Г	3
335 ч.2 п. Д	60
335 ч.3	102
336 ч.1	1
2001	780

Таблица № 4. 2002 г.

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч.1	71
334 ч.2 п.А	14
334 ч.2 п.В	16
335 ч.1	216
335 ч.2 п.А иск	85
335 ч.2 п.Б	86
335 ч.2 п. В	113
335 ч.2 п. Г	19
335 ч.2 п. Д	56
335 ч.3	49
336 ч.1	1
2002	726

Таблица № 4. 2003 г.

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч.1	62
334 ч.2 п. А	12
334 ч.2 п. Б	3
334 ч.2 п. В	17
335 ч.1	377
335 ч.2 п. А иск	103
335 ч.2 п. Б	240
335 ч.2 п. В	167
335 ч.2 п. Г	8
335 ч.2 п. Д	66
335 ч. 3	85
336 ч. 1	3
2003	1143

Таблица № 5. 2004 г.

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч.1	115
334 ч.2 п. А	13
334 ч.2 п. Б	2
334 ч.2 п. В	13
335 ч.1	580
335 ч.2 п. Б	119
335 ч.2 п. В	93
335 ч.2 п. Г	3
335 ч.2 п. Д	52
335 ч. 3	52
336 ч.1	5
2004	1047

Таблица № 6. 2005 г.

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч.1	104
334 ч.2 п. А	12
334 ч.2 п. Б	4
334 ч.2 п. В	9
335 ч.1	667
335 ч.2 п. Б	71
335 ч.2 п. В	52
335 ч.2 п. Г	1
335 ч.2 п. Д	52
335 ч. 3	58
336 ч.1	19
2005	1049

Таблица № 7. 2006 г.

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч.1	93
334 ч.2 п. А	8
334 ч.2 п. Б	1
334 ч.2 п. В	11
335 ч.1	516
335 ч.2 п. Б	69
335 ч.2 п. В	45
335 ч.2 п. Г	1
335 ч.2 п. Д	34
335 ч. 3	33
336 ч. 1	46
2006	857

Таблица № 8. 2007 г.

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч. 1	80
334 ч.2 п. А	3
334 ч.2 п. В	4
335 ч. 1	273
335 ч.2 п. Б	35
335 ч.2 п. В	42
335 ч.2 п. Г	7
335 ч.2 п. Д	36
335 ч. 3	25
336 ч.1	33
2007	538

Таблица № 9. 2008 г.

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч.1	72
334 ч.2 п. А	10
334 ч.2 п. Б	2
334 ч.2 п. В	9
335 ч.1	211
335 ч. 2 п. А иск	1
335 ч. 2 п. Б	18
335 ч. 2 п. В	28
335 ч. 2 п. Г	2
335 ч. 2 п. Д	22
335 ч. 3	18
336 ч.1	15
2008	408

Таблица № 10. 2009 г.

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч.1	55
334 ч. 2 п. А	9
334 ч. 2 п. Б	1
334 ч. 2 п. В	5
335 ч.1	243
335 ч. 2 п. Б	23
335 ч. 2 п. В	42
335 ч. 2 п. Г	1
335 ч. 2 п. Д	28
335 ч. 3	25
336 ч. 1	15
2009	447

Таблица № 11. 2010 г.

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч.1	44
334 ч. 2 п. А	4
334 ч. 2 п. В	4
335 ч. 1	249
335 ч. 2 п. Б	30
335 ч.2 п. В	28
335 ч. 2 п. Д	29
335 ч. 3	10
336 ч. 1	16
2010	414

Таблица № 12. 2011 г.

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч.1	41
334 ч. 2 п. А	7
334 ч. 2 п. В	5
335 ч. 1	214
335 ч. 2 п. Б	20
335 ч. 2 п. В	36
335 ч. 2 п.Д	18
335 ч. 3	13
336 ч. 1	17
2011	371

Таблица № 13. 2012 г. (январь и февраль)

Квалификация преступления	Преступлений ВСЕГО
334 ч.1	4
335 ч.1	10
335 ч. 2 п. В	3
335 ч. 2 п. Д	1
2012	18

К числу основных детерминант структуры и динамики преступности следует отнести действие социально-экономического, правового, социально-психологического, биосоциального и других факторов.⁸⁴

Рис. № 2. Динамика количества уголовных дел

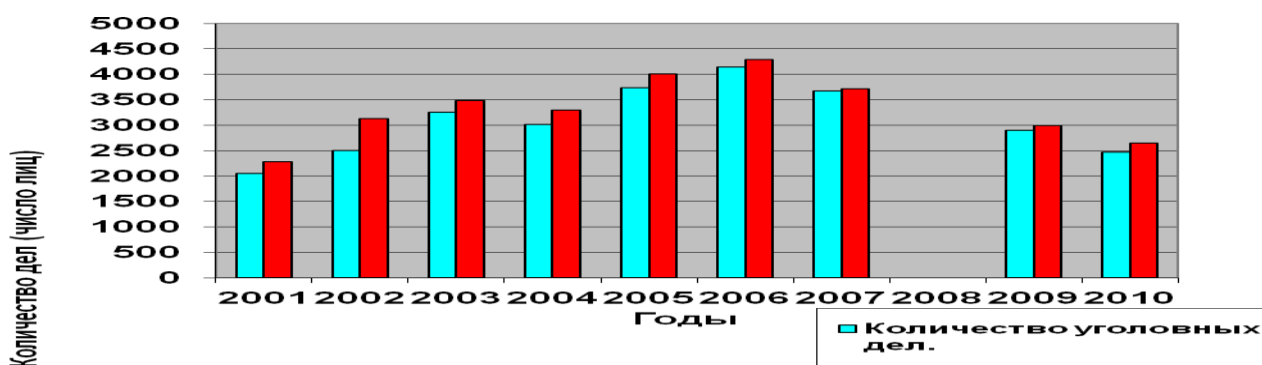
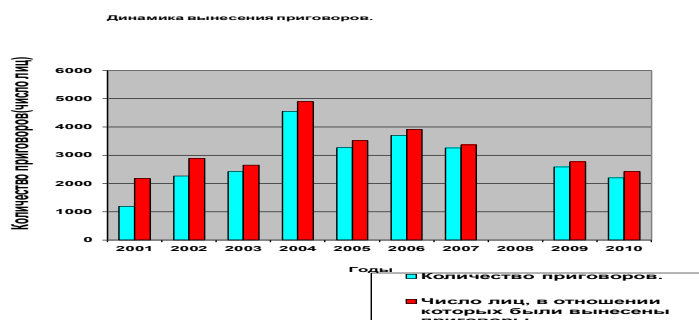

Рис. № 3.

⁸⁴ Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. – М., 1992. – С. 98.

Рис. № 4. Динамика количества лиц, оправданных по решению суда

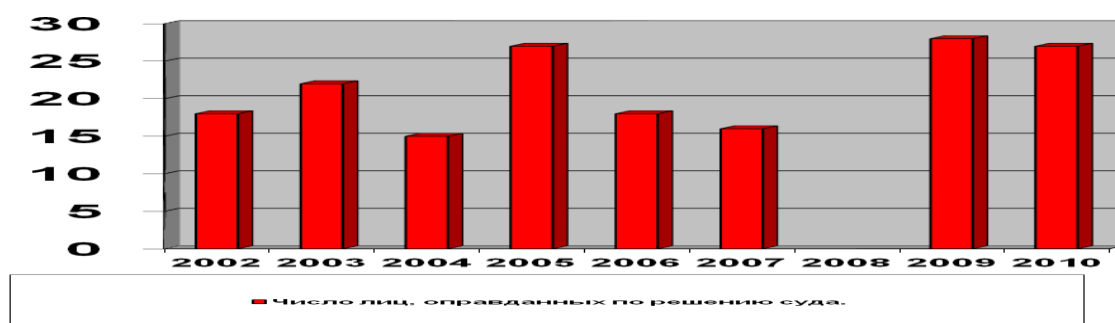

Рис. № 5. Диаграмма. Структура судимости

Разница между количеством лиц, совершивших преступления, и лиц, осужденных за них, объясняется тем, что часть уголовных дел были прекращены по различным основаниям (как реабилитирующим, так и не реабилитирующим), часть передана в правоохранительные органы других регионов, часть осужденных была освобождена от уголовной ответственности по актам амнистии. По некоторым лицам сведения об осуждении не приводятся, в том числе и за отсутствием вынесенного приговора.

§ 2. Социально-экономические факторы, детерминирующие нарушение правил уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности

Придерживаясь одной из криминологических теорий, можно говорить, что преступность есть плата за негодную экономическую и социальную политику, за пренебрежительное отношение к повышению уровня культуры, образованности, воспитанности людей, за пренебрежение к человеческой личности.

Личный состав Вооруженных Сил представляет собой часть народа, общества. Поэтому все позитивные и негативные поведенческие тенденции и закономерности, свойственные обществу, в полной мере проявляется и в армии. В то же время Вооруженные Силы как специфическая государственная структура имеют свои особенности жизнедеятельности и правового регулирования. Последние отражаются и на состоянии, и на причинах преступности военнослужащих.

Как правило, в научно-практических целях всю совокупность факторов, детерминирующих преступность в Вооруженных Силах РФ, подразделяют на три основные группы:

- 1) общие детерминанты преступности, реализуемые через условия жизни, воспитания, учебы и работы правонарушителей до призыва на военную службу;
- 2) общие детерминанты преступности, специфично преломляющиеся через армейские условия жизни и быта;
- 3) сугубо воинские детерминанты совершения преступлений военнослужащими⁸⁵.

Соглашаясь в целом с этим делением, мы, однако, полагаем необходимым дополнить первую группу факторов особенностями личности, врожденными и приобретенными ею до призыва на военную службу.

Естественно, различные детерминанты по-разному отражаются на преступности. В современных условиях решающее влияние на ее состояние оказывают радикальные преобразования во всех сферах жизни общества,

⁸⁵ Криминология: Учебник / Под ред. И.И. Карпец, В.Е. Эминова. – М., 1992. – С. 268.

связанные с введением рыночной экономики, ее позитивными и негативными последствиями. Так, экономическое расслоение общества, безработица, инфляция способствуют росту преступности и среди военнослужащих, особенно срочной службы.

Масштабы преступности и тенденции к ее росту в Российской Федерации деформируют ход реформ, угрожают основным устоям государственности, конституционным гарантиям, безопасности граждан. Увеличивается количество тяжких преступлений, в том числе умышленных убийств.

Основные причины разгула преступности кроются в неблагоприятном состоянии экономики и нестабильности общества, в правовом нигилизме значительной части граждан. Способствуют ей и отсутствие эффективной системы предупреждения преступлений, несовершенство правовой базы, серьезные просчеты в правоприменительной практике, низкая раскрываемость тяжких преступлений.

Впервые о росте армейской преступности заявил главный военный прокурор Александр Савенков в июне 2005 г. До этого из отчетов Минобороны следовало, что преступность в армии неуклонно снижается. В частности, по официальным данным, за 2005 г. «небоевые» потери составили 954 человека против 1286 в 2001 г. Однако, по информации Главной военной прокуратуры, количество преступлений в армии неуклонно росло. Главный военный прокурор обнародовал данные, из которых следовало, что только за неделю с 6 по 13 июня в «мирной» армии погибли 46 военнослужащих и еще 22 получили ранения или тяжелые травмы. В ответ министр обороны Сергей Иванов обвинил Главную военную прокуратуру в неэффективности, а самого главного военного прокурора – в неуважении к решению суда присяжных⁸⁶.

Впрочем, косвенно критику военных прокуроров армейскому руководству все-таки пришлось учесть.⁸⁷ Александр Савенков считал, что «принимаемые органами военного управления меры по профилактике и пресечению правонарушений являются недостаточными».

⁸⁶ Режим доступа: <http://www.newizv.ru/politics/2005-08-17/30002-s-avtomatom-i-petlej-na-shee.html>

⁸⁷ Там же.

В преступную деятельность активно вовлекается молодежь. Большинство из них, достигнув призывного возраста, пополнит армейские ряды. Для характеристики демографической базы призывного контингента можно привести следующие цифры;

- 1 млн. 100 тыс. подростков в нашей стране живут и воспитываются государством в интернатах и тому подобных учреждениях, причем многие при живых родителях (такого не было практически никогда, в том числе и в царской России);

- 1 млн. 185 тыс. подростков страдает психическими заболеваниями или разного рода расстройствами, что связано и с антиобщественным поведением, и с преступностью;

- 900 тыс. подростков ежегодно задерживаются за правонарушения.⁸⁸

Опросы учащейся молодежи показывают, что уровень заболеваемости наркоманией и токсикоманией на 100 тыс. подростков в возрасте 15-17 лет составляет 1 тыс. чел. Обследования выявили чрезвычайную распространенность употребления подростками алкогольных напитков: 66 % опрошенных употребляли их регулярно, а 5 % – один-два раза в неделю и чаще⁸⁹. Существуют данные о том, что в армию ежегодно призываются более 30 тыс. ранее судимых.

Из числа осужденных в 2009 г. за исследуемые воинские преступления привлекались до службы в армии к уголовной ответственности – 15, 6 %; подвергались административным взысканиям и стояли на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних – 7, 7%; каждый третий рос без отца или матери либо в неблагоприятной семейной обстановке; не закончили среднюю школу или ПТУ – 18, 9 %.

Призывники 2010 г. характеризовались следующим образом: у 15 % был один родитель; 2 % были сиротами; 50 % до призыва совершали насилие над товарищами. При этом 37 % опрошенных заявили, что с правонарушениями в сфере межличностных отношений они впервые столкнулись в ПТУ и техникумах. Родители многих из них привлекались к уголовной ответственности, лечились от

⁸⁸ Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. – М., 1992. – С. 104.

⁸⁹ Обозреватель: Информационно-аналитический сборник. – М., 1993. – № 2(6). – С. 50.

алкоголизма и наркомании. Более трети призывников избегали чтения художественной литературы и газет. Каждый второй до призыва в армию занимался силовыми видами спорта, из них каждый десятый – каратэ. Бывших «неформалов» с присущими им особенностями социальных установок среди военнослужащих рядового состава – 6 %, а среди сержантского – 3 %.

По информации из военных округов на конец 2011 г.: 25 % призывников имели приводы в милицию, 6 % – судимы; 125 тыс. человек (в 12 раз больше, чем 20 лет назад) не знали русского языка; многие владели технологией приготовления токсических веществ и самогона из зубной пасты, гуталина, клея.

Неблагоприятные условия быта и нравственного формирования личности значительной части молодых людей до их призыва на военную службу довлеют в их сознании не только как «груз» прошлого и пережитого. Некоторые из обстоятельств «допризывной» жизни, через массу видимых и невидимых связей, через различные формы социального общения продолжают оказывать свое криминогенное влияние и во время службы.

Например, после 1985 г. почти ни у кого из ученых-криминологов не вызывает сомнения отрицательное влияние средств массовой информации на духовно-нравственную сферу подрастающей молодежи.⁹⁰ Безусловно, пропаганда культа силы, грубости, акцентирование внимания на низменных потребностях человека, культивирование его эгоцентризма провоцируют посягательства на воинские уставные взаимоотношения, предусматривающие прямо противоположные нравственные приоритеты. Это стало особенно очевидным в последние годы, когда страна оказалась в глубоком экономическом, политическом и идеологическом кризисе.

К факторам, оказавшим крайне негативное влияние на состояние воинских уставных взаимоотношений, относится и неоправданная по размаху и часто аморальная в средствах достижения цели идеологическая пропаганда, направленная на разрушение Вооруженных Сил СССР, олицетворявших опору бывшей административно-командной системы. Сегодняшние Вооруженные Силы

⁹⁰ Биркаве В.В. Видеопотребление: правовые и криминологические проблемы // Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ней. – М., 1994. – Сс. 22-32.

Российской Федерации, став их правопреемником, унаследовали идеологическое клеймо своих предшественников, созданное СМИ. Многие их представители и сейчас активно внедряют в политических целях в сознание граждан и личного состава Вооруженных Сил «комплекс неполноценности» нашей армии и флота.

Так, в ходе антиармейской пропаганды были подвергнуты ревизии история и победы Вооруженных Сил России, армия и флот которых в ряде СМИ были объявлены исполнителями злой имперской воли, поработителями, оккупантами. В конце 80-х гг. в публикациях некоторых центральных и московских изданий («Огонек», «Аргументы и Факты», «Московские новости», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Куранты» и др.) приводились рассуждения о том, что для нашей страны явилось бы благом поражение в даже священных по признанию народа отечественных войнах 1812–1813 гг. и 1941–1945 гг.

Моральному унижению в процессе такой пропаганды подвергнуты военнослужащие, выполнявшие беспрекословно и точно, как требует устав, приказы своих командиров и начальников в «горячих точках» земного шара и отдельных регионах нашей страны. Армии привит синдром нерешительности действий в чрезвычайных ситуациях. Он связан с тем, что по настоящее время публично не дана однозначная государственная оценка событиям с использованием армии, по приказам высшего руководства бывшего СССР в регионах с режимом чрезвычайного положения. Это приводит к тому, что политические пристрастия различных групп населения периодически объявляют исполняемые армией приказы преступными.

Распространенный «планетарный» тип мышления в широких кругах пацифистки настроенной интеллигенции, до сих пор находящий свое отражение в СМИ, не предполагает наличия у России ни врагов, ни своих интересов, которые необходимо защищать. Общественность в своем большинстве, сбита с толку прежней и частично современной антиармейской пропагандой, относится к армии с опасением, подозрением, а к ее проблемам в лучшем случае апатично.

Вялотекущие, экономически слабо подкрепленные процессы реформирования Вооруженных Сил, крах прежней идеологии, отсутствие законченных новых

концепций построения и задач российской армии культивируют в ее рядах приспособленчество, нерешительность, рвачество, безынициативность, бездуховность и т. п.

Следствием антиармейской пропаганды стали крайние формы неуважения и даже обструкция Вооруженным Силам России в странах Восточной Европы. О том свидетельствуют акты вандализма на кладбищах российских солдат, отдавших свою жизнь за свободу и независимость ряда европейских народов. Непосредственным же результатом указанного идеологического давления явились поруганные чувства патриотизма, беззаветности воинского служения Отечеству, которые нередко объявлялись несовременными, ортодоксальными и даже вредными. Кроме того, в общественном сознании во многом сформировалось мнение, что в армии служат люди грубые, ограниченные, в лучшем случае достойные сожаления, но никак не уважения, подражания и т. д.

Таким образом, средства массовой информации, подрывая прежнюю идеологию Вооруженных Сил, сработали и против проверенных временем позитивных ее морально-психологических устоев, нанеся тем самым вред воинской дисциплине и боеготовности армии.

С существенным падением престижа почти 90 % среди воинских преступлений составляют уклонения от воинской службы, самовольные отлучки и дезертирство. По отдельным видам Вооруженных Сил вырисовывается неприглядная картина: увеличилось количество фактов уклонения от воинской службы, дезертирство, которое, как правило, связано с неуставными воинскими взаимоотношениями, в одних случаях его причиной, а иногда – следствием.

Очевидно, что неблагоприятные условия жизни, воспитания в допризывный период, сформированные тогда же криминогенные, антиобщественные, антиармейские ориентации личности призывников детерминируют преступления против воинских уставных взаимоотношений. Поскольку около 50 % личного состава срочной службы ежегодно обновляется, то в армейскую среду систематически привносятся антисоциальные взгляды, привычки, традиции, которыми обременена определенная часть призывников.

Названная группа факторов весьма существенна в детерминации преступлений военнослужащих вообще и в деликтах против воинских уставных взаимоотношений, в частности. Эти факторы, как правило, не могут быть устранены силами воинских должностных лиц. Они могут быть лишь частично блокированы, компенсированы или нейтрализованы мерами организационного, воспитательного и дисциплинарного характера.

Вторая группа факторов связана со специфичным действием общих детерминант преступности в своеобразных условиях жизни, быта, досуга и деятельности военнослужащих. К особенностям военной службы, которые усиливают действие общих факторов, детерминирующих преступления против воинских уставных взаимоотношений, относятся:

1) сосредоточение в Вооруженных Силах молодежи в возрасте 18-25 лет, которой свойственна более высокая преступная активность;

2) прохождение действительной военной службы главным образом мужчинами, коэффициент поражаемости преступностью которых в 6-8 раз выше, чем женщин;

3) практика отсрочек от призыва в армию студентов высших и средних учебных заведений; отсюда среднестатистический образовательный, а часто и нравственно-правовой уровень военнослужащих срочной службы ниже, чем в целом у молодежи страны, что повышает их криминогенность;

4) оторванность военнослужащих срочной службы от своих близких. привычных условий жизни, труда и отдыха, что нередко служит социально-психологической основой криминальных мотиваций;

5) максимальная регламентированность поведения жизни, быта и отдыха военнослужащих, что в ряде случаев порождает дополнительную внутреннюю напряженность, которая разрешается в противоправном поведении;

6) более широкая сфера действия уголовного права в Вооруженных Силах, где военнослужащие несут ответственность не только за общеуголовные, но и за воинские преступления.

К негативным факторам здесь можно отнести и перманентное за последние

годы изменение целей, задач и структуры Вооруженных Сил, связанное с преобразованием общественно-государственного устройства.

Это обусловило:

а) непланируемое участие Вооруженных Сил в пресечении межнациональных конфликтов на территории стран СНГ в отрыве от основных баз снабжения, комплектования, обучения и с дислокацией в конфликтной общественной среде;

б) развал прежней и отсутствие новой надежной системы комплектования Вооруженных Сил;

в) несравненно более вопиющие, чем ранее, факты явных нарушений в сфере материально-технического обеспечения Вооруженных Сил;

г) резкое, не имевшее за последние десятилетия аналогов, возрастание социальной, морально-психологической напряженности в воинских коллективах, усугубившейся за счет накопившихся проблем и в обществе, и в самой армии, а также в результате наметившегося в последнее время противостояния общества и армии;

д) текучесть кадров среди офицерского корпуса Вооруженных Сил и младших армейских командиров.

Культурологические факторы, влияющие на преступность, заметно усиливаются недостаточной социальной зрелостью молодежи, и прежде всего той ее части, которая не получила общего или специального образования. Достаточно сказать, что интенсивность преступности среди школьников, учащихся ПТУ, неработающих и неучащихся подростков соответственно пропорциональна как 1:7:40. Именно две последние категории подростков и составляют основную массу будущих призывников.⁹¹

На взгляды и поведение людей большое влияние, особенно в скромных казарменных условиях, где сосредоточен молодежный мужской контингент, оказывают групповое мнение, внушение, подражание и другие социально-психологические факторы. Их воздействие на военнослужащих срочной службы

⁹¹ Криминология: Учебник. / Под ред. И.И. Карпец, В.Е. Эминов. – М., 1992. – С. 269.

может быть как положительным, так и отрицательным. Распространению антиобщественных взглядов они способствуют, если в тех или иных группах доминирует мнение военнослужащих, ранее судимых, склонных к пьянству, распущенности и недисциплинированности.

Обычаи, ритуалы, «законы» субкультуры в армейской среде и в ИК очень схожи. Почти полностью совпадают предписываемые ей внешний вид «дедов» и «воров» (отглаженная форма, срезанные ранты, каблуки ботинок «рюмочкой», вставки в сапоги и т. п.), их поведение. Так «дед» или «вор» надзирает за «порядком», руководит «разборками», вершит «суд», не работает, не ходит в строю либо уклоняется от строя, старается внешним видом отличаться от остальных отсутствием, неношением деталей форм одежды или введением новых «своих» деталей к ней.

О сложной взаимосвязи общих факторов, детерминирующих преступность, и факторов специфических, действующих через призму своеобразных условий жизни, быта, досуга и деятельности военнослужащих, свидетельствуют анализ истоков и периодов возникновения правонарушений в сфере межличностных отношений в армии. Эта проблема является одной из малоизученных.

По мнению В.В. Панкратова, исследуемые правонарушения возникли на переходном этапе, когда срок службы в армии сократился с трех до двух лет. При этом солдаты нового призыва оказались в более выгодном положении, а лица, прослужившие свыше двух лет, почувствовали себя социально обманутыми. В.В. Романов активным началом преступлений в сфере армейских межличностных отношений обозначил 1963–1965 годы, когда уголовная политика смягчения наказания виновных лиц обусловила распущенность правонарушителей, включая и из числа военнослужащих, которые почувствовали свою безнаказанность за многие противоправные деяния.⁹²

Другие исследователи видят истоки рассматриваемых правонарушений в 1970–80-х годах, когда наглядно проявились аномалии социальной и духовно-нравственной сфер жизни и общества, и у молодежи стал преобладать культ

⁹² Романов В.В. Юридическая психология: Учебник. – М.: Юристъ, 1998.

грубой физической силы. Некоторые военные психологи также полагают, что правонарушения в армии, связанные с неуставными взаимоотношениями, есть следствие функционирования и господства в тот период командно-административной системы.

Ряд авторов утверждает, что «казарменное хулиганство» процветало в армии еще в 50-е гг. В основном оно сводилось к «солдатской присяге», т. е. унижительному ритуалу «посвящения в солдаты» молодого пополнения. Это хотя и носило характер откровенного глумления над личностью, но не влекло за собой тяжелых последствий.

В.М. Крук выделяет несколько периодов в развитии исследуемых правонарушений. Первый – до начала 50-х годов, когда серьезных свидетельств о существовании в армии правонарушений в сфере межличностных отношений не было. Второй период – с середины 50-х до начала 60-х годов, когда был отмечен резкий всплеск роста указанных правонарушений и преступлений. Связано это было с сокращением срока службы, уходом из армии ветеранов, призванных еще в довоенные и в годы войны. В Вооруженные Силы стали набирать всех без разбору, в том числе и вчерашних заключенных. Последние и привнесли в армейский быт тюремные и уголовные традиции: организацию скрытых судилищ, принятие блатной «присяги», избивание ложками и т. п.⁹³

С появлением в 1957–1958 гг. армейских институтов общественности и замены гауптвахты «взятием на поруки» случаи правонарушений в сфере межличностных отношений прочно укоренились в казармах. Именно в этот период, по мнению В.М. Крука, указанные правонарушения начали перерастать в самостоятельные социально-психологические криминальные проявления.

Третий период – середина 60-х и до середины 80-х годов – этап всплесков и спадов исследуемых правонарушений. При этом, как правило, снижение их количества в официальной отчетности было приурочено к различным знаменательным событиям и датам.

С 1985 г. начался четвертый этап. О правонарушениях в армии стали

⁹³ Съедин С.И., Крук В.М. «Дедовщина» в воинских коллективах: причины, пути выявления и искоренения. (Социально-психологический аспект). – М., 1990. – С. 59.

говорить и писать открыто. Многие официальные документы свидетельствовали о резком снижении преступности в армии. Однако криминальные проявления в сфере межличностных отношений здесь не только не уменьшились, но стали еще более изощренными и жестокими.⁹⁴

На основе анализа различных точек зрения по дискутируемому вопросу можно выделить следующие ключевые моменты:

1) истоки рассматриваемых правонарушений некоторые исследователи видят в послевоенных годах, когда в армейской среде находились лица, прошедшие войну, и новобранцы, призванные в армию после ее окончания. Это объективно привело к определенному их противостоянию и неуставному подчинению нового пополнения старослужащим;

2) ряд авторов полагает, что исследуемые правонарушения возникли на рубеже 50–60-х годов, когда в Вооруженных Силах появились первые признаки «казарменного хулиганства», выразившиеся в нарушениях солдатской присяги;

3) по мнению других исследователей, появление указанных правонарушений относится к периоду «застоя» (1960–1970-е годы) как прямое порождение командно-административной системы, которая привила значительной части молодежи нигилистическое отношение к многим социально-нравственным ценностям, в том числе и к службе в армии.

Соглашаясь с указанными мнениями, следует упомянуть и другие факторы, действовавшие позитивно в середине 60-х годов: а) до этого периода экономика и общество развивались довольно высокими темпами; в стране отмечалась хорошая демографическая ситуация; б) служба в армии воспринималась большинством граждан как долг перед Отчизной, была престижной, предоставляя возможности для развития личности и для многих молодых людей была настоящей школой жизни. Действие таких общих факторов, естественно, оказывало антикриминогенное влияние на армейскую среду, и правонарушения в сфере неуставных взаимоотношений военнослужащих носили локальный характер и были единичными фактами.

⁹⁴ Неуставщина // Аргументы и Факты. – 1999. – № 44. – С. 8.

В 70-е и 80-е годы, с которыми большинство исследователей связывает начало «дедовщины» в армии, ситуация существенно изменилась. Темпы развития страны и общества замедлились, начался застойный период. Армия, согласно действовавшей тогда военной доктрине, достигла масштабов и технического уровня, позволяющих решать самые сложные боевые задачи, но она стала непосильным бременем для общества.

Из-за возросших экономических трудностей, волонтаристских решений, а нередко и недобросовестности командиров личный состав стал часто использоваться как дешевая рабочая сила. Снизились качество боевого обучения и уровень жизнеобеспечения армии. Военно-пропагандистская работа по соблюдению и сбережению славных боевых обычаев и традиции была крайне формализована.

Сокращение срока службы по призыву с двух лет до года также не искоренило дедовщину в российской армии. Вместо старослужащих над новобранцами теперь стали издеваться контрактники и такие же срочники из национальных землячеств. Дедовщину порождает система отношений в армии, говорят эксперты. Со сроком службы дедовщина не связана – есть примеры, когда иерархические отношения в казарме выстраивались за считанные недели.

Трудный переход из советского в постсоветское состояние и острый недостаток финансирования привели к резкому падению боеспособности армии в 90-е годы. Тем не менее армию удалось сохранить, она смогла выиграть две чеченские кампании, что, однако, в следующее десятилетие не избавило ее от новых разрушительных экспериментов.

В 90-е гг. прошли основные процессы трансформации советской армии в российскую. К сожалению, во многом эта трансформация носила формальный, а не сущностный характер. Политработников переименовали в заместителей командиров по воспитательной работе, сделав из них как бы пионервожатых. К звездам на фуражках добавили двуглавых орлов. Провозгласили переход к профессиональной армии, конца которому и сегодня не видно. Численность армии была сокращена с примерно 4 млн. человек в советское время до 1, 2 млн.

человек. Такое сокращение было вынужденным. Ведь в результате распада Советского Союза население той страны, которая стала правопреемницей СССР, уменьшилось вдвое, так что содержать армию той же численности, какую имела Советская армия, России было не под силу. Однако одновременно с сокращением войск, подчинявшихся Министерству обороны, росла численность войск, подчинявшихся МВД, МЧС и ФСБ, так что общая численность войсковых подразделений силовиков превысила 2 млн.

Несмотря на то что российское общество стало значительно более свободным и открытым по сравнению с советским, «дедовщины», т. е. неуставных отношений, в армии стало значительно больше, а ее проявления – гораздо более жестокими по сравнению с советскими временами.

По сравнению с 90-ми гг., в 2000-е гг. положение в армии только ухудшилось. Проводимая сейчас попытка сочетать принципы призывной и профессиональной армии приводит к тому, что падает боеспособность вооруженных сил. Появился новый вид «дедовщины» – контрактников по отношению к срочникам. Наметившееся имущественное расслоение офицеров, когда на одной и той же должности их зарплата может различаться в разы, разлагает армию. Также передача функций тылового обеспечения гражданским бизнес-структурам, делающая предметы материально-технического снабжения поистине «золотыми», равно как и программы производства наиболее дорогого, но не самого необходимого вооружения и техники, являющиеся в первую очередь средствами «распила» бюджета, разрушают вооруженные силы.⁹⁵

Летом 2007 г. войска покинули последние солдаты, призванные больше чем на год (осенний полуторагодовой призыв). Военные обещали, что теперь дедовщина сойдет на нет – в казармах оказались солдаты только одного призыва (первые полгода солдат-срочник проводит в учебной части и лишь потом направляется в войска). Однако издевательства над новобранцами продолжают. «Роль «дедов» стали брать на себя контрактники», – говорит член президентского Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам

⁹⁵ Соколов Б.В. Российская армия в 90-е. Победы и поражения <http://www.uroki90.ru/node/133>

человека Сергей Кривенко. Председатель межрегиональной общественной организации «Солдатские матери» Татьяна Кузнецова подтверждает: «дедами» стали контрактники, причем сильнее других лютуют те, кого заставили подписать контракт обманом или насильно.

Переход на годичный срок службы должен был совпасть с разделением российской армии на две части: соединения постоянной готовности, где служили бы одни контрактники, и укомплектованные срочниками подразделения по подготовке резервистов. Но программа по набору контрактников провалилась. Заведующий лабораторией военной экономики Института экономики переходного периода Виталий Цымбал подсчитал: недобор контрактников в 2004–2007 гг. составил 50 тыс. человек.⁹⁶

Наши исследования показали большое сходство как формальных признаков функционирования, так и элементов «субкультуры» армейской среды, где процветают неуставные взаимоотношения, царит «дедовщина». Схоже также отношение начальников и армейских подразделений и колоний к сложившимся там неформальным структурам. Они, как правило, воспринимают их как вынужденное явление, с которым нужно смириться.

Проанализируем третью группу факторов, связанных с конкретными недостатками в управленческой, организационной, дисциплинарной и воспитательной деятельности командиров и начальников. Высокая криминогенность отдельных допускаемых в ее процессе упущений, промахов обусловлена тем, что вся жизнедеятельность военнослужащих, их быт и отдых строго регламентированы законами и уставами, наставлениями и инструкциями, приказами и приказаниями полномочных начальников. Преступному поведению военнослужащих срочной службы способствуют аморальные и неправомерные действия командиров и начальников в быту и на службе; их стремление поддерживать дисциплину лишь силой; ненормальные взаимоотношения в воинском коллективе; слабая борьба с пьянством военнослужащих; безразличие к нуждам и запросам подчиненных; бесконтрольность; безнаказанность;

⁹⁶ Режим доступа: <http://www.oboznik.ru/?p=2688>

укрывательство преступлений; бытовая неустроенность; пробелы в организации службы войск, досуга, отдыха военнослужащих и т. п.

Здесь надо отметить, что анализ преступлений против воинских уставных взаимоотношений в армии затруднен рядом обстоятельств. Во-первых, официальная статистика органов военной юстиции до недавнего времени была закрыта для всестороннего изучения. Кроме того, она не отражает всего многообразия форм и видов криминальных деяний, совершаемых в рассматриваемой сфере. Во-вторых, данным преступным проявлениям свойственна высокая латентность, что не в последнюю очередь детерминируется тем, что органами военной юстиции и командованием некоторых частей такие противоправные акты нередко умышленно скрываются от официального учета.

Если в 60-е гг. «дедовщина» носила, хотя и унижительный, но ритуальный характер, то в 70-е гг. она стала в армии массовым явлением, приобрела черты опасных насильственных посягательств с тяжелыми последствиями, а нередко и смертельным исходом. Так, в 1970 г. в войсках было зарегистрировано 588 фактов глумления, в которых участвовало 1120 правонарушителей; в 1983 г. количество подобных случаев утроилось. Тогда же не без помощи военных юристов был подготовлен Указ Президиума Верховного Совета бывшего СССР от 11.01.1984 г. Согласно его положениям, «дедовщина» стала квалифицироваться не как общеуголовное преступление, но как воинское асоциальное деяние, связанное с неуставными взаимоотношениями военнослужащих.

С принятием такой нормы для уголовного процесса по данным делам требовалось «согласие» командования, заинтересованного в «регулировании» официальных показателей. Укрывательство «дедовщины» в середине 80-х гг. превысило все мыслимые и немыслимые пределы. Как показали проверки, некоторые военные госпитали были переполнены солдатами с переломами челюстей, разрывами печени и селезенки и другими травмами, полученными в результате «неуставных отношений». Боясь расправы со стороны старослужащих и наказания от командования, потерпевшие, как правило, утверждали, что получили травмы, якобы, при случайном падении. Конечно, все это сразу же

отразилось на статистике преступности в войсках. Количество регистрируемых в армии фактов хулиганства уже в 1984 г. сократилось на 79 %. Соответственно в Вооруженных Силах резко снизился уровень и общеуголовной преступности.

Видимо, резонно было бы прогнозировать адекватный рост воинских преступлений, поскольку фактический уровень «дедовщины» не снижался, а повышался. Однако этого не произошло. Путем укрытия квалифицирующих признаков некоторые из воинских преступлений (самовольные отлучки, нарушение уставных правил караульной и внутренней службы и даже самовольные оставления части) стали выпадать из учета. Регистрируемый уровень «дедовщины», достигший к середине 80-х гг. почти 5 тыс. случаев в год, резко пошел вниз. Формально цель была достигнута, а реально – «дедовщину» в армии укрыли от внимания общества.

В ходе проведенного исследования было опрошено 500 военнослужащих (рядовые, младшие командиры и офицеры). На вопрос о будущем состоянии правонарушений, связанных с неуставными взаимоотношениями, 32 % респондентов затруднились дать какой-либо ответ; 25 % заявили, что в ближайшие годы указанные деликты останутся на прежнем уровне; 20 % – указали на их будущий рост, связав это с ухудшением общественно-политической ситуации. Лишь 14 % опрошенных выразили надежду на снижение уровня данных правонарушений, даже если обстановка в стране не изменится в лучшую сторону, и только 9 % были настроены наиболее оптимистично, поскольку убежденно полагали, что «дедовщина» в связи с волной реформ в основном будет искоренена. Однако исследование еще раз подтвердило высокую латентность рассматриваемых правонарушений.

С учетом изложенного выше можно сделать ряд выводов:

1. Исследуемые правонарушения фактически совершались в армии всегда. Например, еще в армии времен царствования Николая I отмечались случаи истязания старослужащими солдатами или принуждения ими солдат более позднего срока призыва к выполнению порученной первым грязной и непрестижной работы. Предпосылки для оживления в советской, а в

последующем российской армии негативных традиций казарменного быта сложились в начале послевоенных лет (конец 40-х – начало 50-х годов). В этот период проходили службу часть лиц – участников войны 1941-1945 гг. и новое пополнение.

2. Преступления против воинских уставных взаимоотношений детерминируют социально-экономические факторы: а) общие, т. е. являющиеся причиной общеуголовных преступлений; б) специфично преломляющиеся через армейские условия жизни и быта; в) действующие сугубо в воинской среде.

3. Общими детерминантами широкого распространения в армейской среде преступлений против воинских уставных взаимоотношений явились экономические трудности государства и такие связанные с этим факторы, как: ухудшение материального обеспечения армии; социальная незащищенность военнослужащих; падение престижа армии, нежелание молодежи служить в ней, а также потеря прежних общественных идеалов и отсутствие новых; широко развернувшаяся антиармейская пропаганда; ограниченный выбор средств позитивного воспитательного воздействия в воинских коллективах и т.п.

4. В условиях Вооруженных Сил общие детерминанты преступности реализуются специфически: одни из них ослабляют или нейтрализуют действие тех или иных факторов, другие – усиливают и даже умножают их криминогенность. Так, ограниченность ресурсов в обществе, используемых в армии и для армии, в послевоенные годы не оказывала заметного влияния на состояние воинской дисциплины, тогда как впоследствии, в 70-е – 80-е гг. и в современных условиях, она стала существенным криминогенным фактором.

К такой группе специфических факторов относятся те обстоятельства, что в Вооруженных Силах служат лица, полу и возрасту которых присуща повышенная криминогенность. Современная система комплектования армии далека от совершенства и имеет существенные недостатки. Условия прохождения воинской службы отличаются максимальной регламентацией, порождающей дополнительную внутреннюю напряженность в воинских коллективах. Это выступает социально-психологической основой криминальных мотиваций. Армия

есть «слепок» общества, отражающий все его достижения и болезни. Поэтому общие факторы, детерминирующие преступность, не могут быть устранены силами лишь должностных лиц. Здесь требуется целый комплекс мер экономического, организационного, воспитательного и правового характера.

§ 3. Социально-психологические и психофизиологические факторы агрессивного поведения военнослужащих

Среди негативных явлений, детерминирующих преступность, выделяются факторы, образующие ее непосредственные причины, а также условия, способствующие совершению деликтов.

В теории криминологии непосредственными причинами преступности признаются социально-психологические детерминанты. Их познание позволяет целенаправленно проводить соответствующую профилактическую работу. Кроме того, они в большей степени поддаются устранению или нейтрализации.

Под условиями преступности в целом и совершению конкретных правонарушений подразумеваются различные факторы, детерминирующие криминогенное формирование личности. К ним относятся: негативное влияние семьи, ближайшего окружения, недостатки школьного, производственного, бытового воспитания, а также всевозможные организационно-управленческие упущения и просчеты.⁹⁷ Действие указанных факторов целесообразно рассмотреть с позиций социальной психологии и с разделением данных детерминант на несколько групп.

Первая группа – это психологические особенности правонарушителей – военнослужащих срочной службы, связанные с их молодым, а следовательно, и наиболее криминогенным возрастом (18-21 год). Следует учитывать, что молодежи вообще свойственно агрессивно-разрушительное поведение, обусловливаемое спецификой психики переходного возраста. Неустойчивая в этот период психика выражается во множестве разнообразных поведенческих актов и

⁹⁷ Курс советской криминологии. Т. 2. – М., 1985. – Сс. 156-157.

личностных установках, противоречащих общепринятым нормам. Сюда можно отнести и получение удовольствия от необоснованного риска своих поступков, и внутреннюю тревожность, постоянное ожидание чего-то плохого. Так, агрессия подростка проявляется и в его попытках как бы обезопасить себя.

Вторая группа факторов связана с деформированным представлением юношей о своей социальной роли, статусе в обществе, коллективе. Нередко молодые солдаты и матросы готовы терпеть любые унижения на первом году службы, чтобы впоследствии стать самим на место тех, кто их унижал. Так, исследования показывают, что правонарушения в сфере межличностных отношений в армии в 85-90 % случаев совершают рядовые, прослужившие более года – из них около 50 % отрицательно характеризовались до призыва.

К третьей группе факторов мы относим особенности правосознания молодежи, в том числе: а) неразвитость привычки сопоставлять свое поведение с законом; б) переоценка роли мотива поведения и недооценка объективной общественной опасности правонарушения; в) неумение давать верную оценку конкретным действиям; г) разрыв между знаниями, личными убеждениями и поведением некоторой части военнослужащих; д) зависимость правосознания отдельных солдат от мнения непосредственного, ближайшего окружения по вопросам права и соблюдения правовых норм.⁹⁸

Четвертая группа факторов связана с наличием в воинских коллективах неформальных структур, поскольку армейско-уставной порядок не может охватить все аспекты жизнедеятельности социальной среды. Лидеры и другие субъекты исследуемых правонарушений находятся в сложной многоступенчатой структуре; через нее они воздействуют на своих жертв, общаются между собой. Эта структура позволяет им охватить все подразделения воинской части, она же способствует и постоянному воспроизводству рассматриваемых криминальных проявлений. Формированию таких структур (на более низком уровне) содействует подростковый опыт участия в неформальной группе антисоциального или даже преступного характера. Большую роль здесь играет и стремление избежать

⁹⁸ Дамский О.В., Зюбин В.Р. Правовое воспитание курсантов // Готовится приказ.– М., 2000. – С. 21.

«аутсайдерства» – одна из главных причин объединения подростков и юношей в неформальные группы.

В Вооруженных Силах «неформалы» объединяются на принципиально иной основе. К синдрому «аутсайдерства» у правонарушителей прибавляется еще и ненависть к «маменькиным сынкам», что подразумевает весьма широкий спектр юношей – от физически слабых до хорошо эрудированных. При этом едва ли не главным условием вхождения в неформальную структуру является наличие у претендента значительной физической силы. Нередко лидерами правонарушений солдаты становятся благодаря своей силе. В процессе «воспитания» на негласных законах «дедовщины» происходит разобшение молодых воинов, своеобразный естественный отбор.⁹⁹

Лидеры неуставных отношений, прошедшие через их жернова, как бы передают эстафету следующему поколению. «Неформальная структура в армии, – отмечает Е.Н. Гуренко, – фактически предоставлена самой себе. Она формируется, живет и развивается по собственным законам, слабо коррелирующим с официальными правилами системы. Именно здесь мы вплотную подходим к источнику формирования неуставных отношений. Очевидно, что эти отношения не являются чем-то внешним и чуждым этой системе: они имманентно ей присущи и постоянно воспроизводятся ею».¹⁰⁰

По результатам некоторых исследований, неформальная структура в армии есть следствие невозможности реализовать уставной порядок. Правонарушения в сфере межличностных отношений заполняют прорехи уставов. Что может случиться, если из-под устава выбить подпорку «дедовского» порядка? В одном из интервью прозвучал ответ: «А техника "на честном слове" работать будет?». Без насилия неформальная структура теряет всякий смысл. Оно используется в трех случаях; 1) для поддержания «порядка»; 2) для удовлетворения личных претензий «деда»; 3) как самоцель, т. е. доведенное до абсурда насилие применяется ради такового.¹⁰¹

⁹⁹ Юнин А.С. Неслужебный ранжир // Коммунист Вооруженных Сил. – 1989. – № 5. – С. 53.

¹⁰⁰ Гуренко Е.Н. Два года «встроенного наблюдения» // Социологические исследования. – 2000. – № 5. – Сс.127-128.

¹⁰¹ Лановский С.И., Марзеев С.С. Войны однополчан // Век XX и мир. – 1999. – № 11. – Сс. 23-24.

Сложившаяся неформальная структура позволяет лидерам-правонарушителям: а) втягивать в исследуемые криминальные деяния новое поколение правонарушителей; б) обезопасить себя посредством «круговой поруки»; в) насаждать свои порядки через посредников-исполнителей. Так, по наблюдениям на флоте, матросы третьего года службы предоставляют «полторашникам» полную свободу действий, но при условии их активной «воспитательной» работы с младшими призывами. При этом уклоняющийся от этой свободы «полторашник» наказывается сам.¹⁰²

Согласно результатам некоторых исследований (например, Г.И. Забрянского), неформальные группы военнослужащих первого года службы образовывались, для защиты от нападавших. Однако на втором году они превращаются в неформальные группы для насаждения «дедовских» порядков. Отсюда вывод: неформальной структуре не может противостоять даже организованное сопротивление новобранцев. По нашим данным, о такой возможности также приходится говорить с большой долей скептицизма.

Пятая группа факторов связана с формами участия военнослужащих в рассматриваемых правонарушениях. Оно может быть: а) активным, в виде личного участия либо общего руководства и контроля за тем, чтобы ни один новобранец не уклонился от армейских «традиций»; б) пассивным, т. е. в виде невмешательства, молчаливого одобрения.

Шестая группа факторов – посткриминогенная. Приобретенный опыт насильственного, корыстного и анархического поведения у многих лиц сохраняется долгие годы, а у некоторых – всю жизнь.¹⁰³ Поэтому у части молодых ребят, уволенных из армии и соприкасавшихся в период службы с противоправными посягательствами, остается уверенность в том, что сильный всегда прав и надо опередить возможные события и унижить другого первым.

Седьмая группа факторов связана с мотивацией правонарушений в сфере межличностных отношений в армии. «Мотив, – отмечает В.В. Лунеев, – с

¹⁰² Юнин А.С. Ущербная мораль «годковщины»: причины и следствия /Морской сборник. – 1990. – № 8. – Сс.48-49.

¹⁰³ Криминология о неформальных молодежных объединениях. – М., 1990. – С. 96.

самого начала своего возникновения является результатом единства эмоционального, интеллектуального и волевого процессов личности ..., в мотиве раскрывается весь человек и та среда, в которой он формировался как личность.¹⁰⁴

В комплексе социально-психологических факторов, порождающих преступность, общепризнанным первичным элементом является криминогенная мотивация. Она служит внутренним стержнем генезиса антиобщественного поведения и предопределяет результат взаимодействия личности и социальной среды. Понятием «мотивация» охватывается процесс формирования мотива, его развития и реализации в фактических преступных действиях.

Процесс мотивообразования представляет криминологический интерес, поскольку объясняет механизм формирования преступного поведения. Для уяснения социально-психологической детерминации преступлений против уставного порядка воинских межличных взаимоотношений в первую очередь необходим анализ мотивов таких деликтов. Эти преступления могут совершаться относительно самостоятельно, но иметь общую направленность мотива.

Следует отметить два принципиально разных подхода к трактованию общей мотивации исследуемых деликтов. Первый состоит в ее рассмотрении как мести военнослужащих, переживших издевательства, на более позднем призыве. Здесь господствует стереотип: «Так поступали со мной, так и я буду поступать с другими».¹⁰⁵ Согласно второму подходу, мотивация «дедовщины» кроется в исторически сложившихся в армии неуставных негативных «традициях». В подтверждение данного мнения можно вспомнить Вольтера: «Люди никогда не испытывают угрызений совести от поступков, ставших у них обычаем».¹⁰⁶

На наш взгляд, второй подход более обоснован. Месть за пережитые унижения должна быть признана в качестве дополнительного фактора, способствующего существованию этой «традиции». Случаи же издевательств и глумлений в среде военнослужащих отмечались в армии во все времена.

¹⁰⁴ Лунеев В.В. Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах. – М., 1996. – С.11.

¹⁰⁵ Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. – М., 1989. – С. 315.

¹⁰⁶ Юнин А.С. Неслужебный ранжир // Коммунист Вооруженных Сил. – 1989. – № 5. – С. 54.

Мотив совершения рассматриваемых правонарушений не всегда очевиден. Между тем, среди исследованных и изученных дел о таких преступлениях не было ни одного безмотивного. Уяснение их внутренней, психологической ориентированности имеет важное теоретическое и практическое значение.

Результаты проведенного исследования указывают, прежде всего, на агрессивно-пренебрежительное отношение виновных к уставным нормам воинского правопорядка и интересам армейских коллективов. Как уже отмечалось, основу такой личностной ориентации составляет, как правило, недовольство служебной деятельностью начальника и сослуживцев, а также хулиганские, сексуальные и иные низменные побуждения. Анализ трех рассмотренных ранее групп преступлений против воинских уставных взаимоотношений показал: набор мотивов каждой из них примерно одинаков, но с некоторыми особенностями, обусловленными характером существующих взаимоотношений между различными категориями военнослужащих.

Содержание мотива в значительной мере раскрывается через категорию «цель», т. е. того, чего конкретно желает достичь лицо посредством преступления. Чтобы мотив реализовался, нужна постановка соответствующей ему цели. От нее зависит выбор вида, способа, средства деятельности, которые и определяют характер будущего деяния. Доминирующий мотив, согласованный с целью, отражает содержательную сторону преступления.

Мотив и цель определяют не только направленность действий личности, но и имеют значение для дифференциации преступлений, индивидуализации уголовной ответственности виновных. Можно сделать вывод: лишь соотносясь с целью, мотив преступного поведения опредмечивается и конкретизируется, а его криминологически значимые отклонения уточняются и закрепляются. Цель же исследуемых преступлений состоит в том, чтобы заставить потерпевших изменить свое отношение к воинской службе, нарушить уставные положения.

Проведенное исследование показало: 50 % виновных в таких деликтах действовали в составе группы, чаще всего из 2-3 чел. Здесь надо отметить, что, по данным Управления военных трибуналов, среди осужденных за все виды

преступлений в составе группы участвовал лишь каждый третий. Это свидетельствует о более организованном характере изучаемых преступлений, о наличии у нескольких посягающих примерно одинаковых целей. Наиболее вероятной основой их совпадения является так называемый «служебный» мотив.

Изучение уголовных дел показало, что истоки рассматриваемых преступлений коренятся в ситуациях межгрупповых конфликтов в среде военнослужащих разных сроков призыва, а в отдельных случаях и в связи с их разной национальной принадлежностью. Такие микрогруппы военнослужащих состояли в основном из русских (свыше 40 %), лиц кавказской (16 %) либо среднеазиатской (20 %), а также других национальностей (около 24 %). Среди потерпевших русские составили 61 %, а лица среднеазиатской и кавказской национальностей – по 15 %. Приведенные данные подтверждаются в целом и выводами отдела судебной практики и судебной статистики Управления военных трибуналов.

В свою очередь, межгрупповые конфликты возникают и обостряются на почве сформировавшихся либо еще формирующихся у их участников негативных личностных ориентаций. Последние же во многом базируются на психологических установках индивида. Так, каждый второй осужденный совершал рассматриваемые преступления неоднократно и в отношении нескольких лиц. Это свидетельствует о наличии «антиуставной» ориентации данных деяний. Достаточно сказать, что в 70 % случаев они совершаются в помещениях казарм, чем нарушается нормальный ритм служебной деятельности и распорядок дня.

Исследуемые преступления носят, как правило, агрессивно-насильственный характер и часто сопряжены с причинением вреда жизни и здоровью потерпевших. О жестокости таких деяний свидетельствует анализ уголовных дел: почти каждый третий потерпевший получил телесные повреждения, а несколько военнослужащих были убиты.

Вероятно поэтому антивоинскую направленность анализируемых деяний следует рассматривать и как попытку виновного защитить себя в условиях

отсутствия твердого воинского порядка. Отсутствие законности компенсируется здесь силовыми средствами самозащиты, причем нередко за счет подавления и подчинения себе других лиц.

На это, в частности, указывает и обычно пассивное поведение потерпевших. Безусловно, при строго налаженном воинском правопорядке потерпевшие могли бы рассчитывать на защиту закона. Однако из их числа лишь 2, 5 % оказали противодействие посягательствам и только 8 % доложили о происшедшем командованию. Вместе с тем отмечаются иные, неуставные формы их реагирования. Некоторые потерпевшие дезертировали или причинили себе увечья с целью покинуть воинскую часть. Есть факты и расправы потерпевших с обидчиками, в том числе с применением оружия. И подобные факты свидетельствуют о недоверии потерпевших к военной власти, их уверенности в бесполезности, иногда и опасности обращения за помощью и защитой к командирам и начальникам, поскольку, как установлено, некоторые из них покровительствуют нарушителям, действуя из ложно понятых интересов службы.

Мотивация преступлений против уставного порядка воинских взаимоотношений – главным образом насильственного типа. Насилие выступает и как форма проявления деформированных потребностей, ориентации личности, и как следствие низкого уровня ее самоконтроля в конфликтных жизненных ситуациях. Ведущая черта мотива насильственного типа – пренебрежение к личности другого человека, стремление господствовать над окружающими, гипертрофированная оценка своей персоны, уродливое стремление к самоутверждению путем подчинения своему влиянию сослуживцев. Поэтому для деликтов насильственной направленности характерно то обстоятельство, что конкретная ситуация, повод к их совершению создаются виновными лицами.

В практике назначения наказаний превалирует условное осуждение военнослужащих за данный вид преступления, в целом анализ назначения наказания по ст. 335 УК РФ говорит о том, что в результате совершения указанных преступлений наносятся побои, причиняется различной тяжести вред здоровью военнослужащих.

Насильственный характер исследуемых посягательств в ряде случаев (18 % изученных дел) дополняется корыстными чертами. Корысть проявляется как в стремлении виновных посредством насилия отобрать у потерпевших продукты питания, предметы обмундирования, так и в самих фактах вымогательства денег, вещей. По некоторым уголовным делам прослеживается отсутствие личного корыстного мотива: здесь речь шла о насильственном изъятии денежных переводов у тех сослуживцев, которые получают их ежемесячно и в значительных суммах. Виновные стремились в условиях воинского быта как-то «уравнять» денежные суммы, расходуемые в основном на приобретение продуктов питания, личных вещей. Тем не менее факт корыстных устремлений при этом, несомненно, присутствует.

Исследуемые преступления нередко совершаются из иных низменных побуждений (в 15 % случаев). К их числу, прежде всего, следует отнести хулиганские стремления, а также месть, эгоизм, злобу, зависть и т. п. Анализ хулиганских побуждений показал, что они представляют собой комплекс мотивов, среди которых выделяются: озорство, желание показать пренебрежение к окружающим, явно противопоставить свое поведение общественным нормам, доказать свое мнимое превосходство над окружающими людьми.

Как известно, формирование антиобщественной ориентации поведения индивида предполагает три этапа: 1) возникновение и укрепление асоциальных взглядов, уродливого стремления к самоутверждению и проявлению в извращенной или деформированной форме тех или иных притязаний; 2) созревание решения применить насилие; 3) осуществление насилия в конкретном преступном нарушении (в данном случае – уставного порядка воинских взаимоотношений).

Формирований и реализации насильственной мотивации в рассматриваемой сфере в значительной мере способствует влияние негативной групповой психологии, свойственной молодым людям и проявляемой в желании действовать «заодно», не выглядеть трусом в глазах сослуживцев и т. д.

Эти данные демонстрируют пренебрежение отдельных начальников к

нуждам и интересам подчиненных, а также свидетельствуют об отсутствии у них необходимых воспитательных навыков. Лишь 35 % осужденных сержантов окончили учебные подразделения; остальные же были назначены на должности в период службы без специальной подготовки.

Самостоятельную группу факторов, детерминирующих преступления против уставного порядка воинских взаимоотношений, образуют условия, способствующие созданию определенного психологического климата для совершения этих деликтов. К ним относятся такие обстоятельства, которые, в отличие от причин преступности, не вызывают непосредственного намерения на противоправное посягательство, но содействуют зарождению антиобщественных мотивов и целей, облегчают их реализацию. Так, абсолютное большинство рассматриваемых преступлений совершается в помещениях казарм, причем из них 40 % – на виду у суточного наряда, а в 25 % случаев – сержантов. Эти военнослужащие были лишь наблюдателями насильственных действий, но их не пресекали. Однако некоторые сами становились соучастниками преступлений.

Офицеры и прапорщики во многих случаях своевременно не реагировали на факты нарушений уставного порядка воинских взаимоотношений. Это способствовало тому, что исследуемые посягательства совершались в подразделении неоднократно (50 % изученных уголовных дел). Сержанты сами допускали грубость, унижение достоинства подчиненных, чем существенно подрывали авторитет командира. Некоторые из указанных лиц стали объектами преступных действий подчиненных на почве неправильных взаимоотношений между воинами разных сроков призыва.

Фактам же превышения власти и иных антиуставных действий начальников в отношении подчиненных способствовали: а) неправильные поступки офицеров, прапорщиков, сержантов (50 %); б) недостатки в контроле за личным составом (30 %); в) попустительство и безнаказанность за прежние факты насилия над сослуживцами (23 %). Так, иногда наблюдается назначение на должности командиров отделений лишь по тем соображениям, что данное лицо, являясь физически крепким, сможет навести «порядок» путем применения неуставных,

насильственных методов воздействия.

По некоторым изученным делам выявлено, что для поддержания уставного порядка некоторые командиры подразделений и отделений с небольшим сроком службы стремились воспользоваться помощью недисциплинированных военнослужащих, поощряли методы физического воздействия на подчиненных.

В обстановке отсутствия должного контроля со стороны офицеров такие лица (обычно рядовые последнего года службы) пытались командовать вместо сержантов, применяя насилие к новобранцам.

Изучение судебной практики свидетельствует, что неуставные насильственные действия продолжаются в течение довольно длительного времени именно в тех подразделениях, где сержанты и другие начальники отрываются от жизни и быта личного состава, допускают сокрытие этих преступлений или попустительствуют правонарушителям.

При отсутствии между военнослужащими отношений подчиненности условиями, способствующими совершению исследуемых деликтов, выступают: неправильные, создающие или не устраняющие предпосылки для них действия офицеров, прапорщиков, сержантов (42 %); отсутствие должного уставного порядка, контроля за личным составом во внеслужебное время, плохая организация службы внутреннего наряда (33 %); слабая борьба с фактами неуставных взаимоотношений в воинских коллективах или безнаказанность за прежние аналогичные правонарушения (25 %); слабость и неконкретность воспитательной работы с личным составом (14 %).

Надо отметить, что подобные обстоятельства способствуют чаще всего совершению преступления теми лицами, которые и до призыва в армию допускали насилие, издевательства по отношению к товарищам по учебе или работе. Будучи призванными на военную службу, они пренебрежительно относятся к сослуживцам и командирам, а пользуясь бесконтрольностью, добиваются создания себе «привилегий», негативно влияют на других солдат, матросов, вовлекают их в свои микрогруппы. Нередко издевательствам демонстративно подвергаются одни и те же военнослужащие, причем на глазах

многих членов их воинского коллектива, в присутствии сержантов и лиц суточного наряда.

Более 70 % издевательств происходит в отношении сослуживцев позднего призыва. Есть подразделения, в которых неуставные насильственные действия существуют продолжительное время. Как правило, они «оживляются» за сто дней до очередного увольнения в запас и при каждом очередном прибытии молодого пополнения, принимая тем самым характер порочных «традиций». Многие военнослужащие, зная о них, внушают себе, что такая «традиция» неискоренима. Этим объясняется их пассивность при наблюдении фактов избиений сослуживцев.

Некоторые командиры мирятся с таким положением и, как отмечалось ранее, даже поощряют антиуставные действия. Например, из материалов уголовного дела сержанта У. следует: командир роты старший лейтенант С. допускал рукоприкладство, избив в течение полугода за разные упущения по службе двух сержантов и трех солдат, причем некоторых неоднократно. В судебном заседании У. заявил, что он также избивался командиром, по словам последнего, «в целях наведения порядка». В целях такого «воспитательного» воздействия У. совместно с двумя «старослужащими» избил 12 сослуживцев. По данным проведенного нами исследования, около 40 % виновных объясняли свое преступное поведение тем, что ранее их тоже избивали.¹⁰⁷

Изучение уголовных дел по преступлениям против уставного порядка воинских взаимоотношений показало: каждый третий из осужденных в момент совершения этих деликтов был в нетрезвом состоянии. Особенно опасными являются случаи группового употребления спиртных напитков непосредственно в спальных помещениях, нередко с участием сержантов. После подобных фактов чаще всего происходят групповые глумления и издевательства.

Рассматриваемым преступлениям, выразившимся в действиях с применением оружия, способствуют такие обстоятельства, как нарушение

¹⁰⁷ Уголовное дело № 14/07/0067-01 в отношении рядового У. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2007 г.

порядка его выдачи, правил учета, хранения.

Анализ перфокарт на осужденных показал, что далеко не во всех частях создана обстановка нетерпимости к военнослужащим, совершившим преступления против уставного порядка взаимоотношений. Поведение лишь 42 % виновных обсуждалось на общих собраниях воинских коллективов. Эти собрания нередко проводятся формально и не оказывают должного противодействия нарушителям.

Таким образом, совершению преступлений против уставного порядка воинских взаимоотношений способствует действие ряда негативных социально-психологических факторов. Условиями же для их формирования и проявления служат, прежде всего, отсутствие должного контроля за соблюдением уставного порядка, ослабление требовательности к отдельным категориям военнослужащих, а также отсутствие атмосферы всеобщего осуждения случаев издевательств над сослуживцами в воинских коллективах.

Определить основные причины все возрастающего проникновения организованной преступности в Вооруженные Силы – задача отнюдь не простая. Тем не менее, среди основных и главных следует выделить следующие крупные блоки социально-негативных проблем:

1. Проведение реформ в армии сопряжено с серьезными трудностями, которые усугубляются тем, что реформирование в большей части проводилось устаревшим организационно-управленческим аппаратом. При таких условиях возможны различные злоупотребления, приводящие к совершению корыстных преступлений, в том числе с участием представителей организованной преступности. При этом совершаемые преступления, помимо материального и морального вреда, причиняют вред непосредственно обороноспособности страны.

2. Справедливо постоянно говорится о росте социального расслоения среди военнослужащих. Некоторые должностные лица пользуются значительными материальными благами (имеют несколько квартир, дачи, дорогие автомашины), другие военнослужащие получают незначительное денежное довольствие и вынуждены жить либо в общежитиях, либо снимать комнаты или квартиры, тратя

на это практически все получаемые деньги.

3. До сих пор не удалось повысить престиж военной службы, что крайне негативно отражается как на ходе проведения задуманных реформ, так и на отношении общества к армии. Военнослужащие зачастую ощущают противостояние между собой и общественным настроением и, в том числе и поэтому, чувствуют себя «временщиками». Несомненно, организованная преступность удачно использует подобных «временщиков» в своих целях.

4. Отсутствуют четкие и понятные морально-этические правила поведения высших военных чиновников.

5. С этой же проблемой связана проблема коррумпированности военных чиновников. Уровень коррупции в Вооруженных Силах достиг таких масштабов, когда даже «дедовщина» подверглась этому явлению: нередки случаи, когда молодые солдаты откупаются от «дедов», и те берут их под свою защиту и покровительство.

6. Правоохранительная система в Вооруженных Силах требует серьезной реконструкции и структурно-штатной реорганизации, пересмотра некоторых принципов в ее деятельности, необходимости создания военной полиции в качестве самостоятельной структуры. Само реформирование Вооруженных Сил без качественно новой системы правоохранительных органов, осуществляющих контроль за соблюдением законности в войсках, невозможно.

§ 4. Личность преступника и жертвы в механизме преступных нарушений взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности

В ранний период правовой культуры жертва преступления и ее близкие сами находили способы защиты своих прав. Лишь в ходе развития права, нарушения законных благ жертвы стали вызывать прямое вмешательство государства, взявшего жертву под свою защиту. Для науки и практики проблема

изучения личности потерпевшего от преступных посягательств приобрела особую актуальность. Это выразилось в формировании такой отрасли знания, как «виктимология».

Исходя из российского законодательства (ст. 53 УПК РФ), потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. Однако для криминологии такого указания недостаточно. Здесь необходимо более широкое определение понятия потерпевшего, классификация его личности.

С позиции теории ролей жертвы бывают скрытые и открытые. Первые подразделяются на потенциальные, эвентуальные и латентные. Отдельному изучению подвергаются «типичные» жертвы, т. е. так называемые мнимые, добровольные, отрицающие факт правонарушения потерпевшие.

Криминология широко оперирует понятиями «виктимизация» и «виктимность», в том числе личностная, ролевая, групповая, потенциальная.

Виктимизация есть превращение лица в жертву преступления. Этот процесс может быть представлен в абсолютных и относительных величинах, исходя из числа потерпевших, количества совершенных в их отношении отдельных видов преступлений, характера и размеров причиненного вреда.

Виктимность – это повышенная способность человека в силу ряда физических и духовных качеств становиться при определенных объективных обстоятельствах жертвой противоправного посягательства. Личностная виктимность означает, что пострадавшие подвергаются преступным посягательствам в противоположность ролевой виктимности, т. е. независимо от выполнения ими специфических функций, порождающих агрессию. Групповая виктимность свидетельствует о том, что пострадавшие чаще всего подвергаются нападению в группе. Потенциальная (или реализованная) виктимность указывает на то, что данная группа пострадавших может быть уже виктимизирована или находится в готовности подвергнуться виктимизации. Объектами изучения должны стать все потерпевшие от преступления, в том числе и родственники жертв.

Задача виктимологических исследований заключается в выяснении основного вопроса: в силу каких причин, условий одни лица становятся жертвами преступлений там, где других опасность минует. Естественно, проблема виктимности военнослужащих привлекает к себе пристальное внимание военных криминологов.¹⁰⁸

Доля потерпевших от рассматриваемых нами преступлений в общем числе пострадавших от всей насильственной преступности в Вооруженных Силах составляет 32 %. При этом до 70 % противоправных актов начальников в отношении подчиненных вызваны такими неправомерными действиями самих потерпевших, как отказ выполнять законные требования начальника; его оскорбление (устное и реже физическое), намеренное недобросовестное исполнение приказаний. Мотивом подобного неповиновения часто являются провоцирующие его действия начальника. Они нередко совершаются в отношении сержантов и молодых офицеров, только что прибывших из учебных подразделений, военных училищ.

Потерпевшими от неуставных взаимоотношений среди сержантского и рядового состава в абсолютном большинстве являются лица, прослужившие менее года, недостаточно физически развитые и психологически готовые к будущим издевательствам еще да своего призыва в Вооруженные Силы. Так, 82 % новобранцев рассматривают предстоящие глумления как традиции, через которые обязан пройти каждый «настоящий» мужчина. К тому же у новобранцев фактически отсутствует реальная возможность оказать правонарушителям сопротивление. Поэтому только 8 % потерпевших заявляют о преступных посягательствах. У 40 % новобранцев процесс адаптации к армейским условиям затягивается до шести месяцев, причем часть из них в данный период испытывает психический стресс.

Виктимность молодых военнослужащих тесно связана с отсутствием целостной системы подготовки юношей к службе в рядах Вооруженных Сил. В лучшем случае этим занимаются энтузиасты-одиночки, в худшем – сами

¹⁰⁸ См., напр.: Предупреждение правонарушений военнослужащих на современном этапе военного строительства. – М., 2001. – С. 118.

призывники либо сомнительные специалисты, которые под видом такой подготовки формируют молодежные группировки с явно криминальной направленностью. До 70 % призывников из числа школьников имеют дефектный генотип, поскольку рождены от алкоголиков или являются более дальними потомками пьяниц. По данным социологов, 34 % учащихся школ и 70 % учащихся ПТУ употребляют алкоголь, соответственно 3 и 6 % - наркотики.¹⁰⁹

Юноши призывного возраста имеют слабую правовую подготовку. Из них до 96 % не верят в способность официальных структур правовыми мерами покончить с «дедовщиной»¹¹⁰. Фактически неизвестен им и правовой институт необходимой обороны, который мог бы помочь новобранцам в борьбе с исследуемыми нами правонарушениями.

В настоящее время разрушен стереотип представления молодежи об армии как школе мужества, позволяющей к тому же получить профессию, требуемую и на «гражданке». Более 30 % призывников относятся к военной службе как к отбыванию повинности; 27 % – отождествляют дисциплину с муштрой. Лишь 5 % этих лиц лояльно воспринимают предстоящую службу.

Согласно закону, на военную службу призываются лица, достигшие 18-летнего возраста, а в военные училища поступают юноши, которым исполнилось 17 лет. Между тем, по научным данным, психика человека формируется в общем процессе его развития, но особенно активно до достижения возраста 21-22 лет. Следовательно, на службу призываются лица, у которых еще не завершилось становление психики. На наш взгляд, это во многом предопределяет как высокий уровень суицидов в армии, 73 % из которых приходится на лиц, проходящих службу по призыву, так и повышенную виктимность новобранцев.

В значительной степени этому способствует специфическая система введения новичков в традиции «дедовской» неформальной структуры. Сначала молодых солдат не трогают, но идет наглядный урок на примере других военнослужащих, которые демонстративно унижаются. Затем начинаются

¹⁰⁹ Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. – М., 1999. – С. 411; Криминологи о неформальных молодежных объединениях. – М., 1999. – С. 111.

¹¹⁰ Обозреватель: Информационно-аналитический сборник. – 2003. – № 2 (6). – С. 50.

глумления старослужащих над отобранными «кандидатами» из числа новобранцев. Издевательства, как правило, происходят по нарастающей: оскорбления, присвоение унижающих человеческое достоинство кличек и, наконец, избиения. Тем самым проверяется реакция потерпевшего, т. е. будет ли он жаловаться, оказывать сопротивление и т. п. Завершающим этапом является привлечение к «воспитанию» «лентяев» и «перевоспитанию» «непокорных» тех молодых солдат, которые заслужили это «право» своим конформным и лояльным поведением по отношению к старослужащим¹¹¹.

Неуставные воздействия на молодых солдат имеют разные формы: 1) заведомо повышенные нагрузки на физической зарядке (термин «физическая зарядка» употребляется в данном случае условно, поскольку старослужащие заставляют выполнять физические упражнения в любое время суток); 2) моральные и физические оскорбления; 3) ночные работы и частые внеочередные назначения в наряд; 4) исполнение всевозможных ритуалов, предусмотренных «дедовскими традициями» и подчеркивающих привилегированное положение старослужащих (их обслуживание, исполнение для них различных развлекательных номеров); 5) передача части денежных переводов и продуктов из посылок старослужащим в форме «товарищеского дележа».

Формам подобных воздействий присуща определенная гибкость, обуславливающая их устойчивость. Так, до 1975 г. на военном флоте были распространены принудительные ночные работы, организуемые старослужащими для новобранцев. Отмена в 1976 г. практики необязательных ночных нарядов привела к росту фактов нанесения побоев. Увеличение же количества судимостей за это вызвало появление «самонаказаний» (когда потерпевший под давлением старослужащих вынужден причинять себе телесные повреждения либо утверждать, что обнаруженные на его теле травмы – результат падений, столкновений, происшедших по его вине).

По выводам некоторых исследований, виктимизация в группе переносится значительно легче. Например, тяжкие телесные повреждения причиняются в 7

¹¹¹ Юнин А.С. Ущербная мораль «годковщины»: причины и следствия. // Морской сборник. – 1999. – № 6. – С. 47.

раз, менее тяжкие – в 16 раз; легкие – в 6 раз реже, чем при совершении противоправных посягательств в отношении лишь одного военнослужащего.

Это вполне объяснимо. Во-первых, старослужащему психологически труднее причинить существенный вред молодому солдату, находящемуся в группе, поскольку он понимает, что находится среди потенциальных жертв и свидетелей. Во-вторых, не исключено сопротивление многочисленной группы новобранцев. Поэтому старослужащий действует в основном демонстративно, постоянно напоминая, что «дедовщина» есть лишь традиция.

В случаях же индивидуальной виктимизации наблюдается обратная ситуация. Резонно предположить, что когда молодого солдата избивает группа старослужащих, вероятность причинения ему существенного вреда заметно возрастает. Виктимизация новобранцев тесно связана с высокой латентностью исследуемых правонарушений. По некоторым данным, 12, 4 % их жертв подвергались избиению 2 раза; 17, 6 % – 3; 8 % – 4; 5, 2 % – 5; 6, 8 % – 6 и более раз. Как отмечалось, эти деликты становятся известными командованию только преимущественно в случаях, когда потерпевшим причинены столь серьезные телесные повреждения, которые невозможно скрыть, и тем не менее жертва порой боится сообщить истинную причину случившегося и назвать виновных лиц, боясь расправы над собой. Либо если жертва самостоятельно расправилась со своими обидчиками (часто формой такой расправы становится убийство), или совершила суицид, или скрылась из расположения части.

В процессе виктимизации не последнюю роль играют атмосфера в среде военнослужащих срочной службы круговой поруки, внушение новобранцам мысли о клейме «стукача». Кроме того, над молодыми солдатами постоянно висит угроза физической расправы, если об издевательствах станет известно командованию. Так, по этой причине, согласно выборочным данным, 87 % пострадавших не доложили о правонарушениях своим начальникам. Большинство (88 %) жертв заявило, что после совершения в отношении них рассматриваемых

деликтов, о которых впоследствии стало известно, им стало тяжелее служить, поскольку вокруг них образовался определенный вакуум общения.¹¹²

О психологическом состоянии потерпевших, их виктимной предрасположенности свидетельствуют следующие данные: в первые дни после избиений у жертв были мысли: о побеге (28 %); о самоубийстве (12 %); о мести обидчикам (7 %). Абсолютное большинство из них даже не задумалось о возможности сообщить о совершенных правонарушениях официальным структурам власти. Более того, 42 % жертв заявили, что у них осталось чувство беспомощности и бессилия даже после суда над их обидчиками.

В этой связи вызывает сомнение целесообразность открытых заседаний военных трибуналов, на которых рассматривается до 80 % уголовных дел по исследуемым преступлениям. Видимо, скрытые или потенциальные жертвы, наблюдая за ходом процесса и представив себя на месте потерпевшего в суде, не захотят заявлять о совершенном преступлении. Здесь надо также учитывать, что подобные судебные процессы, как правило, не проходят гладко. Исследование показало: в ходе рассмотрения таких дел ни один потерпевший не занял активной позиции по изобличению виновных; 52 % жертв пытались смягчить их ответственность; 36 % – вообще скрыть преступление.¹¹³ Следует констатировать, что в процессе дознания, следствия и суда образуется своеобразный тандем обвиняемого и его жертвы против работников правоохранительных органов.

Причины незаинтересованности пострадавшего в наказании виновного следующие: 1) после осуждения старослужащего на жертве остается негативно воспринимаемое в социальной действительности клеймо «стукача», независимо от того, из каких источников стало известно о преступлении и как потерпевший вел себя в ходе следствия и суда; г) несмотря на осуждение виновного в части остаются его знакомые, товарищи, и поэтому над пострадавшим висит угроза повторной виктимизации; 3) жертве часто объявляется социальный бойкот со стороны как старослужащих, так и молодых солдат, в том числе и одного с ним

¹¹² Преступность в Вооруженных Силах //Преступность – угроза России: Информационно-аналитический еженедельник (Спец. выпуск). – М.: РАУ – корпорация. – 2003. –№ 2/6. – Сс. 71-79.

¹¹³ Там же.

призыва. Нельзя обойти в свете данных вопросов и национальную проблему в армии. Если в 2004 г. конфликтов на межнациональной почве в Вооруженных Силах было 17-20 %, то в 2005 г. их стало 28-31 %. Почти всех потерпевших (98 %) беспокоит возникновение межнациональных трений в Вооруженных Силах.¹¹⁴

Отсутствие у командного состава творческого, как сейчас модно говорить, креативного подхода к воспитательной работе – в определенной степени вина самих командиров и офицеров-воспитателей. С 2000 по 2003 гг. в 212 ВСО части проходило службу большое количество мусульман, в том числе призванных из Чечни и других республик Северного Кавказа. В качестве эксперимента было решено начать сотрудничество с Советом муфтиев России. Такое сотрудничество не сразу, но со временем позволило добиться положительных результатов в укреплении воинской дисциплины среди военнослужащих, призванных из северокавказских республик. При этом военнослужащие-мусульмане четко знали, что нормы ислама может интерпретировать только имам, который работает в союзе с заместителем командира части по воспитательной работе. Эти нормы, как оказалось, не идут вразрез с требованиями общевоинских уставов Вооруженных сил России, а даже, наоборот, настоятельно рекомендуют воинам-мусульманам более добросовестное выполнение обязанностей по военной службе, более благожелательное отношение к своим боевым товарищам¹¹⁵.

Опыт работы 212 ВСО части был замечен СМИ, и в октябре 2002 г. об этом было рассказано в программе «Мусульмане» на канале «Россия». Кроме того, совместно с Советом муфтиев России на основе наработанного опыта были выпущены брошюры «Методические рекомендации по работе с военными строителями-мусульманами» и «Методические рекомендации по работе с военнослужащими-мусульманами для Сухопутных войск». Однако вышестоящее командование «отметило» данную работу лишь тем, что стало присылать в часть трудновоспитуемых военных строителей из республик Северного Кавказа. Понятно, что такое обстоятельство не вызвало восторга ни у командира части и

¹¹⁴ Преступность в Вооруженных Силах. //Преступность – угроза России: Информационно-аналитический еженедельник (Спецвыпуск). – М.: РАУ – корпорация. – 2006. – № 2/6. – Сс. 71-79.

¹¹⁵ Режим доступа: <http://www.uroki90.ru/node/133>

командиров рот, которые посчитали, что проявленная инициатива для них начала приносить и определенные неудобства в службе.

Более того, бывший руководитель ГУВР-а генерал-лейтенант Здориков, который в то время возглавлял Управление службы войск, безопасности военной службы и воспитательной работы военно-строительных частей, приказал сжечь выпущенные совместно с Советом муфтиев России «Методические рекомендации по работе с военными строителями-мусульманами». Справедливости ради надо отметить, что командование Сухопутных войск поступило более разумно и разослало «Методические рекомендации по работе с военнослужащими-мусульманами» в подчиненные подразделения. Однако этот опыт оказался в конечном итоге невостребованным.¹¹⁶

По результатам проведенного автором исследования, в 85 % случаев правонарушений, связанных с «дедовщиной», национальность виновного и жертвы не совпадает. В остальных инцидентах, когда старослужащие избивали молодых солдат, все они были лица славянских национальностей. Однако здесь надо учитывать существование среди военнослужащих традиций «землячества», когда солдаты группируются по двум признакам – национальной принадлежности или проживания в одном регионе. Второму обстоятельству нередко придается решающее значение. Славянские же республики обладают большей территорией, чем другие, и в них резче проявляются местные различия, что накладывает отпечаток на психологию призывников из этих регионов.

Интересные данные по рассматриваемой проблеме приводятся в одном из исследований.¹¹⁷ Было опрошено 2 тыс. военнослужащих, включая 500 курсантов военных училищ. Из них 21,3 % полагают, что наибольшие предпосылки для межличностных конфликтов в воинских коллективах создают напряженные отношения между воинами разных национальностей. В числе славян такого мнения придерживаются 20,8 % опрошенных; из лиц кавказских национальностей – 39,8 %. При этом и те, и другие указывают на допущенную к

¹¹⁶ Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2011-04-08/6_dedovshina.html

¹¹⁷ Предупреждение правонарушений военнослужащих на современном этапе военного строительства. – М., 2001. – С. 200.

ним социальную несправедливость на межнациональной почве, прежде всего со стороны старослужащих (соответственно 66, 1 к 51, 6 %).

Межнациональные проблемы в армии существовали всегда, но они не приводили к серьезным последствиям из-за преобладания в структуре Вооруженных Сил представителей славянских национальностей. Видимо, для предупреждения эскалации напряженности, связанной с межнациональными трениями в совокупности с исследуемыми правонарушениями, надо предусмотреть специальные меры профилактики с учетом национального состава солдат. Представляется, что этот процесс должен стать предметом постоянного наблюдения и контроля со стороны командования.

Виктимологические проблемы в армии связаны с рядом субъективных факторов. По некоторым данным, 78 % пострадавших были слабо развиты физически и интеллектуально; 56 % – неряшливы. Из 469 опрошенных, пострадавших от рассматриваемых деликтов, 174 солдата были отнесены к трусам, которые боялись оказать какое-либо сопротивление правонарушителям¹¹⁸. Абсолютное их большинство своим поведением в быту и нерадивым отношением к исполнению служебных обязанностей давало старослужащим повод для по внешней форме законных придирок в свой адрес. В то же время 86 % жертв характеризовались положительно. Здесь нет противоречия, поскольку служебная характеристика не отражает виктимных качеств индивида.

Указанному выше типу личности военнослужащих присущи следующие черты: 1) незавершенность становления психики с вытекающими отсюда социальными последствиями; 2) недостаточность физического и интеллектуального развития; 3) особенности поведения, воспринимаемые окружающими как отклонение от нормы; 4) замкнутость либо общение с очень ограниченным кругом сослуживцев; 5) неприспособленность к самостоятельной жизни с надеждой на помощь родителей или родственников; 6) негативное отношение к воинской службе; 7) более молодой, по сравнению со

¹¹⁸ Там же.

старослужащими, возраст (разница в 1 год и больше). Все это при определенных условиях способствует интенсивной виктимизации личности.

Существует и иной тип личности потерпевших, который характеризуют: 1) завершенность становления психики и обостренное чувство собственного достоинства; 2) хорошее физическое и интеллектуальное развитие; 3) широкой круг общения, коммуникабельность; 4) самостоятельность в поведении и суждениях; 5) надежда только на собственные силы и уверенность в себе.

Такие лица либо сразу принимают неформальные «дедовские» традиции, легко переносят относительно небольшие глумления, а затем сами становятся их активными проводниками, либо активно сопротивляются любому посягательству на свою честь и достоинство. В последнем случае начинается жестокое преследование «непокорного»: ему отказывают в общении, на него возлагаются самые тяжелые виды работ, над ним глумятся, его неоднократно и жестоко избивают, зная, что по своему характеру он никогда не выдаст нападавших и никуда не пойдет жаловаться. Результатом преследования может быть следующее: 1) военнослужащий покорится; 2) военнослужащий даст достойный отпор, после чего правонарушители от него отступятся; 3) ему будут причинены телесные повреждения, после чего будет возбуждено уголовное дело либо он сам расправится со своими обидчиками. Характерно, что данный тип личности никогда не будет взаимодействовать с первым типом потерпевшего.

Объективными факторами неоказания пострадавшими сопротивления, а, следовательно, и упрочению их виктимизации являются:

- возрастная разница – для юношей разница в 1 год и более весьма существенна;
- разобщенность рядов потерпевших (большинство молодых солдат стремится приспособиться к «дедовским традициям»);
- пассивное отношение значительной части офицеров и сержантов к случаям правонарушений в сфере межличностных отношений (это выражается, например, в выказывании 20 % офицеров и 15 % сержантов пренебрежительного отношения к молодым солдатам);
- нежелание (а иногда и прямая невыгода) командования предавать гласности

противоправные деяния в подразделениях;

- низкая правовая культура новобранцев (при этом пополнить свой багаж правовых знаний молодые солдаты не имеют возможности);

- вольное толкование подзаконных нормативных актов офицерами и сержантами, позволяющее им безнаказанно ущемлять права молодых солдат (например, ст. 2 Устава внутренней службы Вооруженных Сил в числе прочего гласит: «Военнослужащий обязан ... стойко переносить все тяготы и лишения военной службы... », но нигде не указано, что следует под этим понимать).

Здесь следует отметить еще один немаловажный фактор. Речь идет о воздействии на родственников пострадавших, о «вторичном уровне» виктимизации. Лидеры правонарушений в армии пытаются различными способами убедить родственников жертв в том, что с правонарушениями в сфере межличностных отношений бороться невозможно, что «дедовщина» проникла не только в армию и на флот, но и пронизала общественную жизнь. Поэтому лучше перетерпеть ее в армейских условиях и приобрести опыт приспособления к ней.

После возбуждения уголовного дела воздействие на родственников усиливается. Одновременно правонарушители «откупаются» от них и деньгами, и обещаниями не только не трогать пострадавшего, но и создать ему наиболее благоприятные, «тепличные» условия для дальнейшей службы. Надо подчеркнуть, что при согласии родственников такие обещания немедленно выполняются. Конечно, в данной ситуации родственники бее труда убедят пострадавших в необходимости «прощения» обидчиков.

Исходя из результатов исследования, потерпевших военнослужащих целесообразно подразделить на три группы.

Первая или основная группа. К ней мы относим пострадавших, имеющих личностную, групповую и потенциальную (или реализованную) виктимность. Особенности этого типа личности состоят в недостаточности психофизического развития, индивидуального интеллекта, в отсутствии волевых качеств, позволяющих дать отпор посягательствам. Среди пострадавших военнослужащих таких лиц абсолютное большинство. Они «обречены» быть потерпевшими еще до

прихода в армию, но не они являются «поставщиками» следующего поколения «дедов».

Вторая группа – это «непокорные». Ее представителям присуща личностно-индивидуальная и реализованная виктимность. В случае их подчинения воле старослужащих они становятся одними из самых агрессивных лидеров правонарушений в сфере межличностных отношений (можно назвать это своеобразной мстью за то, что они не смогли устоять перед натиском старослужащих). Следовательно, при определенных обстоятельствах представители данной группы становятся источником формирования новых лидеров указанных правонарушений.

Третья – относительно небольшая специфическая группа пострадавших. Их виктимизация происходила во всех формах, но как бы поверхностно. Они легко пережили первые трудности воинской службы и за послушание и поддержку армейских «традиций» были привлечены старослужащими к «воспитанию» солдат первой и второй групп. Главной особенностью личности индивидов, относящихся к третьей группе, является повышенное чувство конформизма, хорошее физическое и интеллектуальное развитие; коммуникабельность; пренебрежение к иным потерпевшим; желание скорее перейти в разряд старослужащего, чтобы самому совершать противоправные деяния.

Безусловно, личность и субъекта и объекта преступлений против воинских уставных взаимоотношений требует дальнейшего тщательного изучения. Предлагаемая автором определенная их классификация, учет факторов, способствующих совершению этих деликтов и формированию личности, как правонарушителя, так и его жертвы может содействовать более эффективной превентивной работе среди военнослужащих.

Личность правонарушителя представляет для криминологии наибольший интерес, поскольку выступает и как объект, и как активный субъект общественных отношений. Своеобразие личности преступника состоит в отсутствии в ней всесторонности, гармоничности, уравновешенности отношений с социальной средой, в связи с чем данный индивид решает свои проблемы за счет

и вопреки интересам общества. Вместе с тем, когда речь идет об исследовании личности, целесообразно использовать позитивный факторный подход. Фундаментальным моментом при этом является учет темперамента.

М.П. Коробейников еще в 1960-е годы призывал уделять изучению психологии среди военнослужащих серьезное внимание и сам следующим образом применял указанные выше типы темпераментов к солдатам. Так, по его мнению, военнослужащим-сангвиникам присуща быстрота и обдуманность принимаемых решений, их отличает решительность, смелость. Военнослужащие-холерики проявляют завидную, хотя и не осознанную, решительность и смелость; в то же время они могут испытывать неподотчетный, а потому особенно сильный страх. Военнослужащие-флегматики обладают осознанной решительностью и смелостью, однако эти качества у них сильны только при выполнении тех задач, к которым они специально готовились. Наиболее неподготовлены для армейских условий военнослужащие-меланхолики, поскольку их решительность и смелость кратковременна и проявляется при преодолении незначительных препятствий.¹¹⁹

Около 50 % преступников, совершающих насильственные деликты в Вооруженных Силах, по темпераменту могут быть отнесены к холерикам, для которых свойственны возбудимость, вспыльчивость, невыдержанность и агрессивность.¹²⁰ Большинство же сангвиников привлекают к себе людей своей подвижностью, веселостью, приподнятым настроением. У людей с минорным настроением, флегматиков сфера общения сужается. Следовательно, исследуя психологические особенности военнослужащих, можно с большой долей вероятности предугадать будущего правонарушителя.

Очень важен учет фактора психологической совместимости людей, если учитывать, что большую часть службы солдаты проводят в казармах. Не случайно у 90 % командиров в последнее время отмечен интерес к вопросам психологии.¹²¹ Этому, конечно, способствовал и выход в свет работ известных зарубежных

¹¹⁹ Забрянский Г.И. Предупреждение правонарушений военнослужащих на современном этапе строительства. – М., 1999. – С. 176.

¹²⁰ Лунеев В.В. Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах. – М., 1998. – С. 183.

¹²¹ Капустин А.Н., Азарнов Н.Н. Перестройка психолого-педагогической подготовки офицеров // Военная мысль. – 1998. – № 1. – С. 51.

психологов. Надо отметить, что еще в 1919 г. признавалось необходимым устройство в армии военно-психологических институтов в целях чисто практических.¹²²

При криминологической типологизации личности учитывается степень и характер криминального искажения ее характеристик, социальный генезис становления индивида на противоправный путь. Надо также иметь в виду, что правонарушителям свойственны: а) ограниченность потребностей и интересов; б) нарушение равновесия между разными их видами; в) распространенность извращенных потребностей; г) аморальность способов их удовлетворения.¹²³

Исходя из этих критериев, у правонарушителей-военнослужащих можно выделить следующие черты: 1) скудность духовных потребностей и интересов; 2) пренебрежительное отношение к военной службе, уставным требованиям и уголовно-правовым запретам; 3) неполнота, искаженность или дефектность правосознания; 4) доминирование примитивно-бытовых побуждений извращенного характера; 5) легкость мотивации при неглубокой критической оценке жизненной ситуации, в которой совершается правонарушение или преступление; 6) слабая развитость предвидения последствий своих действий; 7) эмоциональная неустойчивость.¹²⁴

Личность индивида, совершающего исследуемые преступления, относится к корыстно-насильственному типу с присущими только ему особенностями. Интерес здесь представляют военнослужащие срочной службы, поскольку: 1) среди субъектов деликтов, связанных с посягательствами на воинские уставные взаимоотношения, они составляют абсолютное большинство; 2) многие из данных лиц сами были потерпевшими от указанных правонарушений; 3) по условиям становления личности они мало чем отличаются от потерпевших; 4) среди них присутствует специфический командный состав ВС (сержанты и старшины).

В.В. Лунеев в личности насильственных правонарушителей выделил следующие черты: 1) доминирование эгоистических стремлений; 2)

¹²² Жижиленко А.А. Воинские преступления // Право и жизнь. – 1924. – С. 54.

¹²³ Курс советской криминологии. Т.1. – М., 1985. – Сс 294, 337.

¹²⁴ Лунеев В.В. Советская криминология. – М., 1978. – С. 92.

примитивность интересов и развитая потребность к спиртному; 3) явная или скрытая готовность к агрессивному поведению; 4) полное или значительное отсутствие высоких человеческих устремлений и др. Особо отмечена физическая сила как главное средство самоутверждения.¹²⁵

Для корыстного правонарушителя характерен гиперболизированный уровень его материальных потребностей. В то же время ему присущи черты, во многом сходные с чертами личности насильственного правонарушителя (эгоизм, примитивность интересов, направленность на сиюминутное исполнение желаний и т.п.). Эти черты также имманентно присущи личности правонарушителя, стремящегося достичь своих противоправных целей насильственным путем.

Здесь представляют интерес результаты исследований личности, совершившей тяжкие насильственные преступления. Так, у их субъектов преобладают стремления: 1) к насилию над другими людьми – 42 %; 2) к самоутверждению – 25 %; 3) к превосходству над окружающими – 10 %; 4) к власти – 7 %; 5) эгоцентризм – 6 %. При этом в 68 % случаев насильственные действия преступников объяснялись стремлением к установлению безусловного своего превосходства над потерпевшим путем его устрашения.¹²⁶

По глубине и стойкости антиобщественной направленности личности можно выделить две группы правонарушителей: «злостные» и «ситуационные».

«Злостные» правонарушители из числа военнослужащих действуют согласно своим эгоистическим нравственным установкам, систематически глумятся не только над равными им по званию, но и над командирами. Именно этому типу личности присущи элементы особой грубости, жестокости, проявления высшей степени цинизма, пренебрежения к сослуживцам с демонстрацией физического превосходства над теми потерпевшими, которые явно слабее физически. Среди них много лиц, пришедших в армию с серьезными дефектами поведения и воспитания, без должной трудовой закалки, чувства настоящего товарищества, сопереживания к страданиям других людей. У этих лиц

¹²⁵ Лунеев В.В. Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР. – М., 1986. – С. 175.

¹²⁶ Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. – М., 1989. – С. 224.

прослеживается устойчивая корреляционная зависимость антиобщественных взглядов и привычек, приобретенных в доармейский период, с негативным их поведением в условиях армии (грубость, пренебрежение к интересам личности, пьянство).

«Ситуационные» преступники в отличие от «злостных» не имеют таких явно выраженных черт личности, как грубость, переоценка собственной персоны. Если «злостные» проявляют свои антисоциальные взгляды, настойчивое стремление к самоутверждению в извращенной форме, а ситуационные такой устремленностью не обладают. Однако их психофизические особенности, связанные с холерическим типом темперамента (агрессивность, возбудимость и т.п.), нередко приводят данных лиц к совершению преступлений в конфликтных ситуациях.

Например, отдельные командиры в течение длительного времени отдают приказания в неуставной форме, т. е. в виде просьб («надо бы сделать то-то» и т. п.), а затем неожиданно повышают требовательность к подчиненным, добиваясь уставного исполнения приказа и обращения к себе строго по правилам субординации. Подобное резкое изменение линии поведения командиров иногда вызывает конфликты с подчиненными. Такая ситуация используется «злостными» правонарушителями, которые подстрекают «ситуационных» добиться снижения общей требовательности к ним со стороны командиров. Под их влияние чаще всего подпадают военнослужащие, имеющие отрицательные эмоциональные реакции, психопатические особенности личности.

Как отмечалось, формирование личности субъекта рассматриваемых воинских преступлений связано с условиями воспитания, жизни, деятельности виновных, как до призыва их на военную службу, так и в период ее прохождения в воинских частях и подразделениях. Почти 70 % новобранцев приходят на военную службу с уже сложившимися у них отрицательными взглядами и привычками. Эти лица негативно относятся к интересам воинских коллективов, создают внутри них микрогруппы на основе ложного товарищества с целью добиться превосходства над другими сослуживцами.

С первых дней службы часть таких новобранцев становится на путь создания либо поддержания порочных традиций, вовлекая военнослужащих в свои микрогруппы негативной направленности. Под их влияние чаще всего попадают солдаты и сержанты, имеющие отрицательные эмоциональные реакции. Определенную роль здесь играют ложное понимание принципа товарищества, мнимые интересы (например «защита земляка» и т. д.).

Среди военнослужащих, осужденных за преступления против уставного порядка воинских взаимоотношений, значительная часть принадлежит к числу тех, кто до призыва на военную службу находился в условиях максимального удовлетворения своих низменных потребностей (развлечения сомнительного характера, вещизм, употребление спиртных напитков и т. д.). Своеобразие же армейской жизни состоит в том, что одной из задач и обязанностей военнослужащих является стойкое преодоление тягот и лишений воинской службы. Это предполагает существенное ограничение тех потребностей и интересов, которые несовместимы с успешным выполнением армейских обязанностей. Формированию личности нарушителей уставного порядка воинских взаимоотношений способствует ряд обстоятельств социально-демографического характера, указывающих на отсутствие у данных субъектов должного жизненного опыта, на их социальную незрелость.

Анализ уголовных дел показывает, что такие преступления совершены военнослужащими в возрасте: 18-19 лет – 27 %; 19-20 лет - 44, 4 %; 21-23 года – 28 %. Отсутствие надлежащего опыта социального общения приводит к тому, что эти лица не представляют действительной ценности тех объектов, на которые посягают, неспособны предвидеть вредные последствия, преодолевать трудности, избегать конфликтов.

Относительно низким является образовательный уровень осужденных. Неполное среднее образование имеют 27, 8 %, среднее – 71, 4 % (из них окончили профтехучилище – 18, 8 %, школу рабочей молодежи – 11, 6 %), высшее – 0, 8 %. Сравнение с контрольной группой показало, что образование осужденных на 1-3

класса ниже, чем среди правопослушных военнослужащих.¹²⁷ Низкий уровень образования способствует формированию примитивных интересов и потребностей. Он объясняет в определенной мере жестокость совершаемых деликтов, культ грубой силы.

Около 30 % осужденных воспитывались без отца, при неблагоприятной атмосфере пьянства в семье, отсутствии надзора родителей за их поведением. До призыва в армию 7 % из них были осуждены к лишению свободы, 10 % подвергались мерам административного воздействия. Важным показателем является отношение осужденных к социально полезному труду. Из них 12 % до призыва на военную службу не работали и не учились, а 46 % из числа занятых общественно полезным трудом имели стаж работы в пределах от одного года до полутора лет. Характерно, что 50 % лиц с подобным опытом работы не менее двух раз меняли место на производстве из-за прогулов, пьянства или желания «поменять» профессию. Все это свидетельствует об отсутствии у них твердой жизненной позиции, общественно полезных интересов, о стремлении прожить «легко», не утруждая себя трудом более высокой квалификации, не переживая за интересы трудового коллектива.

По результатам нашего исследования, 20 % виновных на момент совершения преступления прослужили в Вооруженных Силах менее одного года. Наиболее криминогенным оказался период службы свыше года до полутора лет. Это можно объяснить завершением социально-психологической адаптации таких лиц в коллективе. Такое обстоятельство при ослаблении уставного порядка приводит к активному проявлению имеющихся у индивида негативных качеств.

Служебная деятельность значительной части правонарушителей была отрицательной. Однако дисциплинарные меры использовались недостаточно. Только 29 % виновных были наказаны за грубость с сослуживцами и командирами и лишь 18 % за употребление спиртных напитков, хотя пьянство допускали большинство из них. Среди виновных 3 % были ранее судимы военными трибуналами за воинские преступления. Эти данные свидетельствуют о

¹²⁷ В настоящее время среди личного состава армии 97 % военнослужащих имеют среднее и высшее образование // Обозреватель: Информационно-аналитический сборник. – М., 2003. – № 2 (6). – С. 50.

необходимости более целенаправленной воспитательной работы с ранее судимыми и другими военнослужащими, оказывающими отрицательное влияние в коллективе, нарушающими уставной порядок воинских взаимоотношений.

Таким образом, личности правонарушителя – военнослужащего срочной службы присущи: 1) клеймо социального аутсайдерства до призыва в армию; 2) совершение им правонарушения с помощью неформальной структуры с обязательным занятием в ней определенной социальной позиции; 3) хорошее физическое развитие; 4) обладание с подросткового возраста опыта насильственного, корыстного и анархического поведения; 5) достижение наиболее криминогенного возраста (19-21 год) и неустойчивая психика; 6) убежденность в справедливости своих действий для «воспитания» новобранца и поддержания негативных армейских традиций; 7) холерический темперамент, связанный с возбудимостью, вспыльчивостью, агрессивностью.

Отсюда мы предлагаем следующее определение личности субъекта, совершающего преступление в сфере воинских уставных взаимоотношений: *это военнослужащий срочной службы с темпераментом холерического типа, несложившейся психикой и в наиболее криминогенном возрасте, хорошо развитый физически, имеющий опыт подросткового агрессивного-анархического поведения и стремящийся к лидерству в неформальной структуре коллектива.*

Предложенный тип правонарушителя следует отнести к неформальному лидеру «дедовщины». Сами военнослужащие называют его «дед» или «дембель». Характерной особенностью поведения этого субъекта является опора не только на силу кулака, но и на согласие молчаливого большинства сослуживцев. Вместе с тем личности такого лидера свойственна способность улавливать общие настроения военнослужащих, а также способность жертвовать во имя интересов неформальной микрогруппы своими собственными интересами. Следовательно, «деды» не могут быть полностью вольны в выборе своих действий, поскольку должны соблюдать неформальные «законные» правила (или создавать видимость их соблюдения).

Существенное значение имеет криминологическая характеристика личности офицеров и военнослужащих сверхсрочной службы. Они составляют основу Вооруженных Сил, и от них зависит боеготовность войсковых частей. Допущение данными лицами проступков, совершение ими правонарушений представляет значительную общественную опасность. Все офицеры по их отношению к изучаемым правонарушениям рассматриваются в следующих трех аспектах:

1. Как активные сторонники, а иногда и участники неформальной «дедовской» структуры. Это проявляется в формах их действий:

а) псевдозаконных, когда без грубых нарушений требований уставов офицеры постоянно ставят военнослужащего во внеочередные наряды, не дают ему увольнений, поручают самую грязную и презираемую среди солдат работу (например, чистку туалетов);

б) неправомерных, но подпадающих только под действие норм Дисциплинарного устава. Такие действия выражается в нецензурных и иных оскорблениях военнослужащих, циничных высказываниях в их адрес, окриках и угрозах применить дисциплинарные меры и физическую силу, написать письмо родителям солдата, матроса с отрицательной характеристикой сына (данную форму можно назвать морально-психологическим давлением);

в) незаконных, т. е. выражающихся в прямом насилии над военнослужащими, вплоть до избиений. Подобные случаи редки, но еще меньше фактов возбуждения и рассмотрения в трибуналах уголовных дел в отношении офицеров, совершивших такие посягательства.

В ходе исследования было зафиксировано уголовное дело на офицера, систематически издевавшегося над военнослужащими срочной службы. Он избивал их черенками от лопат, закрывал в зимнее время в холодных помещениях. Происходило это в подразделении, оторванном от воинской части, где из офицеров был только он. По фактам издевательств проводилось расследование, однако виновный был уволен из армии за действия, дискредитирующие звание офицера и тем самым избежал уголовного наказания.

2. Как лица, не связанные с правонарушениями, но и не борющиеся с ними (пассивные участники). Со стороны значительной части офицеров исследуемые деликты молчаливо признаются и даже поддерживаются как форма контроля за процессами, происходящими в среде подчиненных и находящимися вне поля их зрения. Между офицерами и старослужащими заключается своеобразное «джентльменское соглашение»: первые получают гарантии чрезвычайных происшествий; вторые – видимость свободы действий.¹²⁸

3. Как лица, пытающиеся активно бороться с исследуемыми противоправными деяниями.

По некоторым сведениям, за преступления в сфере межличностных отношений в армии из всех осужденных только 12 % составляют сержанты и офицеры. Можно уверенно предположить, что если из числа указанных лиц исключить сержантов (поскольку они – военнослужащие срочной службы), то процент осужденных-офицеров окажется значительно ниже. При этом абсолютное большинство среди них – младшие офицеры¹²⁹.

Конечно, криминогенность обстановки в воинской части во многом зависит от отношения офицеров к выполнению своих обязанностей. Однако переоценивать их возможности здесь нельзя. Только их силами исследуемые криминальные проявления не устранить.

Среди факторов, негативно отражающихся на личности офицера и способствующих совершению правонарушений, надо отметить следующие:

Социальные факторы. Более 60 % офицеров указывают на нарушения в армии принципа социальной справедливости, проявляющиеся во взаимоотношениях со старшими начальниками. Около 50 % офицеров недовольны сложившейся системой выдвижения на вышестоящие должности; от 50 до 80% офицеров жалуются на плохие жилищные условия.¹³⁰

¹²⁸ Герунко Е.Н. Два года «встроенного наблюдения» // Социологические исследования. – 2000. – № 5. – С. 128-129.

¹²⁹ Лунеев В.В. Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР. – М., 1986. – С. 190.

¹³⁰ Арапов В.Ф. Протекционизм: «привидение» или реальность? // Коммунист Вооруженных Сил. – 1990. – № 1. – Сс. 22-23.

Известны факты, когда командиры и начальники буквально выживали из воинских коллективов негодных им офицеров. Это происходило путем поручения таким офицерам самой тяжелой и грязной работы, бесконечных их направлений в командировки на стажировку, выбора самого неудобного для них времени наступления в наряд и т. п.¹³¹

Система «накачек» переносится офицерами на рядовых. Так, 50 % воинов срочной службы указывают на отсутствие принципиальной оценки офицерами фактов глумлений над молодыми солдатами, а 32 % заявили, что офицеры допускают грубость в обращении с солдатами, сквернословят, унижают их человеческое достоинство. По некоторым данным, нарушениям каждым третьим осужденным правовых норм способствовали неправильные действия или бездействие офицеров. Кроме того, 24 % опрошенных утверждают, что виновные в рассматриваемых правонарушениях остаются безнаказанными.¹³²

За проступки подчиненных офицер нередко наказывается более строго, чем провинившийся. Сообщение им о правонарушениях подчиненных негативно отражалась на его карьере. Отсюда понятна и высокая латентность воинской преступности.¹³³

Некоторые социально негативные установки личности офицеров-правонарушителей приобретены ими при обучении в военных училищах. Как показывают многочисленные исследования, здесь процветают возрастная рознь и рассматриваемые правонарушения. Так, из 89 опрошенных офицеров со стажем службы более 10 лет около 20 % заявили, что в период обучения в военных училищах им наносились побои. Каждый третий подвергался оскорблениям и унижениям со стороны должностных лиц (как правило, офицеров), которые никакой ответственности за содеянное не понесли. У офицеров на всю жизнь остаются воспоминания о специфическом «военном воспитании», которое затем переносится ими на подчиненных срочной службы.

¹³¹ Крохмалюк А.Е., Евдокимов А.Р. Годен ... к нестроевой // Коммунист Вооруженных Сил. – 1991. – № 1. – Сс. 33-34.

¹³² Уколов А.Т. Приговор «дедовщина» // Коммунист Вооруженных Сил. – 1989. – № 18. – С. 66.

¹³³ Чижов Ю.В. Короли и пешки // Социологические исследования. – 2000. – Сс. 80-81.

Правовые факторы. Офицер-правонарушитель – носитель низкой правовой культуры. Проявляется это двояким образом: 1) в незнании норм права; 2) в сознательном их нарушении.

Незнание офицерами норм права во многом обусловлено обилием поступающих от вышестоящих начальников приказов и распоряжений, которыми следует руководствоваться в повседневной служебной деятельности. К тому же немалое количество этих предписаний содержит требования, противоречащие законам и уставным нормам, о чем заявили 66 % – опрошенных офицеров.¹³⁴ Военные прокуроры ежегодно выявляют до 7 тыс. таких актов.¹³⁵ Здесь надо отметить и отсутствие критериев оценки эффективности действия законов, указов, и, естественно, соответствующей статистики. Младшие сержанты, будучи нередко не в состоянии ориентироваться в массе нормативных актов, видят выход в выполнении требований лишь непосредственных начальников. В результате же некоторые командиры начинают чувствовать себя «царьками» в своих воинских частях. Сознательному нарушению норм права со стороны офицеров способствуют следующие побудительные личностные мотивы: 1) стремление достичь конечной цели, т. е. положительного результата любой ценой; 2) убежденность в том, что с солдатами иначе поступать нельзя, поскольку они, якобы, не в состоянии понять необходимость предпринимаемых мер; 3) уверенность в том, что командир не может быть не прав.

В 1993 г. впервые были введены в действия Наставления по правовой работе и Правовой минимум офицера. В Правовой минимум включены: закон о воинской обязанности и военной службе; общевойсковые уставы; положения о прохождении службы различными категориями военнослужащих; руководство по учету вооружения, техники, имущества и других материальных средств; положение о материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный государству, а также ряд других документов.

Психолого-педагогические факторы. По результатам опросов офицеров Северо-Кавказского военного округа, проведенных в 2010 г., выяснилось: 35, 5 %

¹³⁴ Кто защитит офицеров? // Аргументы и Факты. – 2003. – № 50. – С. 4.

¹³⁵ Заика Л.М. Правовое положение в армии // Законность. – 2001. – № 1. – С. 24.

респондентов испытывали затруднения в работе с «неформалами»; 65 % – в работе с солдатами различных национальностей; 35, 5 % не видели эффективных способов сплочения воинских коллективов; 20 % офицеров не видели путей искоренения «дедовщины». О слабой психолого-педагогической подготовке офицеров свидетельствует высокий уровень самоубийств в войсках. Офицер часто не знает и не воспринимает специфику человеческой психики, к тому же у него не хватает времени вникать в психологические особенности подчиненных. Очень мало внимания уделяется молодым солдатам; между тем 68 % суицидов в армии совершается «первогодками». К психолого-педагогическим факторам следует отнести и другие. Рассматривая комплекс факторов, способствующих закреплению «дедовщины», можно указать на сложившуюся в нашей армии концепцию социальной организации и тесно связанный с нею такой принцип педагогики, как «воспитание коллективом». Армейская «дедовщина» есть прямое порождение такого механизма власти, когда внешне демократический принцип – передача части командирских, воспитательных функций коллективу – узурпируется «дембелями» совсем для других целей.¹³⁶

Следует подчеркнуть, что «коллективное воспитание», поощряемое частью офицерского корпуса, чаще всего оказывает давление на выделяющихся, не похожих на других военнослужащих, которые и составляют значительное большинство пострадавших от рассматриваемых преступных посягательств. Кроме того, «коллективное воспитание» есть не более чем фетиш, поскольку в реальной действительности «воспитанием» занимается незначительный круг военнослужащих, где ведущая роль принадлежит лидерам «дедовщины». На основании вышеизложенного можно сделать некоторые выводы:

1. Офицеры сравнительно редко совершают преступные деяния в сфере межличностных отношений на службе. Однако в повседневной практике с их стороны имеют место противоправные. Каждый подобный факт требует проявления, непосредственно связанного с исследуемыми деликтами, своевременного и тщательного расследования со стороны правоохранительных

¹³⁶ Лунеев В.В. Мотивация воинских преступлений. – М., 1998. – С. 189.

органов. Личности офицера-правонарушителя присущи следующие черты: а) возраст от 21 года и старше; б) наличие агрессивно-насильственного опыта, приобретенного в военных училищах; в) низкая общая и правовая культура; г) отсутствие должной психолого-педагогической подготовки; д) боязнь личного принятия ответственных решений.

2. Негативным проявлениям этих личностных характеристик способствуют:

а) существующая система «накачек», выражающаяся в оскорблении и унижении начальниками подчиненных им офицеров за проступки военнослужащих срочной службы; б) отвлечение офицеров на хозяйственные работы и потеря ими воинского статуса и боевых навыков; в) распространенность бытового пьянства; г) укореняющаяся практика переложения обязанностей по воспитанию новобранцев на старослужащих солдат. В самом обобщенном виде – это личность холерического типа, имеющая опыт агрессивно-насильственного поведения и подвергшаяся воздействию негативных факторов социальной и специфически армейской действительности.

ГЛАВА III. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ УСТАВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ ОТСУТСТВИИ МЕЖДУ НИМИ ОТНОШЕНИЙ ПОДЧИНЕННОСТИ

§ 1. Правовые средства предупреждения неуставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности

Особую роль в профилактике преступлений против уставного порядка воинских взаимоотношений играют правовые меры, предусмотренные уголовным законодательством и применяемые главным образом органами военной юстиции и военным командованием. Уголовно-правовые средства не устраняют сами по себе причину преступного поведения, однако угроза наказания удерживает военнослужащих от поступков, наносящих вред порядку уставных взаимоотношений. Тем самым стимулируется должное поведение лиц с неуравновешенным, эгоистическим характером.

Наибольшая эффективность предупредительного воздействия норм военно-уголовного законодательства может быть получена только при правильном их применении к конкретным преступным проявлениям. Это гарантирует устранение безнаказанности либо необоснованного освобождения от уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, связанных с неуставными взаимоотношениями, ослабление же уголовно-правовой борьбы с исследуемыми деликтами ведет к росту их количества.

Уголовно-правовые средства профилактики преступлений против уставного порядка воинских взаимоотношений стали более целенаправленными и результативными после внесения в декабре 1983 г. изменений в военно-уголовное законодательство (статьи 7, 8, 24 Закона).¹³⁷ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1983 г.¹³⁸ были введены два новых состава воинских преступлений: 1) «Нарушение уставных правил взаимоотношений между

¹³⁷ Советское уголовное право. Воинские преступления / Под ред. А.Г. Горного. – М., 1978. – С. 340.

¹³⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1983. – № 51. – Ст. 784.

военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности» (до этого названные преступления в основном расценивались как «казарменное хулиганство» и квалифицировались по ст. 206 УК РСФСР, либо расценивались как другие общеуголовные преступления, предусмотренные ст. ст. 108, 109, 112 УК РСФСР); 2) «Нарушение правил обращения с оружием, а также с веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих». В таком виде военно-уголовное законодательство находилось до распада СССР.

Статья 8 Закона (ст. 244 УК РСФСР) свидетельствует о признании порядка воинских взаимоотношений в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Тем самым законодательно была усилена защита личности военнослужащих, от посягательств на их жизнь, здоровье, честь и достоинство. Это, в свою очередь, способствовало и превенции рассматриваемых деликтов.

Результативность правовых предупредительных мер во многом зависит от того, насколько совершенна практика назначения наказания за рассматриваемые преступные действия. Одна из главных задач военных прокуратур и военных судов состоит в обеспечении неотвратимости ответственности за каждое совершенное преступление, а также в дифференцированном назначении наказания с учетом тяжести содеянного и личности преступника.

В предупреждении преступлений против уставного порядка воинских взаимоотношений большую роль играют не только уголовно-правовые, но и иные меры, принимаемые органами военной юстиции. Вся осуществляемая ими правоохранительная деятельность в армии имеет профилактическое значение. Вместе с тем в связи с расследованием и судебным рассмотрением уголовных дел они предпринимают также меры, специально направленные на превенцию преступлений. К ним относятся процессуальные меры предупреждения, включающие в себя: задержание подозреваемых в совершении преступлений; отстранение виновных командиров от должности; внесение в соответствующие инстанции представлений следователей и прокуроров о причинах и условиях, способствовавших преступлению; частные определения военных трибуналов.

Органами военной юстиции принимаются и такие меры, которые специально не предусмотрены уголовно-процессуальным законом: мероприятия по правовой пропаганде; выступления на собраниях с анализом выявленных по уголовным делам криминогенных причин, условий и т. д. Работники военных прокуратур и судов организуют и проводят профилактические мероприятия совместно с командованием.

Закон о Прокуратуре наряду с таким эффективным правовым средством предупреждения преступлений, как внесение представлений (п. 9, ст. 23 Закона), ввел новое – предостережение о недопустимости нарушений Закона (п. 7, ст. 23). Основанием для предостережения могут быть достоверные сведения о реально готовящихся или совершенных правонарушениях, не влекущих уголовной ответственности (например, оскорбление на словах или иным ненасильственным путем). В случае же продолжения противоправных действий лицом, которое было предостережено, принимаются меры по привлечению его к ответственности.

Здесь существенен вопрос о перестройке работы органов военной юстиции, прежде всего, идея о расформировании военной прокуратуры. Во-первых, сломать сразу ее структуру – означает повергнуть Вооруженные Силы в хаос, а во-вторых, определенная специфика воинских правоотношений существует, что требует сохранения органов военной юстиции.

В целях предупреждения правонарушений в сфере межличностных отношений в армии необходимо:

1. Ввести военную полицию, укрепить военные суды и военную прокуратуру, так как существуют значительные трудности в доказывании указанных правонарушений и преступлений, и разбирательство по этим делам под силу лишь наиболее опытным работникам.

2. Вывести органы военной юстиции из какой бы то ни было зависимости от Министерства обороны.¹³⁹

3. Пересмотреть структуру и деятельность военных дознавателей. По нашему мнению, каждый из них должен: а) иметь юридическое образование и

¹³⁹ Метелица Ю.Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. – М., 1999. – Сс. 11-12.

навыки оперативно-розыскной работы; б) быть выведенным за штат воинской части и из подчинения командира; в) опираться в своей работе на специальный Закон о деятельности военных дознавателей, который нужно разработать и принять.¹⁴⁰

По нашему мнению, ответственность за исследуемые правонарушения в ее криминологическо-предупредительном аспекте должна основываться на следующих принципах:

1. Она должна быть четко дифференцирована на дисциплинарную и уголовную ответственность, т. е. находиться в прямой зависимости от общественной опасности содеянного, наступивших последствий и личности правонарушителя.

В Дисциплинарный устав Вооруженных Сил необходимо ввести специальную статью об ответственности за правонарушения в сфере межличностных отношений. Здесь следует предусмотреть достаточно суровые виды взысканий. Однако право их наложения командиром должно быть сопряжено с уведомлением военного прокурора о происшедшем.

При этом сошлемся на американский опыт, где Дисциплинарным уставом определены следующие взыскания: а) неувольнение из части до двух недель; б) обычный арест до семи суток; в) строгий арест до трех суток; г) ежедневные сверхурочные работы продолжительностью до двух часов в течение двух недель; д) лишение половины месячного оклада у офицеров; е) увольнение из Вооруженных Сил по негативным основаниям, причем в данном случае возможно лишение американского гражданства¹⁴¹.

Одним из квалифицирующих признаков указанного преступления является насилие в отношении группы или нескольких военнослужащих, а равно совершаемое в течение длительного времени (например, свыше месяца). Что касается наказания в виде лишения свободы (пребывания в дисциплинарной

¹⁴⁰ Дроздов Г.Н. Военный дознаватель: опора и подпорка? // Коммунист Вооруженных Сил. – 1990. – № 5. – С. 4; Вооруженные Силы в Советском правовом государстве // Коммунист Вооруженных Сил. – 1989. – № 3. – С. 37.

¹⁴¹ Сапронов А.Т. Дисциплинарная практика в Вооруженных Силах США // Военная мысль. – 1990. – № 2. – Сс. 62-63.

воинской части), то целесообразен предельный его срок – 7 лет, исходя из последних научных данных о необратимости психического разрушения личности в результате длительного пребывания в местах лишения свободы.¹⁴²

Ранее дисциплинарный батальон представлял собой серьезную форму устрашения, так как в нем содержались разные правонарушители. По некоторым оценкам, около 10 % «дисбатников» были военнослужащие, осужденные за неосторожные преступления. В настоящее время от данного вида наказания отказались, хотя некоторые военные части требуют вновь ввести дисциплинарный батальон, а в соответствии с Положением о дисциплинарной воинской части, утвержденным постановлением Правительства РФ № 692 от 4 июля 1997 г.¹⁴³, дисциплинарные воинские части создаются и ликвидируются приказами Министерства обороны РФ.¹⁴⁴

В основном же в дисциплинарном батальоне находятся люди, поплатившиеся за совершение исследуемых противоправных деяний и самовольный уход из части. Парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что в дисбате опять встречались так называемые «деды» и их жертвы. И к тому же и те, и другие уже имели опыт пребывания в следственных изоляторах. Поэтому сама система дисбата воспроизводила указанные преступления, но в более извращенных формах.

Таким образом, решение проблемы предупреждения исследуемых правонарушений просто требовало определенной перестройки службы. И, безусловно, любые организационные меры превентивного характера требуют соответствующего правового обеспечения. Законодательство о воинских преступлениях, как отмечалось, содержит ряд статей, которыми за одни и те же деяния предусмотрена, наряду с уголовной, и дисциплинарная ответственность. Командир, не заинтересованный в том, чтобы испортить картину состояния законности в части, в большинстве случаев не привлекает военнослужащих к уголовной ответственности по этим статьям. Так, за совершение уголовных

¹⁴² Карташов Н.В. Почему они здесь? //Коммунист Вооруженных Сил. – 1998. – № 22. – С. 57.

¹⁴³ СЗ РФ. – 1997. – № 23. – Ст. 2597.

¹⁴⁴ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. д-ра юр. наук., проф. Л.В. Инагамовой-Хегай, д-ра юр. наук., проф. А.И. Рарога, д-ра юр. наук., проф. А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА – М: КОНТРАКТ, 2004. – VI. – С. 392.

деяний солдат зачастую отделялся гауптвахтой. Как показывает исследование, многие военнослужащие полагают, что командир вправе признать дисциплинарным проступком любое преступное деяние. В результате происходит деформация правосознания военнослужащих срочной службы.

В перспективе могут быть использованы профилактические возможности военной полиции. Ее функционирование усилило бы борьбу с безнаказанностью, активизировало бы раскрытие зарегистрированных и выявление скрытых преступных деяний рассматриваемой категории, пресечение таких деликтов на стадии подготовки и совершения. Любые материальные затраты на создание подобной службы в армии, на наш взгляд, оправдают себя.

С учетом того, что устранение причин «дедовщины» возможно лишь при полной консолидации усилий командования, органов военной прокуратуры, органов власти, общественных и правозащитных организаций, Главной военной прокуратурой много делается для улучшения координации деятельности и повышения гласности и прозрачности проводимых поднадзорных мероприятий. Под руководством Главной военной прокуратуры создана межведомственная рабочая по вопросам борьбы с неуставными проявлениями и связанными с ними уклонениями от военной службы, в состав которой вошли представители всех федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, в которых имеются воинские формирования. Группа осуществляет на постоянной основе координацию повседневной деятельности всех заинтересованных ведомств.

§ 2. Общие и индивидуальные меры предупреждения нарушения правил уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности

Ориентация профилактической работы должна соответствовать структуре и содержанию причин, обуславливающих существование преступности в целом и определенных ее видов. Исходя из этого принципа, можно выделить четыре

основных направления предупреждения преступлений против воинских уставных взаимоотношений: а) социально-экономическое; б) воспитательно-педагогическое; в) организационно-управленческое; г) уголовно-правовое.

Социально-экономические меры превенции правонарушений реализуются главным образом на общегосударственном уровне. Вооруженные Силы обычно лишь используют возможности государства для устранения причин преступности военнослужащих путем улучшения жизни, деятельности, воспитания, быта, отдыха личного состава. Эти меры существенны, но они не имеют в войсках особой специфики, а их профилактический потенциал достаточно изучен в криминологии.

Реальное улучшение жизнедеятельности Вооруженных Сил связано с решительным освобождением от не свойственных им функций, углублением профессионализации армии, четким определением ее места в общегосударственной структуре, коренным улучшением ее материально-технического обеспечения. Особое внимание обращают на себя следующие моменты:

1. Многие общесоциальные меры по превенции исследуемых правонарушений носят формальный либо компанейский характер. Их реализация не затрагивает «дедовскую» неформальную структуру и приводит лишь к изменению форм деликтов и повышению латентности преступности среди военнослужащих.¹⁴⁵

2. Нельзя всерьез говорить о возможности улучшения неуставных взаимоотношений без повышения культурного уровня личного состава Вооруженных Сил. Последний зависит от общего культурного развития населения. Известно, что если центральные города и областные центры еще могут предложить жителям культурные ценности, то в «глубинке» людям нередко просто нечем заняться после работы. Между тем лица, отличающиеся особой жестокостью при совершении рассматриваемых преступлений, характеризуются, как правило, отставанием в своем культурном и духовном развитии.

¹⁴⁵ «Дедовщина» на весах закона // Коммунист Вооруженных Сил. – 1989. – № 24. – С. 54.

3. В настоящее время между различными политическими партиями и движениями развернулась борьба за сферы влияния в Вооруженных Силах. Это приводит к дезорганизации и дезориентации армии, отрицательному влиянию на психику военнослужащих, возрастанию конфликтов в их среде. Острейшие политические и экономические противоречия выплеснули на поверхность сложнейшие проблемы национального и территориального характера. Многие из них решаются при отсутствии адекватных антикриминогенных воздействий социально-правового характера. Это в частности, усугубляет корыстно-насильственную преступность и другие отрицательные проявления в среде военнослужащих.

4. На состояние преступности в войсках все большее влияние оказывает углубление социального расслоения общества. Состоятельные категории граждан находят пути для освобождения от воинской службы. В результате за последние годы в Вооруженные Силы призываются преимущественно юноши, которые не смогли или не имели возможности поступить в институт или техникум. Это снижает интеллектуальный потенциал, а, соответственно, и боеспособность Вооруженных Сил. Например, современная техника из-за обилия в ней электроники военнослужащими срочной службы должным образом не осваивается.

5. Проблемы комплектования армии и флота значительно осложнены негативными явлениями в области военной реформы связанной, в частности, с сокращениями личного состава. Обоснованную тревогу вызывает тот факт, что увольняются молодые, энергичные офицеры, имеющие навыки работы с неформальными молодежными объединениями.

Как специфический криминогенный фактор можно рассматривать явление глобального сокрытия фактов преступлений против уставного порядка воинских взаимоотношений. Для организации успешной борьбы с такими деликтами необходимо наладить их надлежащий учет и отчетность. Это позволит следить за структурой и динамикой указанных преступлений и своевременно принимать адекватные предупредительные меры.

В Главной военной прокуратуре (ГВП) статистическая отчетность о преступлениях, нарушающих порядок воинских уставных взаимоотношений, существует с 1970 г. С 1978 г. введен дифференцированный их учет по форме № 1 статотчетности военных прокуратур, В 1976 г. введена, а затем в 1979 г. усовершенствована в военных трибуналах система статучета судимостей за исследуемые нами преступления.

Известно, что наличие достаточно полной, дифференцированной статистики такого рода позволяет получить более объективное представление о состоянии исследуемой преступности в Вооруженных Силах. При этом в ходе предпринятого нами изучения важно было уяснить, насколько криминологически значимы особенности воинской службы. Если они существенны, то тенденции преступности в Вооруженных Силах должны обладать большой автономией. Это предопределяет одну стратегию превенции преступности военнослужащих, во многом рассчитанную на собственно армейские возможности. В ином случае, т. е. если корреляционная связь статистических рядов преступности в стране и ВС РФ относительно сильна, то здесь требуются общегосударственные меры.

Стратегия борьбы с преступностью против воинских уставных взаимоотношений в войсках, безусловно, должна предусматривать ответственность должностных лиц, организующих деятельность, жизнь, быт и досуг военнослужащих за криминологическую обстановку в войсках. Однако эта ответственность должна соотноситься с их реальными возможностями. Иной подход может привести лишь к сокрытию таких преступлений, приукрашиванию реального положения дел. Проводятся комиссии по проверке объективности и полноты расследования причин гибели и травматизма военнослужащих. За первые четыре месяца деятельности комиссии в ее адрес пришло свыше 12 тыс. писем о таких случаях; из них свыше 503 о погибших. В числе поступивших писем: 820 – от покинувших место службы из-за исследуемых правонарушений и преступлений; 700 – от пострадавших от неуставных отношений «землячества»; 240 – от получивших на этой почве инвалидность и болезни; 250 – от осужденных военнослужащих, самовольно оставивших часть из-за издевательств.

По выводам комиссии, более 65 % смертей в Вооруженных Силах связаны с самоубийствами, причем многие суициды остаются расследованными на низком профессиональном уровне. Выяснилось также, что в официальную статистику фактов гибели военнослужащих, например, не попадают лица, умершие от нанесения им телесных повреждений, но доставленные в больницы и госпитали живыми.¹⁴⁶

Проведенное методом экспертных оценок исследование показало: на один известный случай рассматриваемых криминальных проявлений приходится 2, 5 % не попавших в статистику таких деликтов с тяжкими последствиями. По результатам опроса студентов, отслуживших в армии, 99 % из них сталкивались за время службы с рассматриваемыми правонарушениями. При этом 63 % респондентов заявили, что подобные деяния совершались в подразделениях ежедневно, а 24, 3 % видели их почти каждый день. Все опрашиваемые отметили, что перед призывом в армию они имели представление о «дедовщине», причем каждый третий убедился в том, что на самом деле все оказалось гораздо хуже: и, тем не менее, они уверены в том, что служба в армии им необходима. Хотя призывники, имеющие высшее образование, не особо желанны, так как они знают больше о своих правах и обязанностях, лучше разбираются во многих вопросах относительно взаимоотношений между военнослужащими, и, соответственно, отношение к ним иное в сравнении с призывниками, не имеющими никакого образования. И, соответственно, уровень интеллектуального развития также имеет огромное значение во взаимоотношениях.

Таким образом, при выработке общесоциальных и индивидуальных мер предупреждения преступлений в сфере межличностных отношений военнослужащих проблема латентности этих деликтов приобретает особую значимость. Вскрыть ее истоки – значит создать основу для определения путей и способов преодоления исследуемого негативного явления на обще государственном, специфически армейском уровне и в процессе индивидуально-воспитательной работы.

¹⁴⁶ Каньшин А.П. Преемственность // Молодая гвардия. – 1999. – № 2. – С. 7.

В мирное время отслеживать состояние реальной боевой готовности частей и подразделений непросто. Поэтому одним из повседневных, а со временем и главных ее показателей стало состояние воинской дисциплины, в том числе и количество зарегистрированных преступлений. Их легко подсчитать, сопоставить, ранжировать. Так сложилась порочная система, которая позволяла без доскональных проверок и глубокого анализа реальной обстановки в частях и подразделениях принимать скорые решения командиров в отношении подчиненных, наказывать и поощрять, снимать с должностей и продвигать по службе, создавать видимость управленческой деятельности. Фетишизация уголовного учета создавала благоприятную почву для формирования не лучших командирских и человеческих качеств. Декларируемое же снижение уровня исследуемых правонарушений и преступлений, по нашим наблюдениям, происходит следующим образом: в военную прокуратуру поступают материалы о фактах правонарушений, которые, как правило, невозможно скрыть на местах.

Развитию криминальных проявлений в сфере неуставных взаимоотношений способствует и закрытость от общественности информации о воинской преступности. Так, несмотря на обилие публикаций по данной проблематике, мы нигде не встретили точных сведений о состоянии корыстно-насильственной преступности военнослужащих, связанной с «дедовщиной», за тот или иной год, не говоря уже о ее показателях по различным территориям, округам и родам войск. Это не может считаться нормальным, поскольку не позволяет проводить качественные и своевременные исследования проблематики предупреждения преступности военнослужащих.

Возникновению порочной системы учета исследуемых деликтов и отсутствию за ним должного социального контроля способствует несовершенство действующего уголовного законодательства. В частности, это выражается в наличии в нем бланкетных норм об уголовной ответственности за воинские преступления. Такие нормы отсылают правоприменителя к недостаточно определенным положениям уставов, наставлений и приказов, причем отклонения от них могут субъективно расцениваться командованием и как воинское

преступление, и как дисциплинарный проступок. Существует и особый порядок привлечения военнослужащих к уголовной ответственности за воинские преступления: только с согласия полномочных начальников, что значительно усложняет деятельность органов военной юстиции.

Субъективный взгляд на преступность в Вооруженных Силах, порочные способы оценки деятельности воинских должностных лиц последовательно разрушали правовые основы воинской дисциплины, переводили их в сферу дискреционных полномочий военачальников, многие из которых действовали волюнтаристски. Военные прокуроры в силу большой зависимости от командования (особенно на уровне армий, округов, групп войск и выше) чаще всего были бессильны изменить ситуацию, восстановить действительный правопорядок. На столь сомнительной идеологической и практической основе складывалась круговая порука, процветало очковтирательство.

Большой эффект могло бы дать внедрение в деятельность командования социологических методов для выявления латентных, скрытых преступлений, изучения причин преступности, анализа сигналов о правонарушениях и жалоб военнослужащих. Такая практика необходима, поскольку рядовой солдат вряд ли воспользуется предоставленным ему правом на жалобу. Выяснить же реальное положение дел можно только с помощью регулярного проведения во всех воинских частях сплошных анонимных опросов военнослужащих.

Население США, например, дважды в год опрашивается на предмет того, не оказывался ли респондент жертвой какого-либо преступления. В Вооруженных Силах России достаточно развита сеть военно-социологической службы, однако такие опросы не проводятся. Не ведутся в армии и исследования проблем преступности, факторов, влияющих на ее состояние. Разработка превентивных мер нередко носит умозрительный характер, не сопровождается экспериментальной оценкой их эффективности. Некоторый передовой опыт здесь, конечно, есть, но он не получает широкого распространения.

Вооруженным Силам РФ необходим информационно-аналитический центр изучения преступности и ее причин. Лишь углубленные исследования позволят

уяснить масштабы преступности, провести «калькуляцию» способствующих ей факторов, рассчитать коэффициент негативного влияния каждого из них, осуществить экономический анализ стоимости соответствующих превентивных мер. Командование должно получать криминологический прогноз состояния преступности, а в следующем году и обоснованные предложения по ее снижению.

Как бы волюнтаристски ни «управляли» динамикой уровня преступности в Вооруженных Силах в последнюю четверть века, ее тенденции не могут существенно отличаться от общих тенденций преступности в стране. Коэффициент парной корреляции между ними (около $-0,8$) близок к прямой статистической зависимости. Так, в 1986-1988 гг. во время псевдокампании борьбы с пьянством и алкоголизмом общеуголовные преступления военнослужащих, как и преступность в стране в целом, сокращались за счет уменьшения числа «пьяных» насильственных посягательств. С окончанием этой кампании «кривая» преступности в стране и в армии резко пошла вверх.

Обобщенные абсолютные данные о преступности в Вооруженных Силах, не привязанные к важным военным объектам, должны стать открытыми. Их отнесение к военной и государственной тайне никак не оправдано. Зная общую численность войск и другие публикуемые криминологические показатели по стране, нетрудно более или менее точно рассчитать реальный уровень преступности в войсках. Полное открытие уголовной статистики в Вооруженных Силах способствовало бы глубокому и гласному изучению криминогенных условий, разработке объективных прогнозов преступности военнослужащих.

Криминологические проблемы в армии могут успешно анализироваться и решаться лишь в тесной связи с общими социальными, экономическими, организационными процессами в нашей стране. Все это проявляется в объективной необходимости коренной реконструкции Вооруженных Сил, которая предполагает:

А) профессионализацию армии. Как представляется, ее сержантский состав, а также наиболее технически оснащенные подразделения должны быть большей частью укомплектованы военнослужащими, находящимися в Вооруженных Силах

на контрактной основе, с постепенным переводом на последнюю всех военнослужащих.

Б) переход на призыв в Вооруженные Силы один раз в году с тем, чтобы сломать традиционную возрастную градацию военнослужащих в извращенных формах ее проявления. Целесообразно также, на наш взгляд, повышение призывного возраста до 21 года, поскольку до этого момента у юношей еще не произошло окончательное становление психики.

В) качественно новый уровень социальной защиты всех без исключения категорий военнослужащих от воздействия как негативных внутриармейских, так и от внешних факторов. Эта защита выражается в гарантии важнейших прав, степени удовлетворения материальных и духовных потребностей военнослужащего, обеспечении соответствия его положения той роли, которую он играет в жизни общества. Для социальной защиты военнослужащего следует:

- наладить быт солдат и офицеров. Так, многие казармы, эксплуатируемые и по сей день, построены еще при царской армии;¹⁴⁷

- увольнение военнослужащего из части, отпуск с выездом к месту постоянного проживания должны стать его естественным правом, а не формой поощрения или наказания;

- предоставить военнослужащим срочной службы возможность откладывать свои денежные сбережения или отправлять их домой;

- должно быть надежно защищено будущее увольняющегося военнослужащего. Для этого за время службы у него должна быть возможность: получения высшего или специального образования (представляется, что здесь могла бы пригодиться заочная форма обучения) или необходимой специальности. Также можно было бы сохранить и расширить льготы для поступающих в различные учебные заведения.

Г) Серьезное обсуждение проблемы создания национальных воинских формирований. При этом стоит отметить, что в царской армии более 40 национальностей были лишены права воинской службы. В то же время Красная

¹⁴⁷ Герасимов А.В., Лоза Г.Г. Социальная защищенность советского военнослужащего. – М.: Воен. издат., 1991. – Сс. 20, 23.

Армия создавалась во многом на основе национальных воинских формирований. Так, маршал М.В. Захаров в середине 1920-х годов отмечал: «Национальные части являются могучим средством изживания межнациональной вражды».¹⁴⁸

Д) Законодательное регламентирование функциональных обязанностей Вооруженных Сил, поскольку до последнего времени армия занималась то хозяйственными работами, то политической учебой, то разрешением межнациональных конфликтов и меньше всего – боевой подготовкой. Среди первоочередных законодательных актов следует назвать: Закон об обороне (или Закон о Вооруженных Силах); Закон об альтернативной гражданской службе; Закон об уголовной ответственности за воинские преступления; Уголовно-процессуальный закон для расследования и рассмотрения в судах дел, связанных с воинскими преступлениями; Закон о военных дознавателях; Дисциплинарный и другие уставы Вооруженных Сил.

Е) развитие института офицеров-воспитателей, т. е. лиц, к которым военнотрудовой мог бы обратиться в трудную для него минуту.¹⁴⁹

Ж) немедленное внедрение, а не только введение альтернативной гражданской службы, поскольку от человека, не желающего служить в армии, трудно ожидать серьезного отношения к своим воинским обязанностям. У насильственно же призванного юноши спонтанно возникает чувство протеста, нередко выражающееся в совершении исследуемых правонарушений.

Повлиять на искоренение правонарушений, по мнению опрошенных солдат и офицеров поможет: перевод Вооруженных Сил на добровольный принцип комплектования (58 % респондентов); прекращение практики отвлечения Вооруженных Сил на хозяйственные работы и занятие их только боевой подготовкой (30 %); комплектование подразделений по возрастному принципу (19 %); ужесточение дисциплинарного воздействия на правонарушителей (12 %); увеличение срока службы военнотрудовых, уличенных в совершении правонарушений (11 %); комплектование подразделений по национальному признаку (10 %); усиление уголовной ответственности (10 %); введение

¹⁴⁸ Захаров М.В. Национальное строительство в Красной Армии. – Одесса, 1927. – С. 8.

¹⁴⁹ Герасимова А.В. Покушение на ... жизнь. // Морской сборник. – 1999. – № 8. – Сс. 73, 101.

альтернативной службы (4 %); отказ от призыва в армию лиц, имеющих судимость или приводы в полицию.¹⁵⁰

Целесообразно показать, как все это происходит в армиях развитых стран. При этом уволенным в запас выплачивать сумму на время последующей учебы.

В Германии, например, каждый призывник имеет выбор: либо он идет на военную, либо на гражданскую службу (санитаром, водителем пожарной машины и т. п.). Военнослужащий бундесвера имеет гарантированные выходные – субботу и воскресенье. Держать солдата на территории части дольше 21 дня запрещено законами Германии. Для военнослужащего установлена «рабочая неделя»: не более 40 часов. За дежурства и ночные наряды полагаются отгулы. Если солдат бундесвера «переслужил» за неделю несколько часов, ему полагаются по его выбору отгулы или денежная компенсация. Более того, считается уважительной причиной поездки военнослужащего домой из-за семейных неприятностей (в том числе из-за потери любимой девушки). У солдата бундесвера перед увольнением с военной службы также есть выбор: 1) он может остаться, причем его жалование возрастет в 4 раза и ему будут созданы условия для получения высшего образования; 2) он может уволиться, имея приобретенную специальность, которая высоко ценится работодателями.

С личным составом в армии США занимаются не офицеры, а сержанты. Более того, молодые офицеры 2-3 месяца стажируются как солдаты под началом сержанта. К сержантскому корпусу предъявляются чрезвычайно жесткие требования. Чтобы получить звание «главного сержанта», американскому солдату необходимо прослужить 21 год. Prestиж звания постоянно поддерживается: ежегодно проводится конкурс «Сержант года». Для разрешения стрессовых ситуаций в американской армии существует специальная служба капелланов. Например, из 600 тыс. военнослужащих Военно-морских Сил США более 1 тыс. человек – капелланы.

Мотивы, побуждающие юношей США идти в армию, следующие: возможность продвижения по службе – 52 %; профессиональная подготовка – 59

¹⁵⁰ Неуставные отношения: что будет завтра? // Коммунист Вооруженных Сил. – 1991. – № 1. – Сс. 13-14.

%; деньги на обучение – 47 %; желание служить Родине – 58 %; безработица – 38 %; желание показать свои способности (34 %), попутешествовать (29 %); избавиться от личных проблем (11 %), уехать из дома (12 %); более высокий заработок – 33 %; семейная традиция – 4 %.¹⁵¹ Особо следует отметить, что даже в благополучной армии США в каждой части работает офицер, назначенный генеральным инспектором, который ведет целенаправленную, постоянную, упреждающую борьбу с противоправными актами.¹⁵²

Анализ тенденций преступности среди военнослужащих показывает, что в сфере ее превенции возможности армейских должностных лиц значительны. Если при параличе их деятельности в процессе сокращения Вооруженных Сил отмечен резкий рост преступности в войсках, то в более или менее нормальных условиях они в состоянии контролировать, удерживать ее развитие на социально терпимом уровне. Поэтому реалистические программы контроля за преступностью в Вооруженных Силах, имеющие необходимое научное, правовое, кадровое и материально-техническое обеспечение, могут дать заметные положительные результаты. Во многих воинских частях есть такой ценный опыт.

Основными направлениями подобных программ должно быть не изобретение новых репрессивных мер (хотя без них обойтись не удастся), а создание условий, стимулирующих мотивацию правомерного достижения целей, которые в прошлом, как правило, достигались противоправным путем. Речь идет об условиях, когда совершение преступления станет невыгодным, нерациональным, нелогичным. Постепенный переход, например, на контрактную – профессиональную и альтернативно-гражданскую систему комплектования войск есть одно из таких условий.

В то же время надо иметь в виду, что коэффициент преступности в расчете на 100 тыс. военнослужащих всегда был выше, чем тот же показатель среди всего населения страны. Как отмечалось, в Вооруженных Силах

¹⁵¹ Иванов Г.Ф. Некоторые аспекты перехода Вооруженных Сил США на добровольный принцип комплектования // Военная мысль. – 1999. – № 1. – Сс. 70-74.; Тайны бундесвера // Комсомольская правда. – 1990, июнь; Сапронов А.Т. Сержантский корпус – становой хребет армии США // Военная мысль. – 1999. – № 11. – Сс. 70-76; Лебедева Т. О мотивах, побуждающих молодых людей служить в армии США // Армия. – 1991. – № 23. – С. 58.

¹⁵² Сапронов А.Т. Дисциплинарная практика в Вооруженных Силах США // Военная мысль. – 1999. – № 2. – С. 67.

сосредоточена молодежь мужского пола, а ей присуща высокая степень криминогенности. Военнослужащие срочной службы оторваны от своих близких, от привычных условий жизни, труда и отдыха, что нередко служит социально-психологической основой криминальных мотиваций. Сфера же действия уголовного права в Вооруженных Силах намного шире, поскольку военнослужащие несут ответственность не только за общеуголовные, но и за воинские противоправные деяния. Все это и многое другое необходимо учитывать при организации борьбы с преступностью в войсках.

Однако специальная организация службы, система контроля, новизна ситуации, в которой оказывается молодой человек, – все это позволяет сделать обстановку в войсках достаточно автономной, создать условия здорового воспитания. К сожалению, такие возможности в настоящее время не реализуются. Напротив, уровень преступности в войсках высок, и Вооруженные Силы генерируют криминогенность.

Разработка и реализация программ превенции правонарушений против уставных взаимоотношений военнослужащих требует, безусловно, всемерного учета причин подобных деяний и условий, им способствующих. Любые общие и специальные предпринимаемые здесь предупредительные меры могут быть успешными лишь на этой основе.

Так, устранение экономических детерминант правонарушений и преступлений в Вооруженных Силах прежде всего связано с процессом реформирования армии. Военнослужащие должны стать профессионалами и в том отношении, чтобы за совершенные ими проступки в сфере уставных взаимоотношений они наказывались бы и снижением своего денежного содержания. Как отмечалось, требуют значительного улучшения материальная и социально-бытовая стороны жизнедеятельности военнослужащих.

К числу приоритетных социальных и социально-психологических мер превенции общего характера следует отнести усилия по улучшению обучения и воспитания кадров военнослужащих срочной службы, в т. ч. офицерского состава.

Существует система воспитательной работы должностных лиц по профилактике неуставных отношений, сплочению воинских коллективов. Система работы по выполнению директивы ГУ РВСН № Д – 13 от 29 мая 1999 г. «О совершенствовании работы органов военного управления РВСН по предупреждению нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими». По изученным материалам в каждой воинской части имеется журнал морально-психологического состояния личного состава воинских частей.

Центром военно-социологических, психологических и правовых исследований Вооруженных Сил Российской Федерации проводится проверка морально-психологического состояния личного состава. Работа в психологическом плане – психология отклоняющегося поведения военнослужащих – суициды и их профилактика. Имеются методические рекомендации по повышению роли младших командиров в формировании здорового морально-психологического климата в подразделении. Проводится огромная работа, судя по номенклатуре, во всех направлениях, но основная проблема в том, что в значительной степени проявляется формализм в подходе руководителей, притом, что они имеют опыт работы и соответствующее образование. Существует огромное количество планов-инструкций работы во всех направлениях с личным составом и практически во всех воинских частях. И, наконец, согласно ответам респондентов, соблюдению уставных отношений, прежде всего, способствует качественное несение службы офицерами и младшими командирами. Именно они должны являться основными субъектами организации и осуществления профилактики и борьбы с рассматриваемыми правонарушениями. Целесообразно обратиться и к активным методам соответствующей пропаганды среди призывников.

Известно, например, что некоторые отслужившие в Вооруженных Силах и вставшие на антисоциальные пути поведения молодые люди приукрашивают и романтизируют традиции «дедовщины», которые, по их словам, являются обязательным атрибутом жизнедеятельности в армии и на флоте. При этом

активно внушается возрастная кастовость, беспрекословное подчинение «молодняка» «старшим», а издевательства над слабыми представляются как неотъемлемая черта воинской службы. Такие рассуждения усиливают складывающееся у призывников впечатление о безысходности положения новобранцев.¹⁵³

Существенной проблемой, требующей глубокого изучения и принятия организационных превентивных мер является расслоение военнослужащих в подразделениях по национальным, территориальным признакам, образование устойчивых «землячеств», добивающихся лидерства за счет различных форм криминального воздействия. В то же время, по нашим наблюдениям, «землячество» не подменяет «дедовщину». Защита «земляка» старослужащим имеет пределы, определяемые устойчивостью негативных армейских традиций.

Для разработки аффективных превентивных мер в рассматриваемой сфере значительный интерес представляет проблема исследования причин и условий конкретного совершаемого в ней правонарушения или преступления. Под причинами конкретного деликта понимаются: его мотив; неблагоприятная жизненная ситуация; неблагополучные условия нравственного формирования личности; обстоятельства, способствующие достижению противоправного итога.

Для выявления причин конкретного преступления целесообразна следующая примерная схема допроса обвиняемого, в процессе чего уясняются: 1) год и место рождения, состояние здоровья, индивидуально-психологические особенности данного лица, его образование, профессия, семейное положение, интересы, привычки, жизненные цели и ориентации; 2) отношение к учебе, труду, общественным обязанностям; поведение в быту, школе, на производстве, наличие и характер поощрений, судимостей; 3) воспитание в семье, ее состав; возраст, здоровье, занятие, образование, поведение, отношение родителей к обвиняемому; взаимоотношения в семье; жилищные условия и материальная обеспеченность; 4) воспитание на производстве, характер труда, влияние начальников и товарищей по работе; 5) условия службы и воспитания в воинской

¹⁵³ Криминологи о неформальных молодежных объединениях. – М., 2000. – С. 16.

части; соблюдение в ней уставных требований; характер взаимоотношений обвиняемого с воинским коллективом, командирами, сослуживцами; поведение обвиняемого в армии, наличие, количество и характер поощрений и взысканий; меры воздействия, применяемые командованием, армейской общественностью по воспитанию обвиняемого; б) конкретная жизненная ситуация, вызвавшая совершение преступления; 7) его мотивы и цели.¹⁵⁴

Кроме ответов обвиняемого, важные сведения о нем могут быть получены при изучении документов. Следует в этой связи всячески поддерживать нововведения по поводу отправки призывников к месту службы вместе с их личными делами, подготовленными в РВК. Изучение всего объема такой информации позволит:

1) обобщить и систематизировать причины данного деликта и условия, способствовавшие его совершению, и перейти от единичного к общему, т. е. общетеоретическим и практическим выводам;

2) выявить слабые места в профилактической работе конкретной воинской части и, устранив их, повысить ее боеспособность;

3) внести согласно ст. 21¹ УПК РФ объективно обоснованное представление или частное определение об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления;

4) изобличить всех виновных, разрушить «круговую поруку» и восстановить социальную справедливость, что будет иметь большое превентивное значение.

Основные направления проведения проверок в войсковых частях должны предусматривать изучение: а) общего состояния и причин правонарушений, в том числе и отдельных их видов среди различных категорий военнослужащих, а также совершенных в различных условиях военной службы; б) анализ эффективности деятельности органов военной юстиции; в) оказание помощи командованию в организации предупредительной работы.

¹⁵⁴ Лунеев В.В. Советская криминология. – М., 1978. – Сс. 274, 276-277.

По результатам проведенных исследований и наблюдениям, формам деликтов, направленных против воинских уставных взаимоотношений, присуща значительная гибкость. Формы исследуемых правонарушений зависят от: 1) вида и рода войск; 2) уровня латентности указанных правонарушений; 3) уровня дисциплины (чем она жестче, тем более скрытые формы приобретают рассматриваемые правонарушения); 4) преобладания в личном составе воинской части представителей какой-либо одной национальности; 5) эффективности деятельности органов военной юстиции; 6) отношения к «дедовским» традициям сержантов, старших офицеров.

Формы правонарушений зависят от следующих обстоятельств: а) сами ли офицеры принимают участие в криминальных деяниях; б) привлекают ли офицеры к этим деяниям старослужащих; в) пассивно ли офицеры самоустраиваются; г) пытаются ли офицеры противостоять с различной степенью активности. Соответственно, формы исследуемых правонарушений могут подразделяться на деликты, совершаемые офицерами и направленные прямо или косвенно против них.

По своему реальному содержанию все исследуемые нами правонарушения подразделяются на перерастающие в преступные деяния и имеющие характер дисциплинарного проступка.

Как уже отмечалось, по степени воздействия на потерпевшего они могут выражаться: в глумлениях, издевательствах и угрозах применения насилия; в причинении различной степени тяжести телесных повреждений и гибели военнослужащих.

По действию уголовного закона их можно разграничить на деликты: а) квалифицируемые только по ст. 8 Закона «Об уголовной ответственности за воинские преступления» (ст. 244 УК РСФСР); б) имеющие признаки составов других криминальных деяний.

Наиболее значимым представляется деление исследуемых правонарушений и преступлений с учетом их мотивации на корыстные и корыстно-насильственные. Такая градация обеспечивает выход на практические

рекомендации превентивной направленности. Специально-криминологические меры ориентируются на: выявление и устранение причин, предпосылок и условий, способствующих совершению преступлений против уставного порядка воинских взаимоотношений; пресечение тех конфликтных в данной сфере действий, которые могут перерасти в преступное деяние. Указанные меры разрабатываются и осуществляются командованием воинских частей совместно с органами военной юстиции. Содержание этих предупредительных мер должно быть адекватно рассмотрено в соответствии с вышеуказанными детерминантами исследуемых деликтов.

Среди основных социально-криминологических мер предупреждения последних следует выделить индивидуальную профилактику, т. е. совокупность взаимосвязанных воспитательных и иных мер воздействия, применяемых к конкретному лицу в целях предотвращения совершения им противоправных действий. Следовательно, объект индивидуальной профилактики – личность, от которой их можно ожидать. Так, в индивидуально-профилактических воздействиях в первую очередь нуждаются те военнослужащие, поведение которых имеет тенденции к перерастанию в преступление против уставного порядка взаимоотношений, и лица, совершившие подобные неуставные насильственные деяния.

Индивидуальная профилактика по времени применения подразделяется на раннюю; непосредственную (предотвращение конкретных преступлений); направленную на пресечение уже совершаемых преступлений. Ранняя профилактика заключается в выявлении и устранении вредных влияний на конкретных лиц, в оказании воздействия на них при нанесении ими оскорбления на словах иными ненасильственным действием сослуживцев или командиров, при совершении не являющихся преступлениями других правонарушений против уставного порядка взаимоотношений.

Прежде всего ранняя профилактика должна применяться к лицам, совершающим аморальные поступки. Она включает в себя воспитательную работу по изживанию черт эгоизма, грубости, своеволия, игнорирования

уставных правил воинских взаимоотношений и осуществление мер по оздоровлению неблагоприятной среды.

Одним из важных средств индивидуальной профилактики выступает социальный контроль за личностью военнослужащих, проявляющих грубость, неуважительность в воинских взаимоотношениях. На организацию и поддержание социального контроля в армии и на флоте направлены: а) правовые нормы, изложенные в законах, уставах, приказах и директивах; моральные принципы, официально принятые в обществе и Вооруженных Силах; б) деятельность командиров и всех подразделений по работе с личным составом, а также политработников, армейской (флотской) общественности, военных юристов.

Их усилиями формируется соответствующее общественное мнение, приводятся в действие социально-психологические факторы влияния коллектива, в котором проходит службу данный военнослужащий.

Для выработки эффективных превентивных мер криминологические особенности преступлений, связанные с «солдатскими присягами», стали регулярно изучаться Военной коллегией Верховного Суда и Главной военной прокуратурой. Для искоренения порочной практики «солдатских присяг» необходимо четко регламентировать в уставах обязанности командиров различных степеней по предупреждению преступлений подчиненных. На основе правовых норм можно установить жесткий порядок взысканий, применяемых к командному составу при игнорировании им указанных обязанностей.

Важным направлением профилактики нарушений уставного порядка воинских взаимоотношений является воспитание командиров, начальников, повышение их личной примерности в поведении и исполнении служебных обязанностей. Возможности офицеров и сержантов в деле укрепления дисциплины и предупреждения преступлений со стороны подчиненных очень велики. В тех подразделениях, где они эффективно работают, нет серьезных правонарушений. К сожалению, есть и прямо противоположные примеры их бездеятельности, попустительства преступлениям. Отсюда следует вывод: необходимо совершенствовать систему отбора и обучения военнослужащих.

Проблема отбора офицерских кадров состоит не в отсутствии надежных методик, а в недостатке претендентов. Резкое снижение престижа военной службы, материальная и бытовая неустроенность офицеров отпугивают многих способных молодых людей от почетной воинской профессии. Мало курсантов, которые видят в военной службе свое призвание. Поэтому из училищ в войска подчас приходят офицеры, неспособные управлять подчиненными, поддерживать во взводе или роте твердый порядок, пресекать правонарушения. Личный же пример в армии всегда был основным методом воспитания.

Безусловно, надо повысить денежное содержание офицеров. С января 2012 года денежное довольствие военнослужащих и военных пенсионеров поднимется на невиданную ранее высоту. Пенсии повысят в среднем на 60 %, кстати, с 2013 года отставные военнослужащие, имеющие пенсию, могут рассчитывать на рост выплат ежегодно до четырех процентов. Но это пока теория, можно сказать нереализованный проект. Поэтому, соответствующие стимулы следует искать в других направлениях: обеспечивать безопасность военнослужащих и членов их семей; повышать культуру общения, особенно по вертикали «командир-подчиненный»; развивать сферу досуга; культивировать здоровый образ жизни; предоставлять по увольнению бесплатные участки земли; оказывать помощь в получении образования детям и т. д. Нельзя недооценивать и стимулирующее воздействие привлекательных для молодежи моделей военной формы одежды.

Многие преступления можно предупредить на уровне роты и воинской части. Однако эти вопросы не решаются из-за неумения командного состава проводить криминологический анализ обстановки, выявлять причины правонарушений, делать криминологические прогнозы преступности в части и индивидуального противоправного поведения, выработать методику его предупреждения. Нельзя упрекать за это офицеров: в военных училищах и академиях не изучается курс «Криминология».

Фигура сержанта всегда была и будет основной в войсках. Он постоянно на службе 24 часа в сутки. В подразделениях с сильным сержантским составом

невозможны нарушения дисциплины, невыполнение приказов, хищения или глумления, а из призывного контингента все труднее отбирать достойных.

Система стимулирования лучших, наиболее способных к этой службе лиц должна быть не менее действенной, чем офицеров. Можно утверждать: все сержантские должности должны замещаться профессионалами на контрактной основе. Денежное содержание сержантов и другие материальные стимулы должны стать соразмерны с офицерскими, как во всех западных армиях. В настоящее время этого нет. Надо улучшить отбор и подготовку сержантского состава. Одним из путей решения такой проблемы может быть наделение командиров частей правом отбора кандидатов на сержантские должности. Здесь важно соблюсти условие, чтобы после обучения данные лица возвращались в свои части, где и назначались бы на соответствующие должности. При указанном подходе командиры подразделений могут лучше изучить каждого сержанта, учесть его индивидуальные особенности, способность к работе с подчиненными.

Действенным средством управления поведением воинов, важным направлением профилактики рассматриваемых преступлений является правильное поддержание армейской дисциплины. Дисциплинарная практика, выступая организационным элементом социального контроля, направлена на строгое соблюдение уставного порядка воинских взаимоотношений. Поощряя и стимулируя проявления лучших традиций армейского товарищества, взаимовыручки, необходимо пресекать случаи послабления, создания облегченных условий службы для старослужащих, искоренять попустительство и безнаказанность. Однако проблема совершенствования дисциплинарной практики имеет и другую сторону. Исследования показывают, что многие командиры и начальники нередко допускают произвол в применении дисциплинарных взысканий, налагая их на невиновных, избирательно относясь к нарушителям в зависимости от личных симпатий и антипатий. К сожалению, в борьбе с нарушениями уставных правил взаимоотношений не используется главная сила – сами военнослужащие. Большинство потерпевших, как отмечалось, не обращаются к командованию с жалобами, поскольку не всегда находят

поддержку. Большое значение в предупреждении исследуемых правонарушений имеет организация службы суточного наряда. Дневальные и дежурные по своим подразделениям в ряде случаев становятся очевидцами совершаемых неуставных действий, но мер к их пресечению не принимают, не докладывают о таких фактах командирам, а иногда и оказывают содействие виновным.

Одним из важных методов профилактики является правовое воспитание военнослужащих, которое проводится командованием в тесной координации с военными юристами. Основное внимание здесь следует обращать работе с лицами недисциплинированными, ранее судимыми за хулиганство и преступления против личности. Работа в этом направлении должна быть тесно связана с поддержанием уставного порядка взаимоотношений.

Дальнейшему совершенствованию правового воспитания военнослужащих могли бы способствовать такие меры, как:

а) создание научного центра по изучению социально-психологических конфликтов в воинских коллективах, проведению социологических и криминологических исследований, разработке рекомендаций, ориентированных на усиление борьбы с преступлениями, в том числе и против уставного порядка взаимоотношений;

б) изучение во всех высших учебных заведениях основ военного законодательства, в частности таких тем, как «Социально-психологическая природа правонарушений против уставного порядка воинских взаимоотношений», «Причины и условия, способствующие совершению преступлений против уставного порядка взаимоотношений и основные направления их предупреждения»;

в) разработка учебного пособия по проблемам квалификации преступлений против уставного порядка воинских взаимоотношений для оказания помощи слушателям курсов повышения квалификации военных юристов.

К числу организационных предупредительных мер следует отнести также своевременное устранение конфликтов на почве антиуставных воинских взаимоотношений.

Проблема определения оптимальных путей предупреждения и разрешения конфликтов весьма актуальна и должна стать предметом особого внимания военных психологов и криминологов. Нужны комплексные исследования, раскрывающие сущность тех отношений, на почве которых они возникают. Соответствующие превентивные меры должны основываться на изучении социально-психологических качеств личного состава с целью раннего выявления антисоциальной направленности отдельных военнослужащих, способных к агрессивным действиям, проявлению издевательства и жестокости в отношении сослуживцев. В этой связи возникает важная проблема оказания командирам и начальникам психологической помощи в изучении подчиненных. К сожалению, в силу ограниченности психологических знаний командиры и армейская общественность выявляют агрессивную личность, как правило, после совершения преступления. Раннее же предупреждение деликтов затруднено тем обстоятельством, что некоторые командиры не имеют достаточно хорошей подготовки в сфере военной педагогики и психологии.

Следует максимально активизировать и совершенствовать работу по подготовке к воинской службе призывников (до 80 % этих лиц, как уже отмечалось, убеждены, что над ними будут издеваться старослужащие). Для улучшения подготовки призывного контингента, которая имеет немаловажное значение в превенции исследуемых деликтов, полагаем необходимым:

1) создать единый центр по подготовке призывников с широкой сетью филиалов при РВК. При этом для тех, кто собирается скоро служить в армии, занятия по физической и иной подготовке можно было бы сделать бесплатными, для всех остальных – платными. Разумеется, участие призывника в такой подготовке должно быть добровольным, а потому привлекательным;

2) прекратить набор призывников из числа лиц, имеющих судимость, приводы в милицию, а также исключить факты призыва на службу лиц, непригодных к ней по состоянию здоровья;

3) заранее информировать призывников о будущем месте службы и предполагаемом роде войск;

4) направлять призывников для прохождения службы в «горячие точки» только с их письменного согласия;

5) заблаговременно уяснить, насколько сознателен выбор призывником военной службы.

Для улучшения индивидуальной предупредительной работы следовало бы направлять в воинскую часть вместе с военнослужащим его личное дело из РВК. Это даст возможность: а) учитывать потребности, интересы и привычки военнослужащего; б) знать его отношение к учебе, труду, другим людям; в) быть в курсе его поведения в быту; г) более внимательно изучить черты характера военнослужащего; д) знать условия воспитания, а также то, какое образование и специальность он получил до призыва в армию¹⁵⁵.

Требуется жесткий контроль за бытовым пьянством и употреблением наркотиков. Здесь необходимо учитывать, что молодые солдаты есть люди, которые уже знают вкус алкоголя. Так, по некоторым данным, более 20 % сержантов и около 13 % солдат заявили, что до призыва они ввязывались в драки, и чаще всего это происходило в состоянии алкогольного опьянения¹⁵⁶. Вместе с тем не следует полностью исключать возможность употребления военнослужащим алкогольных напитков. Однако это должно происходить: а) легальным путем во внеслужебное время в присутствии офицеров; б) только на добровольной основе; в) за деньги военнослужащего; г) к употреблению должны быть разрешены лишь легкие сорта вин и пиво. Указанные предложения основаны на сложившихся реалиях, поскольку военнослужащий, желающий выпить, такую возможность найдет любым способом. Одновременно с их реализацией следует развивать спортивные и иные культурные программы.

Для изучения и учета психофизиологических личностных особенностей каждого военнослужащего следовало бы использовать соответствующую помощь специалистов-медиков. Это наиболее актуально для молодых солдат, у которых

¹⁵⁵ Лунеев В.В. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с правонарушениями в войсках. – М., 1999. – Сс. 57-59.

¹⁵⁶ «Дедовщина» на весах закона // Коммунист Вооруженных Сил. – 1989. – № 24. – С. 52.

распространены различные отклонения в поведении, возрастающие с увеличением физических и психологических нагрузок.¹⁵⁷

Такая совместная работа командиров и врачей могла бы способствовать своевременному выявлению военнослужащих, переживающих стрессовое состояние, для которых характерно подсознательное стремление к компенсации физического или психического перенапряжения посредством употребления наркотических веществ или алкоголя. Именно среди указанной категории лиц наиболее часто проявляются отклонения от уставных норм поведения. Знание индивидуальных особенностей военнослужащих во многом содействует правильной организации воспитательной работы с ними, в том числе и направленной на предотвращение исследуемых правонарушений.

§ 3. Криминологическая профилактика и коррекция агрессивного поведения в системе воздействия на насильственную преступность в войсках

Знание психологических основ отклоняющегося поведения (ОП) у подчиненных является важным условием результативности практической деятельности офицеров и прапорщиков по решению сложных задач деятельности воинских коллективов.

Количественные и качественные показатели процессов, характеризующих состояние правопорядка, воинской дисциплины и морально-психологического состояния в воинских коллективах, направляют внимание органов военного управления, должностных лиц частей и подразделений на насущные проблемы обеспечения безопасности военной службы.

Устойчивая негативная статистика последних лет наглядно демонстрирует реальную картину армейской действительности. Ее причины общеизвестны. Существенную часть из них составляют неблагоприятные социальные факторы:

¹⁵⁷ Предупреждение отклоняющегося поведения у военнослужащих внутренних войск МВД СССР // Под ред. В.П. Левицкого. – М., 1990. – С. 3.

неукомплектованность подразделений личным составом; неудовлетворительные социально-психологические характеристики призывников; недостаточная ресурсная обеспеченность жизнедеятельности войск и др.

Вместе с тем существуют и внутренние предпосылки неблагоприятных явлений, которые являются следствием серьезных упущений в организации и содержании служебной деятельности должностных лиц воинских частей. Одним из актуальных направлений работы командиров Вооруженных Сил по минимизации негативных тенденций считается профилактика ОП (отклоняющегося поведения) военнослужащих. В широком смысле ОП – это такие действия военнослужащих, которые противоречат узаконенным и общепринятым нормам общества и Вооруженных Сил РФ.

Однако в отечественной психологии ОП рассматривается не как результат «прирожденных механизмов», а как следствие социально-психологических причин, в том числе характера микросреды, групповых взаимоотношений, недостатка воспитания и т. п. Именно под их воздействием возникают и развиваются такие виды ОП, как агрессия, аномия и фрустрация.

Агрессия – поведение человека, причиняющее моральный, физический и материальный ущерб другим людям или вызывающее психический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние страха, подавленности и т. д.).

Аномия – форма отклоняющегося поведения, вызванная отсутствием целей в жизни, чувством изолированности и гнетущего одиночества.

Фрустрация – поведение, возникающее как негативная реакция на непреодолимую преграду, препятствие, мешающее достижению цели и удовлетворению актуальной потребности.

Центральным звеном проблемы отклоняющегося поведения является сама личность. Именно через нее осуществляется сложное взаимодействие «причины - среда» и «ситуация – личность – деяние – меры».

Рассматривая социально-психологические особенности личности военнослужащего с ОП, необходимо уяснить сущность данного феномена. Личность есть целостная система, неразрывное единство взаимосвязанных

качеств, которые природный индивид приобретает в конкретно-исторических условиях существования на основе деятельности, общения и познания. Структура личности с ОП, так же, как и личности «в норме», обусловлена влиянием жизни, характером отношений. Нет какого-то единого свойства, которое бы вызывало ОП и отличало лиц, склонных к такому поведению, от лиц, соблюдающих социальные нормы. Хотя, несомненно, имеется такая категория людей (например, преступники-рецидивисты), которая наделена определенным комплексом черт, характерных для разных типов нарушителей социальной нормы, что связано не с генетической предрасположенностью, а с их образом жизни и биографией. Этот комплекс включает: негативное отношение к основным социальным нормам; глубоко укоренившееся негативное представление о социальных ценностях; специфические негативные черты личного опыта; повышенную возбудимость и агрессивность; примитивные влечения и несдержанность в их удовлетворении и т. п. Когда подобные комплексы черт личности вступают во взаимодействие с определенной ситуацией, они содействуют выбору противоправного (ненормативного) пути достижения цели.

Рассмотрение социально-психологических особенностей военнослужащих с ОП позволяет выделить некоторые их характерные признаки.

Во-первых, это стремление к приспособлению, которое состоит в тщательном сокрытии (маскировке) болезненного тщеславия, желания любой ценой удовлетворить свои потребности, получить личную выгоду или сохранить в тайне негативную направленность своих интересов. Во-вторых, это страсть к моде: гипертрофированная мода на определенные прически, различные подвески, нашейные знаки и другие предметы. В-третьих, заметное расхождение между знанием норм, ценностей и реальными поступками. В-четвертых, раздвоение и противоречивость убеждений.

Психологи на основе опыта исследований направленности личности и особенностей ее поведения дают следующую типологию лиц с ОП.

Первая группа характеризуется устойчивым комплексом аморальных, примитивных потребностей, стремлением ее представителей к потребительству,

деформации ценностей и отношений. Отличительные черты таких людей – эгоизм, равнодушие, неустойчивость, цинизм, озлобленность, вспыльчивость.

Вторую группу составляют лица с деформированными потребностями. Обладая более или менее широким кругом интересов, они отличаются обостренным индивидуализмом, желанием занять привилегированное положение за счет притеснения слабых. Их отличает импульсивность, быстрая смена настроений, ленивость, раздражительность. У них извращены представления о долге, чести мужестве, товариществе. Им доставляют удовольствие чужая боль, несчастье, унижение.

Третью группу лиц с ОП характеризует внутренний конфликт между деформированными и позитивными устремлениями, ценностями, отношениями. Они отличаются выраженным приспособленчеством, притворством, лживостью. Эти люди, как правило, лишены потребности в социально-значимых достижениях, успехах, апатичны.

Четвертую группу составляют личности, которые отличаются незначительными деформациями потребностей, но в то же время у них отсутствуют социальные интересы и ограничен круг общения. Такие люди безвольны, мнительны, заискивают перед более сильными. Для них характерны трусливость и мстительность. Данная типология, при всей ее условности, показывает четкое преобладание у личности с ОП примитивных и низменных потребностей, недостаточно развитую волевую регуляцию, узость интересов, эгоизм, цинизм, равнодушие, неприязнь к нормальной среде.

Будучи обусловленным многими факторами, ОП немалого числа людей связано и с различными психическими заболеваниями. Однако рассмотрение таких случаев относится к области патопсихологии и психиатрии. Вместе с тем для некоторых подобных лиц характерны так называемые пограничные состояния (на границе нормы и отклонения), неврозы, патологические отклонения в характере, которые не являются болезнью. Психопатологические черты личность в большинстве случаев приобретает не в результате отягощенной наследственности, а вследствие неблагоприятных условий жизни и воспитания.

Знание и учет психологических закономерностей возникновения и развития ОП у военнослужащих позволяет должностным лицам более качественно организовать профилактическую и коррекционную работу с данной категорией подчиненных на основе современных положений психологической теории и практики.

Одной из наиболее острых практических проблем, требующих повышенного внимания в системе обеспечения безопасности военной службы, являются профилактика и предупреждение самоубийств среди военнослужащих.

Явление самоубийства (суицид) чаще всего объясняется специалистами как следствие и результат глубокого психологического кризиса человека, причем такой силы, что весь предыдущий жизненный опыт личности, решившейся на данный трагический акт, не может подсказать иного выхода из ситуации, которая считается тупиковой. Такой психологический кризис может возникнуть внезапно, под влиянием сильного аффекта, как, например: глубокое публичное оскорбление; страх позора и унижения; измена любимого или утрата очень близкого человека; жестокая несправедливость со стороны должностных лиц или коллектива и т. п. Чаще всего внутренняя душевная напряженность накапливается постепенно, формируясь в сложный «букет» негативных эмоций. Они накладываются одна на другую, сплетаясь в тугой, сложно распутываемый узел жизненных проблем. Постоянная тревога переходит в гнетущую депрессию, депрессия – в безысходность и в итоге – потеря смысла «такой» жизни. Человек утрачивает веру в себя, в способность окружающих помочь ему.

В обыденном объяснении суицидального поведения сложились некоторые устойчивые ошибочные представления, которые вводят нас в заблуждение. Поэтому командирам (начальникам) необходимо их четко усвоить, чтобы не повторять эти ошибки на практике. Определение риска возможного суицида – задача чрезвычайно трудная. Вопросы о том, кого следует считать потенциальным суицидентом, с какого момента и при каких условиях человек может быть включен в «группу риска», не имеют однозначного ответа, поскольку само понятие суицидального риска подразумевает несколько значений.

Во-первых, вероятность возникновения любой формы суицидального поведения, т.е. общий суицидальный риск. Во-вторых, вероятность реализации имеющихся суицидальных тенденций, т. е. риск суицидальных действий – покушений на самоубийство. В-третьих, вероятность рецидива суицидальных актов.

Использование психологического подхода к определению суицидального риска позволяет установить групповые и индивидуально-психологические факторы риска.

К числу факторов, определяющих повышенную вероятность возникновения суицидального поведения, т. е. общий суицидальный риск, относятся: тяжелая морально-психологическая обстановка в ближайшем социальном окружении – в коллективе, семье; условия семейного воспитания (отсутствие отца в раннем детстве; матриархальный стиль отношений в семье; эмоциональная депривация, отверженность в детстве; воспитание в неблагополучной семье; воспитание в семье, где были случаи самоубийств, попытки самоубийств или суицидальные угрозы со стороны близких; возрастные особенности потенциального суицидента); хронологические принципы (время года, дни недели, время суток; частая смена места жительства, учебы, работы; активное употребление алкоголя и наркотических средств и др.).

К признакам суицидального ОП относятся: открытые высказывания о желании покончить с собой (сослуживцам, в письмах родственникам и знакомым, любимой девушке); косвенные намеки на возможность суицидальных действий; активная предварительная подготовка, целенаправленный поиск средств покончить с собой; фиксация на примерах самоубийства; чрезвычайно настойчивые просьбы о переводе в другое воинское подразделение, учебное заведение, о госпитализации, предоставлении отпуска по семейным обстоятельствам; нарушение межличностных отношений, сужение круга контактов в воинском коллективе, стремление к уединению; изменившийся стереотип поведения (несвойственная замкнутость и снижение двигательной активности у подвижных, общительных; возбужденное поведение и повышенная

общительность у малоподвижных и молчаливых); утрата интереса к окружающему; размышления на тему самоубийства могут приобретать художественное оформление (в записной книжке, тетради для занятий изображаются рисунки, иллюстрирующие депрессивное состояние).

При оценке суицидальности должностным лицам в каждом конкретном случае необходимо учитывать совокупность личностных и ситуационных факторов. При этом для определения степени суицидального риска необходимо выявлять также и антисуицидальные предпосылки. На индивидуальном уровне – это устойчивое позитивное отношение к жизни и негативное – к смерти, широта диапазона приемлемых путей разрешения конфликтных ситуаций, эффективность действия механизмов психологической защиты, высокий уровень социализации личности. Конкретными формами выражения антисуицидальных личностных факторов могут быть, например: эмоциональная привязанность к значимым близким; родительские обязанности; выраженное чувство долга; боязнь причинить себе физическое страдание; представление о греховности и позорности суицида; представления о неиспользованных жизненных возможностях и т. д. Чем больше отмечено антисуицидальных факторов в отношении к данному человеку, тем прочнее его антисуицидальный барьер, тем маловероятнее суицидальные действия, и наоборот.

Эффективность противодействия такому ОП зависит прежде всего от полноты и своевременности выявления потенциальных суицидентов. Но совершенно очевидно, что профилактика суицидального поведения не может ограничиваться только этим. Она должна представлять собой многоуровневую систему, объединяющую меры социального, психологического, медицинского, правового и педагогического характера. К ним следует отнести:

- правильное и четкое планирование и организацию повседневной жизнедеятельности, быта и досуга в воинских коллективах;
- организацию мероприятий психопрофилактического и психогигиенического характера, обеспечивающих сохранение психического здоровья военнослужащих;

- обеспечение социальной защищенности, соблюдение конституционных прав людей;

- предупреждение нездоровых взаимоотношений между военнослужащими;

- выявление групп высокого суицидального риска;

- умение должностных лиц распознавать потенциальных самоубийц;

- адекватную и своевременную психологическую помощь военнослужащим, находящимся в состоянии острого личностного кризиса.

Основными задачами деятельности должностных лиц, связанными с суицидологической профилактикой, являются:

- изучение социально-психологических процессов в воинских коллективах, психологических характеристик различных неформальных групп, проведение психологических обследований личного состава в целях выявления людей с повышенным суицидальным риском;

- выявление причин, условий и предпосылок, способствующих суицидальным происшествиям, своевременная выработка предложений о необходимости проведения тех или иных организационных мероприятий по их устранению;

- активное участие в создании воинских коллективах благоприятной, уважительной атмосферы;

- своевременная разработка мероприятий для работы с военнослужащими, имеющими признаки затруднений в адаптации;

- проведение психологического анализа каждого случая суицида и привлечение специалистов-экспертов для расследования дел, связанных с самоубийствами;

- организация реабилитационных мероприятий с людьми, совершившими суицидальную попытку;

- проведение занятий со всеми категориями военнослужащих, членами их семей по профилактике самоубийств и покушений на самоубийство, ознакомление их с принципами и методами оказания первой психологической помощи суицидентам в разрешении кризисной ситуации, своевременное распоз-

навание лиц с высокой вероятностью суицидального поступка.

Вышеописанные теоретические основы и практические задачи профилактики ОП военнослужащих нуждаются в надежном методическом арсенале их реализации. Методический комплекс приемов и средств психолого-педагогического обеспечения профилактики ОП позволяет:

во-первых, проводить диагностику по выявлению лиц «группы риска», а также социально-психологических и других негативных предпосылок, способствующих развитию суицидальных намерений военнослужащих;

во-вторых, осуществлять целенаправленную коррекционную и реабилитационную деятельность с целью изменения и вытеснения суицидальных установок у лиц с симптомами суицидального риска.

В настоящее время исследователями и практиками накоплен богатый опыт применения общенаучных и специальных методов (методик) диагностики и коррекции суицидального поведения.

К методическому инструментарию, имеющему высокую эффективность, специалисты относят: наблюдение; беседу; биографический метод изучения личности; анализ документов; анализ результатов и продуктов деятельности; анализ поведения личности в естественных и экспериментально-созданных ситуациях свободного выбора; экспертный опрос; психолого-педагогический консилиум; социометрический опрос и др.

Применение методов диагностики для выявления симптомов суицидального поведения у военнослужащих, оценки их остроты, постановки квалифицированного диагноза и достоверного прогноза возможно на основе научных знаний о сущности, содержании, причинах, факторах и особенностях ОП у различных категорий военнослужащих, а также принципах и технике применения методического инструментария диагностического обследования. Важным условием успешности диагностики ОП является высокомотивированная индивидуально-воспитательная и психолого-педагогическая деятельность командиров и начальников в кругу подчиненных. Наряду с вышеперечисленными методами работы важное место в профилактике ОП занимает система

практических мероприятий (организационных, воспитательных, правовых, культурно-досуговых, социально-психологических), целью которых является создание благоприятных условий службы, учебы, отдыха и взаимоотношений военнослужащих. При реализации вышеперечисленного важно усвоить и строго придерживаться принципов избирательности, практической целесообразности, координации и взаимосогласованности усилий всех участников процесса профилактики. В основе успеха данной работы лежит продуманная преемственность квалифицированных и разноплановых форм и методов работы с нуждающимися в ней военнослужащими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование уголовно-правовых и криминологических аспектов борьбы с преступлениями против воинских уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности позволяет сделать следующие выводы:

1. Указанные преступления как негативное социальное явление воинского быта имеют глубокие исторические, социально-экономические, психологические корни. Подобные преступления в ближайшей перспективе будут составлять весьма значительную группу воинских правонарушений, отрицательно влияющих на состояние дисциплины и правопорядка в армии и на флоте.

Многочисленные попытки военного командования в краткие сроки полностью искоренить правонарушения такого рода путем применения различных административно-организационных (в т. ч. жестких дисциплинарных) мер не имели и не могли достичь серьезного успеха. Это, прежде всего, объясняется тем обстоятельством, что предпринимаемые усилия не основывались на достаточно глубоких криминологических разработках данной проблемы.

Исследование подтвердило тезис, что противодействие правонарушениям в сфере воинских уставных взаимоотношений должно носить комплексный и долговременный характер. Превентивное воздействие необходимо оказывать в первую очередь на факторы, обуславливающие эти правонарушения, с целью их устранения либо, по крайней мере, нейтрализации или минимизации.

2. Под преступлением против воинских уставных взаимоотношений следует понимать устойчивые социально негативные проявления криминального характера, которые основаны на отрицательных традициях армейской среды. Они связаны с глумлением и издевательством одних военнослужащих над другими с целью подчинить их своему влиянию и тем самым облегчить для себя тяготы и лишения воинской службы. Конкретно эти деликты выражаются в различных действиях, подпадающих под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 335 УК РФ.

Криминологическую значимость имеет классификация исследуемого деликта в зависимости от служебного положения субъекта и объекта преступления.

По характеру объективной стороны преступление целесообразно классифицировать в зависимости от специфики учиненного виновным насилия над потерпевшим, т. е. совершаемого: а) с применением оружия; б) только с физическим либо лишь с психическим воздействием; в) как с физическим, так и психическим воздействием.

Важной в криминологическом значении представляется классификация исследуемого преступления, основанием для которой являются мотивы и цели данного противоправного поведения. Это особенно актуально применительно к деликтам, выражающимся в нарушении уставных правил взаимоотношений и совершаемым не подчиненными друг другу военнослужащими.

Здесь выделяются:

- правонарушения, связанные со стремлением виновных подчинить молодых воинов «старослужащим»;
- преступления, проявляющиеся в самочинной расправе с сослуживцами, допускающими нарушения воинской дисциплины;
- правонарушения, связанные с попытками неуставными средствами добиться того, чтобы сослуживцы проявляли меньше усердия в службе, скрывали факты недисциплинированности виновных;
- правонарушения, сопряженные с изъятием или вымогательством у военнослужащих путем насилия обмундирования, снаряжения, личных вещей.

3. Основными детерминантами преступлений против воинских уставных взаимоотношений, определяющими структуру и динамику рассматриваемых деликтов, являются в принципе те же факторы, которые, так или иначе, влияют на состояние преступности в стране. Это социально-экономические, социально-психологические, правовые факторы. Одни из них воздействуют на воинскую преступность без сколько-нибудь существенной специфики, реализуясь через условия жизни, воспитания, учебы и работы правонарушителей до призыва на

военную службу; другие опосредуются в обстановке воинского быта. Наряду с ними есть и специфические детерминанты, обуславливающие сугубо воинские преступления.

В последние годы прослеживается весьма жесткая зависимость преступности военнослужащих от общего ухудшения социально-экономической обстановки в стране, нравственной деградации и криминализации части населения, усиливающегося социального неравенства различных его слоев. Отчетливо это проявляется и в молодежной среде, служащей основным источником призывных контингентов для Вооруженных Сил.

4. На состоянии и динамике воинских правонарушений не мог не отразиться тот факт, что в последние годы определенными политическими силами в общественное сознание интенсивно и целенаправленно внедрялось негативное отношение к Вооруженным Силам. Популяризировалась отрицательная оценка их роли как атрибута государства, гипертрофировались тяготы и лишения военной службы, в результате резко снизился ее престиж как профессии, признаваемой во всем цивилизованном мире одной из наиболее почетных. Органы государственной власти, длительное время индеферентно относившиеся к развязанной средствами массовой информации антиармейской кампании, лишь с большим опозданием стали принимать меры к ее обузданию.

5. В числе детерминант исследуемых деликтов и воинской преступности в целом существен фактор, который может быть обозначен как невыполнение или ненадлежащее выполнение государством в лице его высших органов законодательной и исполнительной власти своих обязанностей по отношению к Вооруженным Силам страны. Нечеткость военной доктрины и основополагающих задач и приоритетов военной организации государства, нерешенность социально-бытовых и других проблем материального обеспечения военнослужащих – все это прямо или косвенно детерминирует воинские правонарушения, в том числе и в сфере, составляющей предмет диссертационного исследования.

6. Помимо «внешних» по отношению к Вооруженным Силам детерминант рассматриваемых правонарушений, существуют и внутриармейские факторы,

препятствующие искоренению данного негативного явления воинского быта. Во многом способствует тому определенная заинтересованность командиров и начальников, которые из-за отсутствия должных правовых средств и в целях личной карьеры используют неуставные методы для регулирования поведения подчиненных.

В течение десятилетий в Вооруженных Силах бывшего СССР, наследником и преемником которых стали Российские Вооруженные Силы, в воинских коллективах складывалась своеобразная субкультура. Она включала в себя не только официально одобряемые и поощряемые элементы. Были и такие, которые признавались хотя и порицаемыми, но неизбежными, а на неофициальном уровне и не лишенными полезности для воспитания военнослужащих в духе повиновения старшим, более опытным, сильным и т.п.

Отсутствие и неприятие в советском обществе институтов и инструментов реальной защиты, прав и личного достоинства человека, их игнорирование в законодательстве, воинских уставах, абсолютизирование принципа безграничного единоначалия не могли не породить и субкультуры, основывающейся на приоритете грубой власти и силы, на унижении достоинства личности более слабых, незащищенных.

Устойчивость такой субкультуры базируется на традициях, обычаях и ритуалах, частично уходящих своими корнями в историю собственно воинского быта, а также привнесенными в армейскую среду из тюремно-лагерного быта. Последний в силу своей массовости в бывшем СССР составлял и продолжает составлять весьма заметный пласт бытовой культуры населения. «Дедовщина», «солдатские присяги», неформальная дифференциация военнослужащих по годам службы есть лишь гипертрофированные, особо уродливые формы тоталитаризма, господствовавшего многие годы в нашей стране.

7. Существенной детерминантой исследуемых криминальных деяний является социально-психологический фактор. Он заключается в психологической «подготовленности» значительной части призывников к восприятию насилия, издевательств и унижений со стороны старослужащих

воинов и младших командиров как неизбежного зла на начальных этапах воинской службы. Осведомленность о такой возможности и формирующаяся в сознании призывников готовность претерпеть эти квазитяготы и лишения, обусловленная убежденностью в бесполезности попыток противостоять им есть, – это по сути, процесс виктимизации.

Тот же социально-психологический фактор действует противоположно с переходом новобранца в категорию старослужащего. При этом у него формируется мотивация уже противоправного поведения в воинских отношениях. Бывшая жертва превращается в посягателя, а нередко и в агрессивного организатора еще более изощренных глумлений над сослуживцами поздних призывов. В мотивации такого поведения часто доминирует месть за испытанные ранее унижения, адресованная, однако, не тем, кто их причинял, а сложившейся системе неформальных отношений.

8. Особенно важное значение приобретает изучение личности военнослужащего, совершившего преступление против воинских уставных взаимоотношений. В ее криминогенных качествах аккумулируются все отрицательные воздействия негативных условий, обстоятельств и ситуаций, в которых жил и воспитывался данный человек.

Проведенное нами исследование подтвердило ранее сформулированные криминологами наиболее типические черты правонарушителя-военнослужащего: скудость духовных потребностей и интересов; пренебрежительное отношение к военной службе, уставным требованиям и уголовно-правовым запретам; дефектность правосознания; доминирование примитивных бытовых побуждений; легкость мотивации поведения при неглубокой критической оценке ситуации, в которой совершается преступление; слабая развитость предвидения последствий своих действий; эмоциональная неустойчивость.

В то же время исследование позволило сделать вывод: личность индивида, совершающего преступления в сфере воинских межличностных отношений, относится к насильственно-анархическому типу с присущими только ему особенностями. При прогнозировании возможного противоправного поведения

военнослужащего в указанной сфере подлежат учету и свойства его темперамента. Последние, не будучи определяющими противоправные действия, тем не менее, вносят свой вклад в их реализацию.

Вопрос о том, является ли тот или иной тип темперамента одной из доминант преступного поведения, остается дискуссионным. Однако нельзя не учитывать тот установленный факт, что около 50 % преступников, совершающих насильственные деяния в Вооруженных Силах, относятся по темпераменту к холерикам, которым свойственны возбудимость, вспыльчивость, несдержанность и агрессивность.

Налаженная должным образом работа психологической службы в воинских частях позволит с большой степенью вероятности предугадать будущего правонарушителя и, следовательно, предупредить совершение преступления. К сожалению, до настоящего времени остается абсолютно неразработанным такое направление деятельности психологической службы, как подбор военнослужащих для прохождения службы в относительно замкнутых воинских структурах по признаку их психологической совместимости. Между тем в воинских подразделениях нередко образуются неформальные общности с далеко не всегда позитивной ориентацией. Неформальные структуры антисоциальной направленности, существующие в молодежной среде в гражданских условиях, часто воссоздаются их бывшими участниками и в среде военнослужащих.

9. Исходя из комплексного анализа типа личности преступника-военнослужащего, совершающего противоправные деяния в сфере межличностных отношений, может быть предложено следующее ее определение: это военнослужащий срочной службы холерического типа, с несложившейся психикой, находящийся в наиболее криминогенном возрасте, как правило, хорошо развитый физически, имеющий опыт подросткового агрессивного-анархического поведения и «клеймо» социального аутсайдерства. Данный тип правонарушителя следует отнести к неформальному лидеру «дедовщины», опирающемуся не только на свою физическую силу, но и на молчаливое согласие большинства сослуживцев.

10. Преступления в сфере воинских межличностных отношений обладают весьма высокой степенью латентности. Это обуславливается не столько недостаточной эффективностью деятельности командования и органов военной юстиции по их выявлению и раскрытию, сколько факторами, тесно связанными с обывательской психологией военнослужащих-потерпевших. Существенную роль здесь играют психологические особенности юношеского возраста пострадавших, становящиеся одним из факторов формирования «круговой поруки», когда молодым воинам внушается идеология недоносительства, позорности клейма «стукача». Кроме того, молодым солдатам реально угрожает расправа в случае, если о совершенном над ними насилии станет известно командованию или правоохранительным органам.

Латентность исследуемых преступлений повышается и в связи с тем обстоятельством, что еще сохраняется практика оценки состояния воинской дисциплины в частях и подразделениях, а соответственно и деятельности их командиров и начальников, по отсутствию или наличию происшествий и правонарушений, допущенных подчиненным им личным составом. Такой подход подталкивает многих командиров на сокрытие правонарушений в тех случаях, когда их последствия возможно скрыть без огласки.

На основе результатов исследования могут быть сформулированы обобщенные предложения и практические рекомендации, направленные на повышение эффективности профилактики и предупреждения преступлений против воинских уставных взаимоотношений:

1. Для создания системы профилактики и предупреждения преступлений, являющихся предметом диссертационного исследования, исходным служит положение о том, что основные направления превентивной работы в войсках должны соответствовать структуре и содержанию причин, обуславливающих существование преступности в стране и в Вооруженных Силах.

С учетом этой установки можно выделить четыре основных направления предупреждения преступлений против воинских уставных взаимоотношений:

а) социально-экономическое; б) воспитательно-педагогическое; в) организационно-управленческое; г) правовое.

Реальное улучшение нравственно-психологического климата в Вооруженных Силах РФ связано с решительным их освобождением от несвойственных функций, всемерной профессионализации личного состава армии и флота, четким определением их места в общегосударственной структуре, коренным улучшением социально-бытовых условий жизни военнослужащих.

Органы государственной власти и управления должны ясно осознать недопустимость положения, когда те или иные политические силы развязывают и ведут разнузданную кампанию огульного охаивания Вооруженных Сил как атрибута государства, смакования реальных или надуманных негативных фактов в жизни их личного состава. Государство обязано пресекать как попытки дискредитации Вооруженных Сил, так и стремление использовать их в политической борьбе различных политических блоков, объединений, партий.

2. Стратегия борьбы с преступностью против воинских уставных взаимоотношений должна быть тесно связана с контролем государства и общества за состоянием преступности в стране, ее влиянием на криминогенную обстановку в войсках.

При этом воинские должностные лица могут быть ответственны за состояние преступности в частях и подразделениях лишь в пределах реальных возможностей предупреждения и пресечения противоправных проявлений. В ином случае требования, предъявляемые командованием к соответствующей превентивной работе, могут привести лишь к искажениям, деформации предпринимаемых усилий, к сокрытию преступлений в частях и подразделениях.

3. Представляется необходимым самым радикальным образом обновить действующее военное законодательство по вопросам регламентации правового положения военнослужащих, правовой защиты их жизни, здоровья, достоинства и чести. Законы «О воинской обязанности и военной службе», «О статусе военнослужащих», воинские уставы должны быть дополнены нормами, определяющими реальные механизмы защиты личности военнослужащего, его

прав и свобод как гражданина от противоправных посягательств со стороны и начальников, и сослуживцев. В частности, Устав внутренней службы Вооруженных Сил РФ целесообразно дополнить, более развернутой группой норм о правах военнослужащего, проходящего службу по приказу, и обязанностях командиров и начальников по обеспечению этих прав.

4. Нуждаются в пересмотре представления о том, что в течение всего периода службы солдаты, сержанты (старшины) срочной службы для обеспечения боеготовности части должны круглосуточно находиться на казарменном положении и не могут самостоятельно распоряжаться свободным временем.

В военном законодательстве, и прежде всего в общевоинских уставах, необходимо предусмотреть гарантированное право каждого военнослужащего на, по крайней мере, еженедельное увольнение из части и на ежегодный отпуск для отдыха и решения личных проблем. Жесткий казарменный режим, лишь в силу традиций Российской армии считающийся компонентом боевой готовности, далеко не всегда оправдан. Он не может не оказывать деформирующего влияния на психику и поведение молодых людей, длительное время находящихся в условиях изоляции, и не порождать искаженные формы взаимоотношений в замкнутой социальной среде, каковой является воинский коллектив.

5. Для существенного улучшения воспитательной работы в воинских коллективах, создания в них благоприятного социально-психологического климата, оказания военнослужащими срочной службы помощи в трудных жизненных ситуациях необходимо развитие института офицеров-воспитателей с профессиональным психолого-педагогическим образованием.

6. С учетом тех изменений, которые вносятся для усовершенствования УК РФ, следует сказать, что необходимо упростить и унифицировать нормы, предусматривающие уголовную ответственность за воинские преступления, связанные с неуставными взаимоотношениями между военнослужащими. Одна армия, понукаемая правозащитниками, из этой ситуации не выйдет.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13.06.1996, принят Государственной Думой РФ от 24.05.1996. (с изм., внесенными Постановлением РФ № 8-П Конституционного Суда от 27.05.2008).
3. Федеральный конституционный закон «О военном положении» № 1 от 30.01.2002.
4. Федеральный закон № 53-ФЗ от 28 марта 1998 г. «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. от 27 июля 2010 г.).
5. Федеральный закон № 61-ФЗ № 61-ФЗ от 31 мая 1996 г. «Об обороне» (с изменениями от 30 декабря 1999 г. по 26 июня 2007 г.).
6. Федеральный закон № 27-ФЗ от 6 февраля 1997 г. «О внутренних войсках» Министерства внутренних дел Российской Федерации».
7. Федеральный закон № 76-ФЗ от 27.05.1999 «О статусе военнослужащих» (с изм. на 28.12.2010).
8. Федеральный закон № 53-ФЗ от 28.03.1998 «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. на 28.12.2010).
9. Федеральный закон № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» от 25.07.2002 (с изм. на 9 марта 2010 г.).
10. Указ Президента № 2140 «Об общевоинском Уставе Вооруженных Сил РФ» от 14 декабря 1993. (с изм. № 1517 от 23.10.2008).
11. Указ Президента РФ от 16.09.99 № 1237 (с изм. на 21.03. 2011).
12. Указ Президента РФ № 900 «О военно-административном делении Российской Федерации» от 27.07.98 (ред. от 24.03.2001).
13. Указ Президента РФ № 901 «Об утверждении Положения о военном округе Вооруженных Сил Российской Федерации» от 27.07.98 от 19.11.2003.

14. Указ Президента РФ № 1237 «О порядке прохождения военной службы РФ» от 16 июня 1999 г. (с изм. на 17.04.2003) // СЗ РФ. – 1999. № 38. – Ст. ст. 4534; 2003; № 16. Ст. 1508.
15. Указ президента РФ № 1495 от 10.11.2007 (с изм. от 14.01.2011) «Об утверждении общевоинских уставов ВС РФ». Вместе с Уставом внутренней службы ВС РФ, Дисциплинарным уставом ВС РФ и Уставом гарнизонной и караульной служб ВС РФ.
16. Указ Президента РФ № 1237 от 16 сентября 1999 г. «Вопросы прохождения военной службы» (с изм. от 21 марта 2011 г.)
17. Постановление Правительства РФ № 587 «О призыве на военную службу граждан Российской Федерации» от 01 июня 1999 г. // СЗ РФ. – 1999. – № 23. – Ст. 2857.
18. Постановление Правительства РФ № 587 «Об утверждении Положения о призыве на военную службу граждан Российской Федерации» от 01.06.99.
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» от 14 февраля 2000 г. // Бюллетень ВС РФ. – 2000. – № 4.
20. Закон «Об обязательной военной службе» 1917 г. – СУ РСФСР 1917. – № 15. – Ст. 153.
21. Закон РСФСР «Об обязательной военной службе» 1925 г. – СУ РСФСР. 1925. – № 62. – Ст. 463.
22. Закон РСФСР «Об обязательной военной службе» 1926 г. – СУ РСФСР. – 1928. – № 51. – Ст. 449.
23. Закон РСФСР «Об обязательной военной службе» 1930 г. – СУ РСФСР. – 130. – № 40. – Ст. 424.
24. Закон СССР о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1939 г. – СЗ СССР. – 1939. – № 40.
25. Закон «Об уголовной ответственности за воинские преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 10.

26. Положение о воинских преступлениях, утвержденное постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. – СЗ СССР. – 1924. – № 21. – Ст. 205.
27. Положение о воинских преступлениях в редакции постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 г. – СЗ СССР. – 1927. – № 50. – Ст. 159.
28. Правила судебно-медицинской экспертизы, утвержденные приказом Министерства здравоохранения РФ № 407 от 10.12.1996.
29. Устав Внутренней службы Вооруженных Сил РФ // Общевоинские уставы Вооруженных Сил РФ. – СПб, 1996.
30. Устав Внутренней службы Вооруженных Сил РФ // Общевоинские уставы Вооруженных Сил РФ. – СПб, 1996. – С. 106.
31. Устав Внутренней службы Вооруженных Сил РФ. – СПб, 1996. – Ст. 19, гл.1.
32. Дисциплинарный Устав Вооруженных Сил РФ, гл.1. «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.

Монографии, книги, учебные пособия, сборники, словари

1. Ахметшин Х.М. Преступления против порядка подчиненности и соблюдения военной чести. – М., 1970.
2. Ахметшин Х.М. Преступления против военной службы. – М., 1999.
3. Ахметшин Х.М., Петухов Н.А., Тер-Акопов А.А., Уколов А.Т. Преступления против военной службы: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2002. – С. 55.
4. Биркаве В.В. Видеопотребление: правовые и криминологические проблемы // Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ней. – М., 1994. – Сс. 22-32.
5. Бирков В.В. Злоупотребление: правовые и криминологические проблемы // Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ней. – М., 1994. – Сс. 22-32.
6. Буров В.С. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». – М: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д Издательский центр «Мар Т», 2003. – С. 106.
7. Военно-уголовное право: Учебник (под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина). – «За права военнослужащих», 2008.

8. Военное право: Учебник / Под ред. Н.И. Кузнецова. – М.: Издательство «Военный университет МО РФ». – «Всеармейский издательский центр гуманитарной учебной литературы», 1997.
9. Гарунова М.Н. Нормативная база по регулированию деятельности казачества России конца XX века // Провинциальный город в XVIII–XXI вв. (История, экономика, культура) / Материалы Международной научно-практической конференции. 25-28 сентября 2008 г. – Кизляр, 2008.
10. Герасимов А.В. Покушение на ... жизнь // Морской сборник. – 1991. – № 8.
11. Герасимов А.В., Лоза Г.Г. Социальная защищенность советского военнослужащего. – М.: Воен. Изд-во, 1991.
12. Гуренко Е.Н. Два года «строевого наблюдения» // Социс. – 2000. – № 5.
13. Дамский О.В., Зюбин В.Р. Правовое воспитание курсантов. – М., 2000.
14. Дубинин Н.П., Карпец И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. – М., 1989.
15. Дубровин В.И., Мигачев Ю. Юридическая ответственность военнослужащих. Справочное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2000.
16. Жижиленко А.А. Воинские преступления. – М., Право и жизнь, 1924.
17. Забрянский Г.Н. Предупреждение правонарушений военнослужащих на современном этапе строительства. – М., 1999.
18. Зателепин О.К. Военно-уголовное право: Учебник / Под ред. А.М. Ахметшина и О.К. Зателепина. – М., 2009. – С. 98.
19. Захаров М.В. Национальное строительство в Красной Армии. – Одесса, 1927.
20. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А. Наумовой. – М., 2000.
21. Криминология: Учебник./Под ред. И.И. Карпец, В.Е. Эминова. – М., 1992.
22. Крылова Н. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. – 2011. – № 6. – Сс. 26-34.
23. Комментарий к УК РФ (постатейный) (Бриллиантов А.В., Долженкова Г.Д., Иванова Я.Е. и др. (под. Ред. А.В. Бриллиантова). – М.: Проспект, 2010.
24. Комментарий к УК РФ (постатейный) 7-е издание, переработанное и дополненное) / Отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт-Издат, 2007.

25. Комментарий к УК РФ (постатейный) 7-е издание, переработанное и дополненное) / Отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2011.
26. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный), 4-е издание под ред. Г.А. Есакова – М.: Проспект, 2012.
27. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) под ред. А.И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ, 2012.
28. Комментарий к Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе» / Под ред. В.Г. Стрекозова. – М.: «За права военнослужащих», 1999.
29. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» / Под ред. О.Е. Кутафина. – М.: Юрайт, 2003.
30. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А.Казакова. – М.: Проспект, 2008.
31. Криминология о неформальных молодежных объединениях. – М., 2000.
32. Криминология: Учебник / Под ред. проф. Н.Ф.Кузнецовой, проф. В.В. Лунеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004.
33. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2005.
34. Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Постатейный комментарий Федерального закона «О статусе военнослужащих». – М.: Спарк, 1998.
35. Курс советской криминологии. Т.1. – М., 1985.
36. Курс советской криминологии. Т.2. – М., 1985.
37. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1992
38. Лановский С.И., Мареев С. Войны однополчан // Век XX и мир. – 1999. – №11.
39. Лунеев В.В. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с правонарушением в войсках. – М., 1999.
40. Лунеев В.В. Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах. – М., 1998.
41. Лунеев В.В. Можно предупредить. – М., 1987.
42. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения: Учеб. пособие. – М., 1991.
43. Лунеев В.В. Мотивация воинских преступлений. – М., 1998.

44. Лунеев В.В. Нарушение можно предупредить. – М., 1987.
45. Лунеев В.В. Советская криминология. – М., 1978.
46. Мацкевич И.М. Преступное насилие среди военнослужащих. – М., 1994.
47. Метелица Ю.Л. Психиатрическая экспертиза потерпевших. – М., 1999.
48. Мигачев Ю.И., Тихомиров С.А. Военное право: Учебник. – М.: Изд-во ООО «Юрлитинформ», 2003.
49. Нарушение специальных видов военной службы: вопросы уголовной ответственности» (Дутов Д.В., Иванов А.П., Кожухарин Д.Н., Срепаненко Н.Е., Фатеев К.В.) / Сер. «Право в Вооруженных Силах – консультант» / За права военнослужащих, 2007. – Вып. 63.
50. Неуставные взаимоотношения военнослужащих: теория и практика антикриминального воздействия // Сер. «Право в Вооруженных Силах – консультант» / «За права военнослужащих», 2006. – Вып. 64.
51. Онколов Ю.П. Актуальные причины и условия современной преступности военнослужащих, меры по ее предупреждению. – Новороссийск: СТМ, 2006.
52. Мацкевич И.М. Криминология, психология и уголовно–исполнительное право. – М.: МГЮА, 2001.
53. Орлов В. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – № 1237. – М., 1998.
54. Основы квалификации преступлений: Учебное пособие / Под ред. Савельева В.С. – М.: Проспект, 2011.
55. Петров М.И. Военное право России: Учебник. – М.: Приор, 2004.
56. Предупреждение правонарушений военнослужащих на современном этапе военного строительства. – М., 2001.
57. Предупреждение отклоняющегося поведения у военнослужащих внутренних войск МВД СССР / Под ред. В.П. Левицкого. – М., 1990.
58. Преступления против военной службы: Учебник для вузов / Под ред. к.ю.н., Заслуженного юриста РФ, председателя Военной коллегии Верховного Суда РФ Н.А. Петухова. – М.: НОРМА, 2002.

59. Преступления против военной службы (военно-уголовное законодательство России): научно-практический комментарий УК РФ. – М., 1999. – С. 54.
60. Преступность в Вооруженных Силах // Преступность – угроза России. – Информационно–аналитический еженедельник: (Специальный выпуск). – М.: РАУ – корпорация. – 2006. – № 2/6. – Сс. 71-79.
61. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» (науч. ред. В.Н. Кудрявцев) – «Городец», 2007.
62. Судебная практика по применению военно-уголовного законодательства Российской Федерации // сост. О.К. Зателепин, А.И. Ноздринов / под общ. ред. профессора Х.М. Ахметшина. – М.: «За права военнослужащих», 2001.
63. Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. И.А. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1997.
64. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко. – М., 1998.
65. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Л.В. Инагамовой, А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА – М: КОНТРАКТ, 2004.
66. Фаргиев И.А., Крутько О.С. Неуставные взаимоотношения: уголовно – правовой и криминологический аспекты: Учебное пособие. – Хабаровск: ХВИФПС РФ, 1999. – С. 32.
67. Чижов Ю.В. Короли и пешки // Социологические исследования. – 2000. – № 5.
68. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. – СПб: Юридический центр Пресс, 2011.
69. Шипилов А. Психология разрешения конфликтов между военнослужащими. – М.: ВУ, 2000.
70. Шупленков В.П. Воинские преступления: Учебник. – М., 1993.
71. Щупленков И.М. Предупреждение правонарушений в Вооруженных Силах СССР. – М., 1972.
72. Юнин А.С. Ущербная мораль «годковщины»: причины и следствие // Морской сборник. – 1990. – № 8. – Сс. 48-49.

73. Barnes H.E., Teeters N.K. New Horizons in Criminology, first ed. Englewood Cliffs, New Jersey, 1943.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Ахметшин Х.М. Основные вопросы теории советского военно-уголовного законодательства и практики применения: Дисс. ... докт. юрид. наук. – М., ВПА, 1972.
2. Волков А.Е. Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: Дисс. ... докт. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2004.
3. Исрапилов И.И. Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений (уголовно – правовой аспект): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д: РЮИ МВД РЮ, 2009.
4. Лавруков М.М. Квалификация воинских насильственных преступлений: Дисс. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2004.
5. Озеров А.А. Казачество в Российском обществе: институционально-политический анализ: Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. – Ростов н/Д, 2006г.
6. Молдабаев С.С. Воинские преступления в Республике Казахстан: современное состояние и механизм противодействия (криминологический и уголовно-правовой анализ): Дисс. ... докт. юрид. наук. – СПб, 2005.
7. Моховой М.Б. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, посягающих на представителей власти: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д: РЮИ МВД РЮ, 2004.
8. Новокшенов Д.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчиненности в воинских уставных взаимоотношениях: Дисс. ... докт. юрид. наук. – СПб, 2007.
9. Оноколов Ю.П. Детерминанты преступности военнослужащих и ее предупреждение: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д: РЮИ МВД, 2005.

10. Панов И.И. Уголовная ответственность за самовольное оставление части или места службы и дезертирство: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д: РЮИ МВД РЮ, 2008.
11. Панченко С.Л. Неформальные отношения в армейской среде, как фактор преступности военнослужащих: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д: РЮИ МВД РЮ, 2007.
12. Седракян А.С. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика воинских преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ер.: ЕГУ, 2008.
13. Съедин С.И., Крук В.М. «Дедовщина» в воинских коллективах: причины, пути выявления и искоренения. (Социально-психологический аспект). – М., 1990.
14. Хомяков А.И. Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Дисс. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2002.
15. Чахов Г.Н. Личность современного насильственного преступника, как объект криминологического изучения: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д: РЮИ МВД РЮ, 2004.
16. Шахманаев К.А. Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности (уголовно-правовой и криминологический анализ): Дисс. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2009.

Статьи

1. Абабков А. Защита прав военнослужащих // Российская юстиция. – 1999. – № 8.
2. Андриянченко Е.Г., Холопова Е.Н. Научные и правовые проблемы определения воинского должностного лица как специального субъекта воинских должностных преступлений // Военно-юридический журнал. – 2010. – № 5.
3. Анцупов А., Ковалев В. Конфликты в подразделениях, основные способы их предупреждения и разрешения // Ориентир. – 2002. – № 2.
4. Арапов В.Ф. Протекционизм или реальность? // Коммунист Вооруженных Сил. – 1990. – № 1. – Сс. 22-23.

5. Беницкий Л.С., Николаев К.Н. Дедовщина // Армия. – 1996. – № 7. – С. 2.
6. Беницкий Л.С. Самоубийство в армии // Разведчик. – 1914. – № 1218.
7. Борков В.Н. Преступления против военной службы в системе посягательств на государственную власть // Военно-юридический журнал. – 2006. – № 11.
9. Главная военная прокуратура: в армии резко растет преступность // Колокол. – 2004. – Сс. 5-6.
10. Герасимов А.В. Социальная защищенность советского военнослужащего. – М.: Воениздат, 1991. – Сс. 20-23.
11. Гертель Е. Оскорбление и клевета как виды психического насилия // Уголовное право. – 2011. – № 6. – С. 10.
12. Герунко Е.Н. Два года «встроенного» наблюдения // Социологические исследования. – 2000. – № 5. – Сс. 128-129.
13. Дедовщина на весах закона // Коммунист Вооруженных Сил. – 1989. – № 21.
14. Дроздов Г.И. Военный дознаватель: опора и подпорка? // Коммунист Вооруженных Сил. – 1990. – № 5. – С. 4.
15. Заика Л.М. Правовое положение в армии // Законность. – 2001. – № 1. – С. 24.
16. Зайцев Ф.А. Соучастие в преступлениях против военной службы // Военное право. – 2007. – Сс. 11-13.
17. Зателепин О.К. Понятие преступления против военной службы (комментарий к ст. 331 УК РФ) // Право в Вооруженных Силах. – 2002. – №№ 4, 6, 8, 10, 12.
18. Зателепин О.К., Фатеев К.В. К вопросу о понятии воинского должностного лица по уголовному праву // Право в Вооруженных Силах. – 2003. – № 10.
19. Зателепин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства: Монография (выпуск 106) // За права военнослужащих. – 2009.
20. Захаров М.В. Национальное строительство в Красной Армии. – Одесса, 1927.
21. Иванов Г.Ф. Некоторые аспекты перехода Вооруженных Сил США на добровольный принцип комплектования // Военная мысль. – 1999. – № . – Сс. 70-74.
22. Золотухин Г.А. Место и роль юридической службы в период реформирования Вооруженных Сил РФ // Право в Вооруженных Силах. – 1997. – № 4. – С. 31.

23. Каньшин А.П. Преемственность // Молодая гвардия. – 1999. – № 2. – С. 17.
24. Капустин А.Н., Азарнов Н.Н. Перестройка психолого-педагогической подготовки офицеров // Военная мысль. – 1998. – № 1. – С. 51.
25. Карташов Н.В. Почему они здесь? // Коммунист Вооруженных Сил. – 1989. № 22. – С. 57.
26. Кашин С.Т., Дроздов К.С. Неуставные отношения // Комсомольская правда. – 1999. – № 4.
27. Ковалев О.Г., Вахренева И.Н. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, по преступлениям, совершаемым воинскими должностными лицами с превышением полномочий // Российский следователь. – 2012. – № 9.
28. Ковалев А.С. Грубый дисциплинарный проступок как основание применения меры обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке в виде доставления военнослужащего // Право в Вооруженных Силах. – 2007. – № 8.
29. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации воинских насильственных преступлений // Право в Вооруженных Силах. – 2008. – № 10.
30. Кочешев С.П. Квалифицирующие признаки преступлений в сфере взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности в свете принятия федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Военно-юридический журнал. – 2006. – № 2.
31. Кочешев С.П. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с неуставными отношениями // Военно-юридический журнал. – 2006. – № 8.
32. Кочешев С.П. Характеристика личности преступника, совершившего преступления, связанные с неуставными отношениями // Военно-юридический журнал. – 2009. – № 9.
33. Крохмалюк А.Е., Евдокимов А.Р. Годен ... к нестроевой // Коммунист Вооруженных Сил. – 1991. – № 1. – Сс. 33-34.
34. Кто защитит офицеров? // Аргументы и Факты. – 2003. – № 50. – С. 4.
35. Лебедева Т. О мотивах, побуждающих молодых людей служить в армии США // Армия. – 1991. – № 23. – Сс. 58-59.

36. Малыщицкий М.И. Психология нашего солдата // Военное дело. – 1919. – № 17-18. – С. 59.
37. Мацкевич И.М. Криминологический и уголовно-правовой анализ преступлений против военной службы // Государство и право. – 1999. – № 6. – Сс. 57-63.
38. Мацкевич И.М. Общая характеристика военнослужащих // Российская юстиция. – 2000. – № 6. – Сс. 34-37.
39. Машин И.П. Как реализовать право военнослужащего на обучение в гражданском вузе // Право в Вооруженных Силах. – 2001. – № 11. – С. 3.
40. Нарушение правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности: научно-практический комментарий к ст.335 УК РФ // Право в Вооруженных Силах. – № 10. – 2003.
41. Неуставщина // Аргументы и Факты. – 1999. – № 44.
42. Неуставные отношения: что будет завтра? // Коммунист Вооруженных Сил – 1991. – № 1. – Сс. 13-14.
43. Онколов Ю.П. Социально-психологическое значение мотивов и целей преступлений, совершаемых военнослужащими // Военно-юридический журнал. – 2011. – №5. – Сс. 27-31.
44. Онколов Ю.П. О взаимосвязи юридических и социально-психологических аспектов мотивов и целей преступлений, совершаемых военнослужащими // Военно-юридический журнал. – 2011. – № 6.
45. Путин В.В. Только народ даст ответ на вопрос о будущем... // Дагестанская правда от 01.01.2006. – № 19 (24048).
46. Савенков А. Права и свободы военнослужащих: Прокурорский надзор // Российская юстиция. – 1999. – № 3.
47. Сапронов А.Т. Сержантский корпус – становой хребет армии США // Военная мысль. – 1999. – № 11. – Сс. 70-76.
48. Сапронов А.Т. Дисциплинарная практика в Вооруженных Силах США // Военная мысль. – 1999. – № 2. – С. 67.
49. Смирнов С.П. Самоубийства в армии // Разведчик. – 1914. – № 1218. – С. 153.

50. Смирнов С.П. Унижение человеческого достоинства по традиции // Братская помощь. – 1909. – № 4. – С. 2.
51. Тайны бундесвера // Комсомольская правда. – 1990. – 23 июня.
52. Толкаченко А.А. Оскорбление военнослужащего. Научно-практический комментарий к статье 336 УК РФ // Право в Вооруженных Силах. – 2004. – № 2.
53. Уколов А.Т. Приговор «Дедовщина» // Коммунист Вооруженных Сил. – 1989. – № 18. – Сс. 6-11.
54. Унижение человеческого достоинства по традиции // Братская помощь. – 1909. – № 4. – С. 2.
55. Хохлов А.И., Дмитриев К.Л. Сегодняшний солдат... // Военная мысль. – 1999. – № 3. – Сс. 10-11.
56. Цой Н. Целесообразно ли введение уголовной ответственности за диффамацию? // Предупреждение преступности. – 2009. – № 2. – Сс. 25-27.
57. Чижов Ю.В. Короли и пешки // Социс. – 2000. – Сс. 80-81.
58. Шахов А.А., Лепетун К.С. Квалификация действий лиц, не являющихся военнослужащими, при совершении воинского преступления // Право в Вооруженных Силах. – 2007. – № 8.
59. Щербаков С.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений // Российский следователь. – 2011. – № 10.
60. Юнин А. Неслужебный ранжир // Коммунист Вооруженных Сил. – 1989. – № 5.

Судебно-следственная практика

1. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1990. – № 7. – Сс. 10-11.
2. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов Северо-Кавказского военно-судебного округа по уголовным делам за 2005 г.
3. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов Северо-Кавказского военно-судебного округа по уголовным делам за 2006 г.

4. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов Северо-Кавказского военно-судебного округа по уголовным делам за 2007 г.
5. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов Северо-Кавказского военно-судебного округа по уголовным делам за 2008 г.
6. Определение Военной коллегии по уголовному делу в отношении Б. – 2008.
7. Обзор Военной коллегии Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими за 2005 г. – М. – С. 12.
8. Обзор Военной коллегии Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими за 2006. – М. – С. 12.
9. Обзор Военной коллегии Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими за 2007 г.
10. Обзор Военной коллегии Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о преступлениях против порядка военной службы и некоторых должностных преступлений, совершаемых военнослужащими. 2008 г. – М. – С.4.
11. Обзор Военной коллегии Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими за 2009 г.
12. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов Северо-Кавказского военно-судебного округа по уголовным делам за 2001–2004 гг.
13. Обзор кассационно-надзорной практики Северо-Кавказского окружного военного суда за 2002 г.
14. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов Северо-Кавказского военно-судебного округа по уголовным делам за полугодие 2003.
15. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов Северо-Кавказского военно-судебного округа по уголовным делам за 2004 г.
16. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов Северо-Кавказского военно-судебного округа по уголовным делам за 2005 г.

17. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов Северо-Кавказского военно-судебного округа по уголовным делам за полугодие 2006.
19. Обзор судебной практики военных судов по уголовным делам (2006-201гг.).
20. Уголовное дело №14/07/0007-01 в отношении рядового Г. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2005 г.
21. Уголовное дело № 14/07/0008-01 в отношении рядового В. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2005 г.
22. Уголовное дело № 14/07/0076-01 в отношении матроса Е. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2005 г.
23. Уголовное дело № 14/07/0053-01 в отношении рядового К. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2006 г.
24. Уголовное дело № 14/0/0060-01 в отношении рядового С. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2006 г.
25. Уголовное дело № 14/07/0067-01 в отношении рядового У. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2006 г.
26. Уголовное дело № 14/07/0010-01 в отношении сержанта О. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2007 г.
27. Уголовное дело № 14/07/0030-01 в отношении рядового П. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2007 г.
28. Уголовное дело № 14/07/0067-01 в отношении рядового У. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2007 г.
29. Уголовное дело № 14/07/ 0077-01 в отношении рядовых Ж. и Г. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2007 г.
30. Уголовное дело № 14/07/1003-01 в отношении сержанта Д. и рядового Р. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2007 г.
31. Уголовное дело № 14/07/0061-02 в отношении рядового К. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2008 г.
32. Уголовное дело № 14/07/0066-02 в отношении рядового Ч. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2008 г.

33. Уголовное дело № 14/07/0079-01 в отношении сержанта П. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2008 г.
34. Уголовное дело № 14/07/0087-02 в отношении сержанта Б. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2008 г.
35. Уголовное дело № 14/07/0097-01 в отношении рядового С. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2008 г.
36. Уголовное дело № 14/07/0074-02 в отношении рядовых Д. и М. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2009 г.
37. Уголовное дело № 14/07/ 0081-02 в отношении рядовых Б. и Ю. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2009 г.
38. Уголовное дело № 14/07/0085-02 в отношении рядового Г. // Архив Махачкалинского гарнизонного военного суда за 2009 г.
39. Информационные письма о преступлениях, связанных с нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, осужденными Махачкалинским гарнизонным военным судом в 2001–2005 гг.

Интернет ресурсы

1. http://nvo.ng.ru/concepts/2011-04-08/6_dedovshina.html
2. <http://www.pvlast.ru/archive/list4.php>
3. [http://actualcomment.ru/news/16354/.](http://actualcomment.ru/news/16354/)
4. <http://www.uroki90.ru/node/133>
5. <http://www.oboznik.ru/?p=2688>

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ ОТСУТСТВИИ МЕЖДУ НИМИ ОТНОШЕНИЙ ПОДЧИНЕННОСТИ	11
§1. Развитие российского законодательства в сфере нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.....	11
§2. Анализ состава нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.....	24
§3. Отграничение состава нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности от смежных составов преступлений	52
ГЛАВА II. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ ОТСУТСТВИИ МЕЖДУ НИМИ ОТНОШЕНИЙ ПОДЧИНЕННОСТИ	67
§1. Состояние и динамика преступности, связанной с нарушением уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.....	67
§2. Социально-экономические факторы, детерминирующие нарушение правил уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.....	79
§3. Социально-психологические и психофизиологические факторы агрессивного поведения военнослужащих	97

§4. Личность преступника и жертвы в механизме преступных нарушений взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.....110

ГЛАВА III. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ УСТАВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ ОТСУТСТВИИ МЕЖДУ НИМИ ОТНОШЕНИЙ ПОДЧИНЕННОСТИ.... 136

§1. Правовые средства предупреждения неуставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.....136

§2. Общие и индивидуальные меры предупреждения нарушения правил уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.141

§3. Криминологическая профилактика и коррекция агрессивного поведения в системе воздействия на насильственную преступность в войсках.....165

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....175

БИБЛИОГРАФИЯ.....184

МОНОГРАФИЯ

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ ОТСУТСТВИИ МЕЖДУ НИМИ ОТНОШЕНИЙ ПОДЧИНЕННОСТИ

Издательство «Мекнарк»

3721 г. Ереван, ул. Абовян 41

2021